

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

АПРЕЛЬ 2008

НИСАН 5768

N 4(192)

ЗДОРОВЬЕ ТЕЛА, СОЗНАНИЯ И ДУХА

לְיָיָהוּוָה אֱלֹהֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ אֵלֵינוּ

Скорая помощь и больницы

Служба скорой помощи

Ацала – служба скорой помощи, пристало сказать о ней несколько слов. Мы продолжаем пребывать в изгнании – а значит, над нами властны болезни и недуги, и мы нуждаемся во врачевании – том врачевании, о котором сказано «и <...> вылечит его» (Шмот, 21:19): подразумевается, что врач становится агентом Б-га, через которого приходит исцеление (см. Брахот, 60а и приводимые там источники).

Известно, что во времена рассеяния и изгнания нам дано два вида врачевания: когда человек, упаси Б-г, уже заболел, он нуждается в помощи докторов и лекарственных средств, чтобы вернуть себе здоровье; покуда же человек здоров, он должен принимать усилия, чтобы не заболеть.

Вторая форма целительства в чем-то сродни исцелению, как оно есть у Б-га: «ни одной из болезней <...> не наведу на тебя, ибо Я Б-г, твой Целитель» (Шмот, 15:26). Отчасти мы и сами можем исполнить то, о чем говорится в этом стихе Торы, – об этом напоминает Рамбам: описав, как человеку следует вести себя, чтобы оставаться здоровым, он заключает: «И кто ведет себя в соответствии с этим, тот – я гарантирую – не будет нуждаться во враче».

На более сложном уровне можно сказать, что предотвращение болезни опирается на знание о том, что существует исцеление и есть врачи. Когда человек знает, что ему доступна врачебная помощь, он пребывает в мире и покое – само это знание способствует его хорошему самочувствию, помогает сохранять здоровье.

И тогда мы можем сказать: ежели сам факт существования врачей и лекарств помогает нам не болеть, сколь же укрепляет нас в этом существование хатцола, служба скорой помощи.

А вот если человек знает о существовании того или иного лечения, врачей и лекарств, но они недоступны ему, – он может потерять покой.

В общем, сама мысль о том, что при первой необходимости прибудет «скорая помощь», помогает человеку избежать нужды в ее услугах.

И в дополнение к сказанному: когда человек выходит на улицу и видит карету «скорой помощи», это служит напоминанием о необходимости следовать советам врачей, исполнять их указания. Вышедший на улицу вспомнит: сколько раз врач говорил о том, что следует заботиться о своем здоровье, стремиться к правильному питанию и т. д.

Когда человек видит карету «скорой помощи», он осознает: ему она тоже понадобится, если он не будет вести здоровый образ жизни.

Больницы

<...> Как правило, я не высказываюсь о том, что лежит вне зоны моей компетенции. Но, взглянув на подробную программу медицинских исследований, которую Вы приложили к письму, я захотел поделиться с Вами некоторыми соображениями.

В медицинской литературе порой высказывается мнение о том, что некоторые микробы и инфекции непосредственно связаны с больницами, – не стоит ли чаще напоминать об этом?

Я не очень хорошо знаком с проблемой, но, насколько понимаю, она имеет отношение к способности бактерий развивать иммунитет к антибиотикам, как это произошло с пенициллином. Может оказаться так, что методы контроля над инфекциями, эффективные в других местах, в больницах теряют свою эффективность из-за того, что их применяют постоянно и бактерии вырабатывают иммунитет: живя в условиях агрессивной среды, они постепенно к ней приспосабливаются.

В свете сказанного надо провести какое-то разграничение между бактериями, обретшими иммунитет, и такого иммунитета не имеющими, а значит, изменить методы стерилизации, предотвращения инфицирования больных в клиниках и т. д.

О некоторых запретах и ограничениях

Прежде чем делать операцию, не согласующуюся с алахическими предписаниями, – например, стерилизацию, – спросите суждение раввина, допустима ли такая операция с точки зрения Торы.

<...> В течение так называемых Трех недель (то есть в промежутке между семнадцатым днем месяца тамуз и девятым днем месяца ав) воздержитесь от большинства лечебных процедур.

<...> Ваше желание сделать операцию во время Девяти дней (между рош ходеш менахем ав и Тиша бе-ав), да еще накануне Субботы, мне совершенно непонятно. Я бы очень советовал Вам отложить это до начала недели, которая наступит после Тиша бе-ав. Если же врачи настаивают – пусть будет так, но позаботьтесь, чтобы процедуры начались не накануне Шабат хазон.

Пусть Б-г, «целитель всякой плоти и податель чудес», ниспошлет «слово врачевания» и излечит Вас – посредниками же выступают Ваш врач и назначенное им лекарство.

В СУББОТУ ДАЖЕ Б-Г ОТКЛЮЧАЕТ ТЕЛЕФОН

Аאֹדֶּ עֵאָצִיֹד

Ученые, промышленники, средства массовой информации – все в один голос убеждают нас, что технические новинки, каждый день появляющиеся на полках магазинов, призваны облегчить нашу жизнь. В самом деле: СВЧ-печь и посудомоечная машина, телефон и компьютер помогают людям больше успеть в течение рабочего дня. В теории мы должны от этого выигрывать: растет производительность труда, у нас становится больше свободного времени.

Но это, увы, только в теории. Я смотрю на многих своих знакомых, очень достойных и талантливых людей – и вижу, что высокие технологии вовсе не прибавляют им свободы. Наоборот, во многих случаях они заставляют человека работать без перерыва, превращают его в собственный придаток.

Вот, к примеру, полезное изобретение – телефон. Позволяет людям обмениваться информацией, не теряя времени. Но что получается? Раньше люди говорили по телефону, когда это необходимо, потому что для разговора надо было, чтобы обе стороны находились в определенном месте, у телефонного аппарата. Сейчас можно позвонить на мобильный телефон человеку, который едет в машине, гуляет с детьми, пошел послушать лекцию или оперу в театре, наконец, просто отдыхает – и ведь звонят, отрывают от отдыха. А уж SMS-сообщения отправляют едва ли не каждую минуту!

То же самое с компьютером. Вот говорят – Интернет дает нам доступ к любой информации в режиме реального времени. Вроде бы что может быть лучше? Только раньше люди, которым нужна была информация, читали газеты раз в день или слушали новости по радио раз в несколько часов. А теперь я знаю людей, которые целыми днями не вылезают из «всемирной паутины» – не дай Б-г, не узнают, что сказал министр такой-то и что произошло на острове Тристан-да-Кунья!

Хуже того. Прежде мы знали, что на улице много чего творится нехорошего – однако еврейский дом был гнездом покоя и мира. Входная дверь не впускала грязь с улицы. Сегодня телевизор и Интернет приносят убийства, наркотики, косовские погромы прямо в наш дом. Неужели мы не должны оградить от этого хотя бы свою семью, своих детей?!

Поймите меня правильно, я не против распространения информации. Но во всем нужна мера, нужен правильный подход. Представьте себе ситуацию, когда люди собрались на свадьбу или, не дай Б-г, на похороны, – и вдруг у кого-то звонит мобильный телефон! А то еще хуже: телефон звонит, когда люди молятся – они не могут прервать молитву, а телефон продолжает наигрывать свои мелодии, мешая всем. И ведь нельзя обвинить человека, который набрал ваш номер, – он не знает, что вы заняты.

Один умный человек сказал, что сейчас, в век высоких технологий, каждый еврей работает либо в скорой помощи, либо в пожарной команде. Все срочно, все бегом – без отдыха, без передышки... А между прочим, так вся жизнь проходит. Наш народ всегда знал, что главное в жизни – это семья, дети. А если я занимаюсь с детьми, и при этом каждые десять минут звонит телефон – о каком соблюдении семейных ценностей может идти речь?

Понимаю, что навряд ли мне удастся уговорить всех читателей отключить телефон после окончания рабочего дня. Но очень прошу: сделайте это хотя бы раз в неделю, в Шабат! Г-сподь не зря дал нам заповедь субботнего отдыха – Он заботился о наших интересах.

Помню, в детстве один мой приятель смеялся, что в нашей семье в Шабат никто не поднимает трубку. Он говорил примерно так: «Б-г велел в субботу не делать никакой работы – но разве это работа, подойти к телефону и поговорить?» Недавно мы встретились, и он сказал: «Я даже представить себе не мог, что Тора так прозорливо предвидела будущее! Только теперь, в век массовых коммуникаций, я по-настоящему понял, что с этим телефоном невозможен никакой отдых...»

Совершенно неправильно, если человек будет все время работать, не отдыхая. Работа – мицва, потому что наш долг улучшать окружающий мир; но и отдых – мицва, потому что, работая без отдыха, мы обедняем самих себя, а следовательно, и мир Б-жий. Человек, «приклеившийся» ухом к телефону, а глазами к экрану компьютера, вызывает жалость.

Есть притча о богаче, который захотел отдохнуть. Выбрал себе курорт на берегу моря, остановился в самой дорогой гостинице, за обедом заказал самое дорогое блюдо. Повар принес ему рыбу, которая водится только в одном месте, и ловит ее только один рыбак. Богачу рыба понравилась. Назавтра он познакомился с рыбаком и напросился выйти с ним в море, поучаствовать в рыбной ловле. Он наблюдал за техникой лова, убедился, что рыбы в этом районе полно. В конце концов предлагает рыбаку: давай я инвестирую в твой бизнес, чтобы ты мог купить пять кораблей и ловить в пять раз больше рыбы.

– А зачем? – спрашивает рыбак.

– Как, ты не понимаешь? Ты сможешь экспортировать эту рыбу в разные страны!

– А зачем?

– Как зачем?! Станешь богатым человеком!

– А зачем?

– Ну ты совсем непонятливый! Разбогатеешь – сможешь, как я, отдыхать на самом дорогом курорте и заказывать самую вкусную рыбу!

Рыбак только плечами пожал: я и так здесь живу, и рыбу эту ем каждый день...

ПЕРВАЯ ЕВРЕЙСКАЯ МАТЬ

Искусство нежности

Nei li Aaeleli

I inyuaaoniy aealeleli le lai yode i enen Oadei ou (Naot) Di d

*Aaelele aeala e i aode, +iy i alaleli lai ay aeeli i a yode cai ea i dialeaeaaoniy a
aeleli duno i uo aay e yo aa lai ue.*

Есть множество стереотипов классической «еврейской матери»: ворчливая, склонная посплетничать, чрезмерно заботливая, докучливая, постоянно вмешивающаяся в жизнь уже выросших детей, полная любви, но контролирующая каждую мелочь, заставляющая детей испытывать глубокое чувство вины, ибо она дает понять им, что бесконечно страдает ради их блага, – мать как причина всех наших проблем.

Помните анекдот о трех еврейских матерях из Майами-Бич? Они обсуждают, как сыновья отметили их 80-летие. Первая мать сообщает: «Мой Барриле привез всю свою семья в Майами, на целую неделя, только чтобы побыть с любимой мамочкой в ее день рождения. Ну разве не зисер, я говорю?..» Другая мать отвечает: «Ха, ерунда... Мой Вольфи, вы только знаете, что он сделал? Он забрал нас всех на сафари в Африка. Вот что он сделал, когда мне настало восемьдесят». Третья мать пренебрежительно отмахнулась: «Вы обе имеете хороших мальчиков. Но если хотите знать, что есть настоящий сыночек, посмотрите на моего Сидни. Мой мальчик знаменитый адвокат в Нью-Йорке и имеет не знаю какие деньги. И Сидни ходит на терапия три раза на неделе и платит их вейс вифл! – говорят, очень большие доллары. Так он там ни о чем больше не говорит, как о своей мамочке. Вот это и есть зисер!» – добавила она с гордостью...

А ведь есть еще еврейские тещи...

Не знаю, откуда взялись все эти стереотипы. Кое-кто приписывает демонизацию образа еврейской матери антропологу-феминистке Маргарет Мид, убедившей Американский еврейский совет в необходимости финансировать исследования Колумбийского университета, посвященные европейским штетлам... Интервью со 128 евреями европейского происхождения, эмигрировавшими в Соединенные Штаты, дали представление о довольно широком диапазоне семейного опыта. Но антропологи, публиковавшие исследования в 50-х годах, поставили «ворчливую, ноющую и беспрерывно жалующуюся на болезни» мать в центр традиционной семьи из штетла. По их мнению, такие матери проявляют к детям неизбывную любовь, тем самым доставляя им «безграничные страдания». Приводят такую легенду: «Молодой человек просит у матери сердце, которое потребовала в дар его возлюбленная. Вырвав сердце из груди матери, готовой на все ради сына, молодой человек убежал. Но юноша споткнулся, сердце упало на землю, и он услышал заботливые слова: “Ты не ушибся, сынок?”»

Независимо от своих корней, этот стереотип, как и все прочие, основан на мифе и чрезвычайно далек от истинной сущности настоящей еврейской матери.

Если нам нужно точное описание настоящей еврейской матери – первой женщины-«матриарха» в истории – прочтем историю нашей матери Сары.

«Мать» – это совсем не малый титул. В Талмуде (Брахот, 16б) четко сказано, что только четырех женщин можно назвать «матриархами», и Сара – первая из них.

Многие добродетели приписывают бессмертной еврейской матери Саре:

Чистоту

Благочестие

Красоту

Скромность

Мудрость

Мужество

Вдохновение

Духовность

Духовное видение

Благородство

Это образец для подражания.

И главное, она отличалась цельностью. В Торе упомянуто о том, сколько прожила Сара: «И было жизни Сары сто лет и двадцать лет, и семь лет – годы жизни Сары». Почему слово «годы» повторяется три раза? «Слово “шана” (год), стоит после каждого периода, тем самым говоря тебе, что каждый из них нужно толковать в отдельности: в столетнем возрасте <она была> как двадцатилетняя <непричастна> к

греху. Как двадцатилетняя не грешна, потому что <по возрасту еще> не подлежит наказанию, так и столетняя безгрешна. А в двадцать лет <она была так же> прекрасна, как в семь лет» (Раши из Берешит раба, 58:1).

Что давало жизненные силы первому еврейскому матриарху? Как удалось Саре сохранить свою цельность, преодолев все взлеты и падения жизни с Авраамом – а таких было множество: от угрозы гибели в Ур-Касдике до событий Лех леха, от битв до похищения фараоном и Авшаломом, от проблем с Ишмаэлем до страха остаться бездетной, который преследовал ее большую часть жизни? Сара никогда не утрачивала чистоты, благочестия и преданности.

Секрет еврейской матери раскрывается в Эшет Хаиль – в заключительной главе книги Притч (Мишлей), которую мы с любовью читаем и поем каждый вечер по пятницам. Этот гимн, соответствующий двадцати двум буквам алеф-бет (еврейского алфавита), рассказывает о матриархе Саре, от алефа до тав (Мидраш Теилим, 112:1).

Не прибегая к подробному анализу каждого стиха, отметим, что их основная тема – внемирность. Пусть истинная добродетель и верность невидимы в данный момент – со временем они становятся очевидны.

Мать – это фундамент жизни и поэтому строитель жизни. Фундамент – опора всего строения – не различим для глаза. Верный материнский совет не всегда воспринимается своевременно. Когда домашние неприятности стали угрожать ее сыну Ицхаку, Сара, а не Авраам, настояла на том, чтобы были предприняты действия, которые не нравились ее благочестивому мужу; он не хотел совершать их, пока не вмешался Сам Б-г, повелев Аврааму: «Во всем, что скажет тебе Сара, слушайся голоса ее...» (Быт., 21:12).

Но почему? Потому что «в Ицхаке наречется род тебе». Сара поняла это тем интуитивным знанием, которое рождается в глубине души. Только мать способна понять, что нужно сделать ради будущего. Сара была готова преодолеть сиюминутные неудобства настоящего и построить вечное будущее, оценить которое можно только по прошествии многих лет.

И самое замечательное: с течением времени мы все больше оцениваем вклад Сары...

Еврейский народ существует ныне благодаря беззаветной преданности Сары и мудрости, которую она проявляла, чтобы сделать Ицхака крепким физически и духовно. Если бы не настойчивость Сары, Авраам поступил бы по-своему, и это изменило бы весь ход истории!

Многие ли вправе сказать о себе то же самое?

Не гаснет ночью светильник ее. Даже когда солнце садится и надежда кажется утраченной, даже когда ничего не видно во тьме, материнский огонь не гаснет. Мать не выпускает из поля зрения детей и семью. Бессчетные часы проводит она в заботах и молитвах о семье. На протяжении всей жизни она посылает своим детям неисчислимы вести. Она наблюдает за ходом дел в доме своем, и хлеба ленивого не ест.

Крепость и достоинство – одежда ее, и смеется она над грядущим днем. В текущий момент не всегда понятна суть вещей – точнее, непонятна. Но сила и

благородство матери устремлены вперед и вовне; они возвращаются, чтобы наполнить сегодняшнюю жизнь мудростью и улыбкой завтрашнего дня. Уста свои открывает она с мудростью, и кротко наставление, слетающее с языка ее.

Обманчива прелесть, и суетна красота: жена, боящаяся Г-спода, прославлена. Сегодня мы отождествляем красоту с внешними данными, нередко связанными с косметикой и модной одеждой. Внутреннюю же красоту мы так высоко не ценим.

Истинная мать прекрасна внутренне и внешне. Она так прекрасна, что возносится превыше красоты. Она царственна, знатная (о чем говорит само имя Сара, «сар») – сначала «знатная» у Авраама и своего народа («сарай» с йод, а потом и мира; «Сара» с эй – Брахот, 13а).

Неудивительно, что Ицхак оценивал красоту жены, сравнивая ее с матерью. Он ввел ее в шатер, и стала она подобной Саре, матери его. То есть вот она <как> Сара, мать его. Ведь пока Сара жила, свеча горела <в шатре> с субботнего вечера до субботнего вечера, и благословение было на тесте, и облако стояло над шатром. Когда же она умерла, все это пропало, а с приходом Ривки появилось вновь (Раши из Мидраша Берешит раба, 60).

Многие ищут сегодня себе супругу, которая ни в чем не напоминала бы их мать (подозреваю, что из-за указанных выше стереотипов). Ицхаку, однако, выпало счастье иметь настоящую идише маме – когда хочется найти жену, во всех отношениях похожую на нее.

Есть ли большее счастье?

В самом деле, Сара столь благословенна, что даже «буква йод, будучи отделена от ее имени, стояла и плакала много лет, пока не пришел Йеошуа (Йошуа) и Б-г не добавил букву к его имени» (Сангедрин, 107а). Буква «йод» летала пред троном Всевышнего и говорила: «Повелитель Вселенной, Ты меня оторвал от имени праведной Сары, потому что я самая маленькая из букв?» Всевышний ответил: «В прошлом ты находилась в конце женского имени, а теперь я тебя помещу в начало мужского имени: Йеошуа» (Берешит раба, 47:1).

Роль Сары была так велика, что даже одна буква ее имени наделила Йошуа могучей силой, и он привел еврейский народ в Обетованную землю.

Все это неотъемлемые свойства первого еврейского матриарха Сары и каждой истинно еврейской матери.

Настоящая идише маме – одна из самых сильных и сложных фигур в нашей жизни. Она поистине столп неиссякаемой энергии, но при этом, как правило, остается незаметной. Задумайтесь о любви и заботе, с которой мать убаюкивает новорожденного младенца. Какие чувства выражают любящие глаза матери, встречаясь с глазами ее ребенка? Существует ли более сильный воспитательный образ – а ведь его так принижают?

Много бесценных уроков можно почерпнуть у Сары-матери. Особенно сегодня важно проявить мудрость и обратиться к жизни и призванию Сары – сегодня, когда столько говорят о беспорядочном веке, кризисе семьи, неудавшихся браках, когда многие из нас заняты поисками матери (и отца). В конце концов, ее проект оказался успешен...

Говоря же конкретно, мы унаследовали от Сары, помимо всего прочего, одно – вернее, три основополагающих представления. В ее шатре были явлены три добродетели: свеча, горевшая от Шабата к Шабату; благословение на тесте и облако, стоявшее над шатром. На этих трех столпах должен строиться всякий здоровый дом:

1. Зажигание свечей на Шабат и йом тов, каждую пятницу до захода солнца, а тем самым святость Шабата вводится в дом и мир, и все наполняется святым духовным светом.

2. Кошер – чистая еда. Мы представляем собой то, что едим.

3. Семейная чистота – святость интимных отношений (см.: Зоар, 1:102б).

Сара учит тому, как всякая хорошая жена может преобразить свой дом и семью на этих трех основах и наполнить жизнь глубоким смыслом.

Никогда не умаляйте величия еврейской матери, идише маме: она трепетно выстраивает вечное сооружение. Как ей свойственно, она тихо и незаметно вносит мягкое тепло в дом, шепчет молитвы и благословения, легко взмахивая руками, и прикрывает глаза в тот момент, когда зажигают свечи. Она неторопливо наполняет любовью свое «тесто»; возвышает внутренний дух дома через просветленное состояние наивысшей чувственности и интимности, к которому ведут нежность, скромность, святость.

Еще одна Сара, мать дорогого друга и беззаветно преданный делу строитель еврейской жизни, ушла от нас на прошлой неделе. Из пепла Холокоста она и ее муж создали необыкновенную семью, запечатлевшую вечность еврейского народа. Совсем нетрудно увидеть сходство между двумя Сарами.

Еврейская мать с улыбкой глядит в будущее.

Сара (1802–1675 до н. э.) ушла в вечность 3683 года назад, но мы вспоминаем ее поныне. И не только ее, но и то, что она построила.

Вне всяких сомнений, то же самое можно сказать и о Саре, дочери Йеуды Рора.

МИСТИКА НИСАНА

Īīōōī -Çāyā Dāīīīīōō

По словам Иерусалимского Талмуда (Рош а-Шана, 1:2), месяцы еврейского календаря получили свои нынешние названия, когда народ Израиля находился в вавилонском изгнании. Буквальный перевод соответствующей фразы в Талмуде – «названия месяцев поднялись вместе с ними из Вавилона» – предоставляет возможность ее мистического истолкования. Рациональное мышление не позволяет сказать, что названия месяцев «поднялись», так как речь идет о чисто отвлеченном, абстрактном понятии. Составители Талмуда пришли к выводу, что названия месяцев имеют вавилонское происхождение. Возможно, основанием для этого послужило то, что они упоминаются лишь в тех книгах Пророков и Писаниях, которые были составлены в вавилонском плену и по возвращении из него, но не в более ранних. В том же месте Талмуда содержится аналогичное высказывание и по поводу имен ангелов: «Имена ангелов поднялись вместе с ними из Вавилона». Очевидно, и это утверждение основано на том, что впервые имена ангелов встречаются лишь в книге пророка Даниэля (8:6, 10:3): там упоминаются имена Михаэль и Гавриэль. Книга Даниэля была записана после возвращения из плена в Эрец-Исраэль.

Вавилонская башня. Испанская Агада. XIV век.

Хасидские мыслители связывают происхождение названий месяцев и имен ангелов со строительством знаменитой башни, с «вавилонским столпотворением». В эту страну стеклось множество племен, состоявших из тех, кто родился после Потопа. Цель, которую преследовали эти племена, возводя башню, не известна, хотя высказывалось множество различных предположений, объяснений, гипотез. Каббала считает – и учение хасидизма разделяет это мнение, – что люди того поколения знали тайные имена ангелов-повелителей, управляющих различными процессами в духовных мирах и влияющих на физический мир^[1]. Строя башню, они пытались использовать оккультные знания, магию, и таким образом привлечь в этот мир духовные силы и воплотить их в материальные блага, но при этом не подчиняться воле Творца и не придерживаться высоких моральных норм. Об их намерениях говорит стих из Берешит: «И сказали они: “Давайте построим себе город и башню, уходящую вершиной в небеса, и создадим себе имя...”» (11:4). В

словах «создадим себе имя» мистики видят намек на то, что они намеревались использовать в неблагоприятных целях высшие силы, заключенные в буквах тайных Имен Творца и имен ангелов. Они строили башню по составленному ими плану: каждый месяц определенную часть – стремясь привлечь к ней магические силы из духовных миров, которые проявляются в определенные месяцы и заключены в буквах, составляющих их названия. Однако Всевышний нарушил замыслы этих людей, привел их в замешательство, и они утратили полноценные тайные знания об именах ангелов и названиях месяцев. Они сохранились у единиц, да и то лишь частично.

Согласно каббале, евреи пребывали в странах изгнания ради того, чтобы высвободить Б-жественные искры святости, которые находятся на всех уровнях физического и духовного существования в этом мире, и их энергия становится внутренней сутью всех деяний человека – как в окружающей его материальной среде, так и в сфере духа – и помочь им вернуться в свой Источник.

В Вавилоне евреи извлекли и «подняли» из сферы зла искры Б-жественного, находившиеся там со времен строительства башни. Они заключали в себе имена ангелов и названия месяцев. Таким образом, смысл слов Талмуда – «названия месяцев и имена ангелов поднялись вместе с ними из Вавилона» – можно понять буквально. Проще говоря, евреи переняли у магов, колдунов и т. п. тайные знания об именах ангелов и названиях месяцев, и они, став частью нашего учения – Торы, «возвысились», перейдя из сферы зла в сферу добра.

Похоже, на этот духовный процесс намекает и название первого и главного в еврейском календаре месяца – нисан. В трактовке Мидраша, слово «нисан» происходит от слова «нес» – «чудо» (мн.: «нисим»). Слово «нес» в иврите имеет и еще одно значение: «древко знамени» (в таком значении оно встречается в книге Бемидбар, 21:8). В иврите также есть идиома «леалот аль нес», что означает «похвалить», «превознести».

Последовательность букв тетраграмматона^[2], относящаяся к месяцу нисан, зашифрована в первых буквах слов стиха «йисмеху а-шамаим ве-тагель а-арец» («возрадуются Небеса и возликует земля»; Теилим, 96:11). Эта последовательность образуется следующим образом: первая буква в слове «йисмеху» – «йод», первая буква (определенный артикль) слова «а-шамаим» – «эй», первая буква (соединительный союз) в слове «ве-тагель» – «вав» и первая буква (определенный артикль) слова «а-арец» – «эй». В таком порядке эти буквы образуют сам тетраграмматон, а не одну из возможных перестановок букв этого Имени. Согласно учению хасидизма, путем перестановки букв Имени и других слов в Торе изменяются и ограничиваются свет и энергия, которые эти буквы несут в себе в мир. Таким образом, в месяце нисан свет Всевышнего максимально проявляется в мире по сравнению с остальными месяцами года.

По учению каббалы, в рош ходеш каждого месяца, когда завершают чтение четвертого благословения в молитве мусаф, следует сконцентрировать мысли на сочетании букв тетраграмматона, относящемся к этому месяцу. Это предписание – одно из возможных объяснений того, что сказано в мидраше «Шохер тов» к Теилим (91:6): «Почему остаются без ответа молитвы Израиля? Ибо они не знают Имени, присущего лишь Ему, как сказано: “Я вознесу его за то, что он знает Имя Мое. Воззовет он ко Мне – и Я отвечу ему”». Абсолютному большинству людей неизвестно, какой смысл несут в себе эти двенадцать перестановок букв Имени и на что они указывают. Поэтому и недоступна для них медитация, связанная с этими перестановками в молитве мусаф в рош ходеш.

Однако в этой молитве в рош ходеш месяца нисан следует сконцентрировать мысли на самом Имени, а не на одной из перестановок его букв. Простой смысл тетраграмматона известен многим и объяснен в трудах наших мыслителей и законоучителей. Это позволяет сделать вывод, что в рош ходеш месяца нисан существует большая вероятность того, что наша молитва будет услышана. Следует принять во внимание то, что сказано в книгах хасидских учителей о гематрии слова «ходеш» («месяц») в неполном написании: хет (8) + далет (4) + шин (300) = 312. Гематрия тетраграмматона – 26. $26 \times 12 = 312$. В этом заключен намек на 12 сочетаний букв Имени, связанных с двенадцатью месяцами года.

В Талмуде (Рош а-Шана, 11б) сказано: «Рабби Йеошуа говорит: “В нисане были освобождены, и в нисане.

^[1] См. об этом в книге Берешит и комментариях; Иерусалим: Шамир, 1993 (комм. с. 137).

^[2] См. об этом нашу статью «Мистика адара»: Лехаим, 2008, № 3.

СУЩНОСТЬ РАБСТВА

Àäëí Øòáéí çäëüü

Представление о рабах – эксплуатируемых, униженных, терпящих побои и издевательства – кажется совершенно тривиальным. Раб занят тяжелым, изнурительным трудом, его подгоняют безжалостные надсмотрщики, награда за его труд мизерна. Все это действительно так, но в этом ли суть рабства? В современном мире почти каждый свободный человек прилагает немалые усилия, чтобы добыть средства к существованию. Редко выпадают моменты, когда не поджимает время и человек позволяет себе расслабиться. Немногие готовы сказать, что не страдают от необходимости трудиться до изнеможения, выполнять нормы и выносить притеснения начальников. Почти непрерывная борьба за существование ложится тяжким бременем на плечи людей. Можно ли только на этом основании назвать их рабами? Евреи, вышедшие из Египта, вспоминали рыбу, которую ели там даром. Было бы неверно назвать их неблагодарными глупцами. Во всякой жизни – даже в жизни раба, изнывающего от непосильного труда, – есть и свои радости. Тяжелый труд сам по себе – вовсе не основной признак рабства, равно как праздность и дармовая рыба – отнюдь не обязательные атрибуты свободы. Суть рабства в том, что труд раба безраздельно принадлежит другим. Сам раб не определяет цели и задачи своей работы, в ней не учтены его потребности и желания. Это работа на других. Другие определяют ее цели и задачи; раб лишь инструмент в их руках. И раз это так, не столь важно, чем именно занят раб и действительно ли он надрывается в поле, изготавливая кирпичи из глины. Он вполне может сидеть в кабинете с кондиционером и писать высокохудожественные книги – само по себе это не делает его свободным человеком.

Как следовало поступить фараону, когда у него возникли опасения, что евреи, почувствовав себя свободными людьми, захотят покинуть Египет? Совершенно очевидно, что он должен был решительно подавить ростки возникающего на глазах национального самосознания.

Что нужно было для этого предпринять? Заставить евреев заниматься делом, совершенно чуждым их национальным интересам – принудить выполнять работу, обеспечивающую благополучие египтян. Поэтому, несмотря на очевидный прагматизм намерений, использование евреев на строительстве новых городов имело сверхзадачу: подчинив их не только внешне, но и внутренне египетским целям, окончательно превратить евреев в народ рабов – народ, существующий для других.

Пока раб, будь то отдельный человек или народ, осознает, что он раб, пока понимает, каковы его личные интересы, и лишь по принуждению, в силу обстоятельств, гнет спину на других, пока неволя причиняет ему страдания, положение раба еще нельзя считать окончательным и бесповоротным. Подлинное состояние рабства возникает в тот момент, когда раб забывает о том, что он раб. Высказывания пророков и мудрецов о рабстве в Египте указывают на то, что у евреев постепенно исчезало болезненное отношение к рабству. Еврейский народ, отождествив себя с египтянами, так проникся их идеями, что с вдохновением и энтузиазмом выполнял возложенную на него фараоном тяжелую работу, более того, уже считал ее своей национальной задачей. Осознав цели египтян как свои собственные, евреи с готовностью приняли все тяготы рабства. Конечно, изнывая от тяжкого труда, еврей иногда пытался получить более легкую работу и

добиться более высокого социального положения, но при этом хотел вписаться в египетскую жизнь. Это было осознанное желание, созревшее без всякого принуждения извне. Понятно, что в таком случае выход из Египта полностью терял для него смысл.

Выход из рабства вовсе не означает, что каждому предоставят после этого горшок с мясом и дармовую рыбу; выход из рабства вовсе не равнозначен обретению беззаботности. Скорее наоборот: свободный человек больше, чем раб, озабочен своим трудом и его результатами. Выйти из рабства – значит начать работать на себя, руководствуясь своими целями и интересами. Поэтому ясно, что рабское сознание не исчезло сразу же после выхода из Египта. Еврейский народ, попадая в другие места изгнания (а временами и обитая на своей земле), вновь возвращался в состояние рабства. Однако это случалось уже не со всем народом, а с отдельными людьми или с отдельными, порой значительными, группами. И тогда эти люди и группы работали, строили города, совершали революции, развивали культуру, науку и искусство – и все это во имя фараона, который принимал разные исторические обличья. Надсмотрщики, надзиравшие за работой евреев, порой проявляли себя открыто, порой (когда не было необходимости во внешнем принуждении) таились в человеческих душах. А евреи, оставаясь в рабстве, творили и строили для других. Как сказано в Песне Песней: «Заставили меня сторожить виноградники – свой виноградник не сберегла я». Именно поэтому на протяжении веков выход из Египта сохраняется в еврейском сознании не только как исторический факт, но, что гораздо важнее, как фундаментальная творческая модель. «Во всяком поколении обязан человек смотреть на себя, как будто он сам вышел из Египта» – так говорится в пасхальной агаде. Сегодня, как и три с лишним тысячи лет назад, выход из Египта по-прежнему актуален, по-прежнему оказывает влияние на весь еврейский народ в целом и на каждого еврея в отдельности. Сценарий выхода из Египта обращен к каждому еврейскому сознанию, к каждой еврейской душе, и тот, кто не сумеет воплотить этот сценарий в свою жизнь, в какой бы стране он ни находился и каким бы уровнем внешней свободы ни пользовался, так и останется рабом фараона в Египте.

АНТИСЕМИТИЗМ И СУЩЕСТВОВАНИЕ ЕВРЕЕВ

צְאֵי אֶל יִשְׂרָאֵל

Зависит ли существование еврейского народа от того, что в мире распространен антисемитизм, как утверждают некоторые? Или же, напротив, гонения, которым подвергают евреев народы, окружающие их, вовсе не обязательный фактор для сохранения народа Израиля?

Международный фестиваль еврейского искусства. Нью-Йорк.

История свидетельствует о том, что каждый раз, когда евреи обретают свободу и равные права с неевреями, они стремятся избавиться от своей еврейской идентификации и раствориться в диаспоре. Неоспоримый факт: величайшие религиозные и культурные достижения прошлого связаны именно с теми временами, когда евреи жили в замкнутых пространствах гетто, им не позволяли учиться в университетах и приобретать престижные профессии. Когда же стены гетто давали трещины, а затем рушились, евреи становились такими горячими и преданными адептами нееврейской культуры, что за короткое время полностью утрачивали остатки своей еврейской идентичности. Что заставляло ассимилированных евреев вспомнить о своем еврействе и принуждало их вернуться к иудаизму? Антисемитизм.

Но неужели же это действительно означает, что мы постоянно находимся перед выбором, заставляющим предпочесть преследования и связанное с ними духовное процветание свободе, обрекающей на духовное оскудение?!

Вспомним: до того, как нацизм поверг наш народ в пучину самых страшных в истории бедствий, каждый еврей при желании имел возможность избежать гонений. Например, совершив обряд крещения. Боясь потерять состояние или положение в обществе, еврей принимал чужую религию, и тогда его жизнь и благополучие уже не подвергались опасностям. Кроме того, в некоторых европейских странах выкрестам предоставляли больше льгот, чем собственным гражданам, – порой даже даровали им дворянское звание. Значит, в принципе гонения не обязательно укрепляли связь еврея с его еврейством. Гонители же почти всегда преследовали цель принудить евреев отречься от своей религии и принять чужую. Однако, как правило, лишь небольшое количество

евреев прельщалось выгодами, обещанными им в том случае, если они переменят религию. Большая часть еврейского народа презирала подобные посулы и предпочитала претерпеть любые мучения, но остаться евреями. Лишь с приходом к власти Гитлера (да сгинет имя его!) евреев лишили всякой возможности спастись.

С другой стороны, правы те, кто скажет, что именно либерализация общества в странах Западной Европы и Америки побудила множество евреев к ассимиляции. Наиболее яркие примеры: Германия в XVIII и XIX веках и Соединенные Штаты, искушавшие евреев богатством, свободой и изобилием.

Переходя от частных примеров к общим закономерностям, обратимся к учению хасидизма и процитируем кое-что из книги «Тания» – основы учения Хабада.

Анализируя факторы, приводящие еврея к совершению греха, рабби Шнеур-Залман (он же Алтер Ребе), автор «Тании» и основоположник хасидского движения Хабад, вводит термин «дух безумия». «Безумием» он считает самообман еврея, который убеждает себя в том, что, хотя нарушил волю Всевышнего и законы Торы, но все же «остается в своем еврействе». Он воображает, будто его «еврейство» ничуть не пострадало из-за таких поступков. Испытывая соблазн согрешить, «безумец» говорит себе, что, нарушив Тору, все еще остался «хорошим евреем». «Ладно, – успокаивает он себя, – я пожертвую этим предписанием или сделаю вид, будто не помню об этом запрете, зато получу удовольствие. Что ж, разве от этого я перестану быть евреем?! Конечно же нет!»

Однако, разъясняет рабби Шнеур-Залман, это – ложь. С каждым совершенным грехом еврей обрывает еще один «канал связи» со Всевышним, и так он может дойти до того, что окажется в полной изоляции от Б-жественного.

Первый Ребе Хабада утверждает: соблазн нарушить любое предписание Торы – даже кажущееся совсем незначительным – ничем не отличается от измены своей вере по принуждению. Поэтому еврей не вправе обманывать себя и должен ясно сознавать, что каждый раз вновь стоит перед выбором: изменить иудаизму или освятить Имя Г-спода. Как и в том случае, если бы еврея принуждали креститься, а он предпочел бы умереть, но остаться евреем, так и во всем прочем долг еврея – готовность жертвовать собой. Только тогда он избежит соблазна и не нарушит волю Всевышнего. И если он отдает себе отчет в том, что, переменяв веру, уже не останется евреем, то должен понимать, что, совершив грех, наносит ущерб своему еврейству. Если же он старается не думать об опасности, угрожающей его еврейству, или преуменьшает ее размеры – это означает, что им овладевает «дух безумия». Вернее, еврей по собственной воле навлекает его на себя.

В странах, где евреи подвергались преследованиям и гонениям, им не казалось привлекательным переменить религию. Они прекрасно понимали, что после этого, в недалеком будущем, их ожидает полная ассимиляция. Прежде всего, она проявится в отчужденности между родителями и детьми, а завершающим этапом ее станет исчезновение их родов из среды еврейского народа. Еврей крепко-накрепко держался за иудаизм, непоколебимо и гордо стоял за свое еврейство, жил главным образом духовной жизнью и презирал тех, кто ненавидел его (помимо воли, они завидовали ему и даже питали к нему уважение).

В отличие от этого, в странах, где к евреям и иудаизму проявляют терпимость, выбор, стоящий перед евреями, не столь отчетлив. Утрата ими их духовных ценностей – процесс, растянутый во времени и зачастую почти незаметный для них самих. С другой

стороны, чужеродное влияние иной среды так «деликатно» и ненавязчиво, что еврей осознает это влияние лишь тогда, когда его духовная ассимиляция заходит слишком далеко. Тогда уже приходится прилагать значительные усилия, чтобы исправить положение (а это, как правило, представляется ему почти невозможным). Обычно этот процесс длится на протяжении жизни целого поколения, а то двух или трех. Чаще всего родители (или дед и бабушка) спохватываются в тот момент, когда их сын (или внук), дочь (или внучка) приводят в дом нееврея или нееврейку и сообщают о своем намерении жениться или выйти замуж. Вот тогда-то определяется судьба еврейской традиции в этом доме – но что остается делать?..

Поэтому иногда кажется, что иудаизм жизнеспособнее в тех странах, где его преследуют, где власти ведут с ним борьбу, а население настроено против евреев. Правда, там еврей не может обманывать себя, ибо перед ним стоит четкий выбор: оставаться евреем, несмотря ни на что, или отречься от еврейства. Культура в таких странах не представляет для него ничего заманчивого, поскольку он ясно осознает: раз это культура его врагов, она изначально враждебна ему и его еврейству. Отсутствие гражданских свобод не оставляет еврею свободы выбора: ему приходится пожертвовать своей религией, приняв господствующее вероисповедание, но якобы сохранив какую-то связь с еврейством. Это наглядно проявлялось в положении евреев в царской России.

И все же нельзя сказать, что преследования обеспечивают выживание евреев и иудаизма вообще. Дискриминация, бесправие и постоянные унижения – отнюдь не плодородная почва ни для духовного развития, ни для искусства и литературы, ни культуры вообще. Страдания, перенесенные за религиозные убеждения, очищают душу и возвышают индивидуума, однако для общества в подавляющем большинстве случаев дело обстоит совсем иначе. Для широких народных масс бесправие и угнетение – безусловные бедствия; в них нет ничего позитивного, поэтому они невыносимы. Вот почему, как только появляется возможность освободиться от угнетения и притеснений, ею спешат воспользоваться, не думая о том, к чему это приведет в будущем. Примеры такой поспешности – массовая эмиграция евреев в Соединенные Штаты Америки в конце XIX – начале XX века, а также быстрое проникновение евреев во все сферы общества, производства, науки и искусства в Советской России.

Конечно, от негативного начала не стоит ожидать позитивного результата. Расцвет еврейской жизни сотни лет назад в Провансе, Германии и Италии, а затем в Польше и Литве обусловлен не давлением враждебных сил извне, а животворящим духом, имманентно присущим еврейскому народу.

Еврейский народ не должен считать враждебными, угрожающими основам его существования ликвидацию гетто, предоставление равноправия всем, кто принадлежит к разным нациям и вероисповеданиям, социальный прогресс. Но вместе с тем необходимо помнить о том, что все это бросает дерзкий вызов вековым традициям иудаизма. В периоды гонений прошлых времен (до Аушвица-Освенцима) еврей ясно осознавал, к каким печальным результатам придет, если осмелится пренебречь заповедями Торы. Куда более ясно, чем его теперешний соплеменник, живущий в стране, где никто не соблазняет еврея изменить свою религию и обрести «свободу». Какой же «рецепт» предложить такому еврею, чтобы он отчетливо увидел угрожающую ему опасность ассимиляции? Уж конечно, не возвращение в гетто. Так что же? Только одно: он должен укреплять еврейское самосознание, изучая Тору и историю еврейского народа (непременно извлекая уроки из прошлого), а также исполнять заповеди Всевышнего. Вот тогда в нем родится и окрепнет ощущение, что ни внешние воздействия, ни внутренние побуждения (какими бы прекрасными они ни казались) не имеют никакого значения в сравнении с задачей

сохранения нами нашего еврейства – ради нас самих, наших детей, внуков и отдаленных потомков.

КТО И КОГДА НАПИСАЛ КНИГУ «ЗОАР»? ¹¹

Так написал ли рабби Моше ди Леон главную часть «Зоара»?

Ἀεὲἄἔῦ Ὁἰεὸεἔῖ

Во всех высказываниях на тему времени создания и ценности «Зоара»¹¹ мы все-таки не находим достаточно убедительного ответа на вопрос: кто, в конце концов, автор «Зоара»?

То мнение, что рабби Моше ди Леон сочинил и главную часть Зоара, и все второстепенные, на первый взгляд имеет достаточное основание. Рабби Моше открыл Зоар и широко распространил его, получая за сделанные им копии немалые деньги; жена его засвидетельствовала, что муж никогда не копировал никакой рукописи, а «в собственном уме и в своем сердце черпал то, что писал»; рабби Ицхак дмин Акко исследовал происхождение Зоара и привел свидетельства этой женщины; имя автора части Зоара «Райя мезэймна» – Моше (якобы Моше рабейну), что вполне может указывать на того же Моше ди Леона...

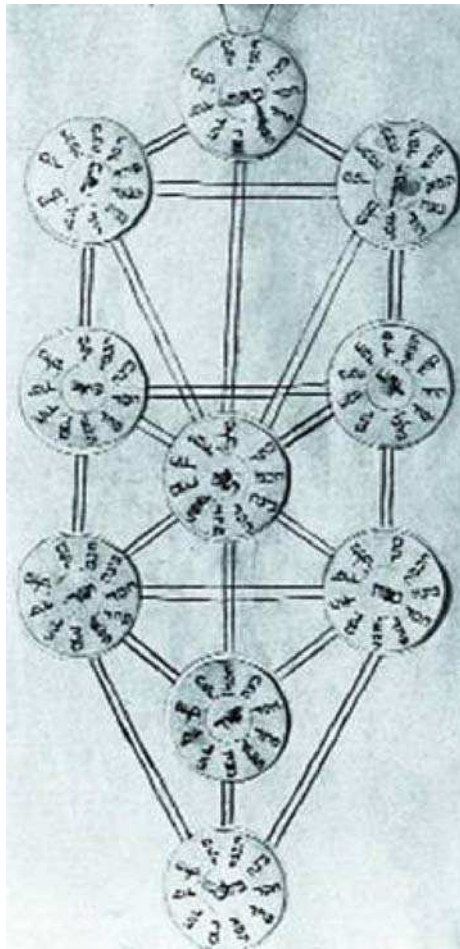
На подобном фундаменте деятели просвещения и реформы – Гейгер, Закс, Грец и прочие – выстроили целое здание отрицания Зоара и каббалы вообще. Однако давайте обдумаем, насколько их мнения могут соответствовать истине.

Гениальный рабби Давид Лурия^[2] написал небольшую книжку под названием «Древность книги “Зоар”»^[3]. Грец словно взмахом руки отменяет все выводы Радаля, даже не называя его по имени. Однако этот «безымянный» исследователь Зоара был поистине «князем Торы», досконально знавшим все труды ранних и поздних ее авторитетов, толкователем Писания, критиком и чрезвычайно проницательным ученым! А с каббалой Радаль познакомился, не листая книги одна за другой и не скользя по поверхности тем, как очень многие из новейших «исследователей», но затратив на нее массу времени и проявив необыкновенное усердие. Так что даже Грец, при всем его пренебрежении к Радалю, вынужден признать, что выводы последнего «привели многих в замешательство».

Они базируются на двух основаниях, поколебать которые пока еще не удалось никому.

Первое: мидраш «Ялькут Шимони», древность которого не вызывает сомнений, содержит в себе сведения, которые невозможно найти нигде, кроме как в Зоаре. В респонсах гаонов, подлинность которых также признается всеми учеными – и религиозными, и светскими, – опять-таки приводятся сведения по каббале, явно заимствованные из Зоара. Из этого следует, что, по крайней мере, очень большая часть того, что сегодня входит в Зоар, была в распоряжении мудрецов Торы задолго до официального открытия Зоара. Кроме того, глаз опытного исследователя в состоянии различить, что является самой книгой, а что прибавлено к ней в более поздние времена. Все цитаты, которые приводит Радаль, по их языку, стилю, содержанию и связанности между собой ясно свидетельствуют, что взяты они из респонсов гаонов, а не являются позднейшими добавлениями (как утверждает Грец).

Второе: очень многое в книгах рабби Моше ди Леона – прямая противоположность Зоару. Более того, когда рабби Моше ди Леон цитирует Зоар, он часто неверно истолковывает простой смысл слов – что совершенно непонятно, если допустить, что именно он и есть автор Зоара. А тот же Грец как раз критикует рабби Моше за то, что он часто переносит из одной своей книги в другие большие куски текста безо всяких изменений! Почему же в Зоаре он написал прямо противоположное тому, что есть в его книгах?..

Эти аргументы Радаля Греца полностью игнорирует. Зато он ссылается на мнение другого ученого, Йелинека, утверждавшего, что в Зоаре есть параллели отдельным отрывкам из книг ди Леона. Впрочем, это никак не может быть доказательством того, что рабби Моше написал Зоар, – ведь такие же параллели нетрудно отыскать в сочинениях рабейну Бахьи^[4], рабби Йосефа Гикатильи^[5], рабби Менахема Реканати^[6] и др. Но они-то безусловно не сочинили Зоар! Подобные вещи находятся также в книгах более ранних каббалистов – почему же нельзя предположить, что рабби Моше ди Леон взял их именно оттуда? И еще, и это главное: в любом случае Зоар был перед глазами рабби Моше, который занимался его распространением; почему же он не мог что-то заимствовать из него? Если идти по пути Греца, то следует предположить, что все книги, в которых можно найти одни и те же цитаты, а также аналогии, на самом деле написал один человек?!

Каждому, кто изучает каббалистические книги, хорошо известно, насколько строго каббалисты относятся к терминологии – в частности, к обозначению сфирот. И тут у рабби Моше ди Леона мы находим чрезвычайно важные отклонения от Зоара. Так, эпитет «Властелин чудес», по его мнению, обозначает сфиру Нецах, однако в Тикуней Зоар это Тиферет; термин «одна» у ди Леона – именно сфира Бина, но по «Райя мезмна» – любая из «первых трех сфирот» (Кетер, Хохма, Бина). «Б-г Всевышний» – по мнению ди Леона, эпитет сфиры Кетер, а по Зоару – Бины; «первенец» по ди Леону – Кетер, а в Зоаре – Тиферет. Подобных примеров можно привести массу. Но и в гораздо более фундаментальных понятиях – таких, как отношение Бесконечного к сфирот и сфирот к Бесконечному, характеристиках миров Ацилут, Бриа, Йецира и Асия, – в книгах рабби Моше ди Леона можно найти радикальные отличия от Зоара. Как же из книги в книгу он повторял собственные представления, ни разу не ошибившись и не приводя вместо них слова другой «своей» книги – Зоара?!

Из всего сказанного следует, что в стене, воздвигнутой представителями новой критической школы, начиная с Крохмалю, есть масса проломов. Нет сомнения, что уже гаонам была известна, по крайней мере, значительная часть Зоара: значит, время его написания относится к еще более раннему времени – эпохе амораев (мудрецов Талмуда). С другой стороны, совершенно очевидно, что рабби Моше ди Леон, придерживавшийся совершенно иной системы каббалы, чем Зоар, не мог написать его^[7].

^[1] См.: Лехаим, 2007, № 12; 2008, № 1, № 2.

^[2] Сокращенно Радаль, раввин местечка Быхово (1798–1855). Выдающийся авторитет Алахи, комментатор Танаха и Талмуда, крупный каббалист. В 1838 году был арестован по ложному обвинению и 150 дней провел в заключении в Шлиссельбургской крепости. После освобождения дал обет не разговаривать ни с одним человеком, пока не изучит комментарий Рифа к Талмуду 40 раз, и осуществил это за 4 месяца. – Здесь и далее примеч. перев.

^[3] Возможен также перевод: «Аутентичность книги “Зоар”».

^[4] Бахья Ибн Ашер, или рабейну Бехаей (?–1340) – испанский раввин, комментатор Священного Писания и каббалист.

^[5] Испанский каббалист и поэт (1248–1305).

^[6] Итальянский каббалист, кодификатор законов Торы и комментатор Торы (1217–1305).

^[7] Добавим к словам Г. Цейтлина, что версия об авторстве рабби Моше ди Леона все-таки оказалась очень живучей. Светский (до антирелигиозности) ученый, профессор Гершон Шолем (1897–1982), основатель «кафедры каббалы» при Иерусалимском университете, в своей работе на эту тему начал («с позиций современной науки») с опровержения выводов всех своих предшественников, но закончил признанием очевидности, что именно рабби Моше ди Леон сочинил основной текст Зоара и что «в книге нет ни одной части, относящейся к более раннему времени». То есть фактически Г. Шолем вернулся к мнению Г. Греца, и круг, по которому двигалась «новая критическая школа», замкнулся!

МАЛЫЙ И БОЛЬШОЙ

Áæáéì ñ Èóóäé

Продолжаем публикацию глав из книги профессора Гарвардского и Бар-Иланского университетов Джеймса Кугела «Как быть евреем» в авторизованном переводе с английского Юрия Табака. Московский банкир Давид Джинджихашвили беседует об иудаизме с молодым поэтом аспирантом Юрием Леваковым.

Ю. Л. Еще кое-что насчет молитвы... Наверняка мой вопрос огорчит вас, и вы снова скажете мне, что я смотрю на все со стороны. Но все-таки: читать молитвы, о которых вы мне говорили, – на что это похоже?

Д. Д. Почему же огорчит, Юра? Но отчасти ты прав: это вопрос стороннего человека. Что же сказать тебе? Только то, что говорил раньше: есть маршрут, по которому ты можешь идти, и конкретные технические детали, формирующие маршрут. Назначение таких деталей – помочь тебе.

Ю. Л. Но почему бы не объяснить, на что это похоже? Ведь вы же знаете ответ – так скажите несколько слов!

Д. Д. Проблемы не во мне, а в тебе.

Ю. Л. О чем вы?

Д. Д. Как бы тебе объяснить... Представь себе двух евреев, Клайна и Гросса. Гросс очень толстый – вернее, он словно выходит за собственные границы, как на детском рисунке. Понимаешь? Когда ребенок рисует человека, он сначала делает круг для головы, больший круг для тела, а потом все это раскрашивает. Но это непросто, карандаши не всегда слушаются, и вот здесь кусок красной рубахи вылезает за пределы туловища, а там розовые щеки выпирают за пределы головы. В этом смысле Гросс – толстый, он не

помещается в отведенном ему пространстве. В результате он всегда встает на пути у самого себя. Даже если Гросс быстро обернется и посмотрит, что за его спиной, он увидит только часть самого себя. Клайн же мал. Мал не в физическом смысле; он умещается в границы, отведенные для его тела. Поэтому Клайн способен видеть иной путь и двигаться по нему.

Ю. Л. Ясно. Итак, вы – Клайн, а я – Гросс.

Д. Д. Вовсе нет. Клайн и Гросс – один и тот же человек.

Ю. Л. Не понял.

Д. Д. Гросс – это путь нас самих. Не знаю, почему так происходит, – может, связано с эволюцией, но это мы сами и есть. И это очень удобно, особенно потому, что так волнует, увлекает... Но есть нечто ирреальное в таком способе существования, который заслоняет от нас весь обзор и в итоге скрывает реальность. Потому я и сказал, что проблема в тебе. Ты хочешь прорваться к тому, что есть кадош, святое, ухватить его и изучить. Но это невозможно. Гросс и кадош не могут встретиться.

Ю. Л. Почему?

Д. Д. Потому что Гросс пройдет мимо. Или, если повезет, он превратится в Клайна.

Ю. Л. А что значит быть Клайном?

Д. Д. Я уже сказал: не выходить за свои пределы и быть маленьким.

Ю. Л. Вы имеете в виду ограничение своего эго или что-то вроде этого?

Д. Д. Не глупи... Я говорю о чем-то физическом, о том, что умещается в отведенных ему границах.

Ю. Л. Я могу стать Клайном?

Д. Д. Но об этом все еще говорит Гросс! Разумеется... Пришлите нам десять этикеток и бесплатно получите пивную кружку. Только разборчиво напишите свою фамилию.

Ю. Л. Я серьезно...

Д. Д. Разве я не говорил тебе, что нужно делать шаг за шагом, в определенной последовательности? В эпоху Храма тому, кто стремился к кадош, следовало быть чистым, и он проходил специальный очищающий обряд.

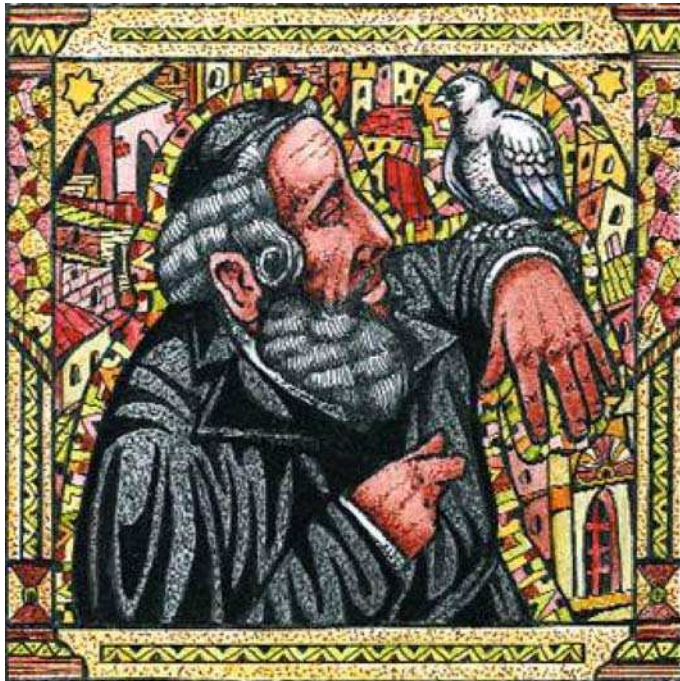
Ю. Л. Но ведь сейчас нет Храма?

Д. Д. А разве я не говорил тебе о Мишкане? О том, как мы погружаемся в Тору, о том, что приношения на алтарь, которые совершали в древности, сменились нашими молитвами? Теперь понимаешь?

Ю. Л. Кажется, да...

Д. Д. Ничего ты не понял. Но не важно. Тебе придется идти по пути, о котором я сказал, или не идти вообще. В Грузии это ясно всякому. Почему же здесь должна возникнуть проблема?

Ю. Л. Я все еще думаю о Клайне. Вы не могли бы подробнее рассказать об этом?

* * *

Д. Д. Нет, лучше поговорим об Алахе. Думаю, именно с этого ты и должен начать. Тебе так много нужно делать – учиться и делать.

Ю. Л. А что тут еще обсуждать? Кажется, основная идея мне понятна: Алаха определяет, когда и какие молитвы читать, что делать в Шабат и так далее. А что касается учебы, думаю, вы правы: самое лучшее – общаться с людьми, которые все это знают.

Д. Д. В общем, да, по крайней мере, поначалу. И все же сомневаюсь, что ты действительно понял смысл Алахи. Иудаизм, как я говорил, – это служение Б-гу. Но начинается это служение с соблюдения мицвот. Поэтому в Торе – помнишь, мы обсуждали, – когда предписывается «любить», «служить», «бояться Б-га», то обычно под этим подразумевается «соблюдение Его мицвот», «уставов, и законов, и заповедей», или, иными словами, следует «ходить стезями Его». А мицвот в Торе регулируют самые разные стороны жизни, не только молитвы или Шабат, но и многое другое – в том числе отношения между людьми.

Ю. Л. Но мне кажется, даже исходя из ваших слов, что эта сторона Алахи вторична в иудаизме...

Д. Д. Нет, это не так. Если бы ты знал больше о том, как живут евреи, то понял бы, насколько она важна – включая то, чему учат в школе еврейских детей.

Ю. Л. Но мы говорили об Алахе. Ведь сама Алаха, признайтесь, весьма тесно увязана с религиозными обрядами.

Д. Д. Вовсе нет. Еще раз, Алаха – это конкретные практические правила соблюдения мицвот, применяемые в повседневной жизни. Мы говорили об Алахе применительно к Шабату и молитве, но в такой же мере это относится к заповедям «Почитай отца и мать», «люби ближнего как самого себя» – и к их исполнению.

Ю. Л. Какому исполнению? Ведь сказано, и все.

Д. Д. Да нет, конечно! Ты так и не понял, что такое мицвот. В самой Торе сказано, что мицвот – это не пустые слова, а «сама твоя жизнь». Иными словами, мицвот определяют нашу жизнь, и мы должны очень точно понимать и соблюдать их. Это не просто хорошая идея и даже не общее руководство.

Ю. Л. Приведите пример.

Д. Д. Ну, допустим, когда определяется конкретная форма соблюдения мицвот. Скажем, в Торе есть стих «ло тиком ве-ло титор эт бней амеха» («Не мсти и не храни злобы на сынов народа твоего»). Но что это значит?

Ю. Л. Не знаю.

Д. Д. Но если не знаешь, то как будешь соблюдать эту мицву?

Ю. Л. Думаю, об этом нетрудно догадаться. Конечно же, мне известно, что такое месть.

Д. Д. Хорошо, но разве не бывает случаев, когда месть оправданна? И в чем состоит месть? К примеру, мой пылесос сломался и я хочу одолжить твой, но ты заявляешь: «Мой пылесос очень дорогой, я не могу одолжить его тебе». Через неделю ты приходишь попросить у меня полотер, а я говорю: «Ты мне свой пылесос не дал, почему же я должен что-то одалживать тебе?» Как ты считаешь, не нарушается ли здесь запрет Торы на месть?

Ю. Л. Ну, для такого случая это уж слишком сильно сказано – другое дело, если бы речь шла о кровавых разборках... Не знаю, все ведь зависит от твоей внутренней позиции. Если месть запрещена, а ты что-то совершаешь из чувства мести, то, скорее всего, нарушаешь заповедь.

Д. Д. Верно. Но дело в том, что мудрецы формулировали мицвот не в абстрактных категориях, а применительно к конкретным обстоятельствам. Кстати, мой пример почти не отличается от тех, что приводили они: только у них шла речь о «косе» и «кирке», а не о «пылесосе» и «полотере». Размышляя о столь земных вещах, мудрецы, прежде всего, хотели применить мицвот к сотням самых разных жизненных ситуаций, – чтобы, столкнувшись с каким-то конкретным случаем, мы не ограничивались им и наши поступки не были бы обусловлены сиюминутными потерями или приобретениями. Нужно учитывать более широкий контекст Торы; мы всегда должны помнить о ней.

Ю. Л. Вы уже говорили об этом. Прекрасно, что иудаизм разрабатывает правила для любой возможной ситуации. Но, признаться, меня это немного пугает, как что-то тоталитарное. В конце концов, жизнь многообразна, и меня настораживает человек,

желающий все предусмотреть заранее: «в таком-то и таком случае будем действовать так и так». Понимаете, что я имею в виду?

Д. Д. Да, ты не против Алахи, пока она не привязана к повседневной жизни.

Ю. Л. Нет, не то. Я говорю о людях особого рода – обязанных заранее знать, что они скажут или сделают в той или иной ситуации.

Д. Д. Может быть. Но именно потому, что жизнь, как ты отметил, многообразна, ничего нельзя предугадать заранее; кроме того, Алаха ориентирована на иной тип личности, вернее, на иной подход. Ею руководствуются люди, чей жизненный путь определяет стремление посвятить мысли и дела Б-гу. То есть в какой бы ситуации они ни оказались и что бы ни делали в данный момент, эти люди всегда могут остановиться и взглянуть на происходящее с точки зрения Торы.

Ю. Л. Ну, тогда я скажу кое о чем еще, что смущает меня. Ваши слова резко расходятся с тем, что мы видим в реальности.

Д. Д. О чем ты?

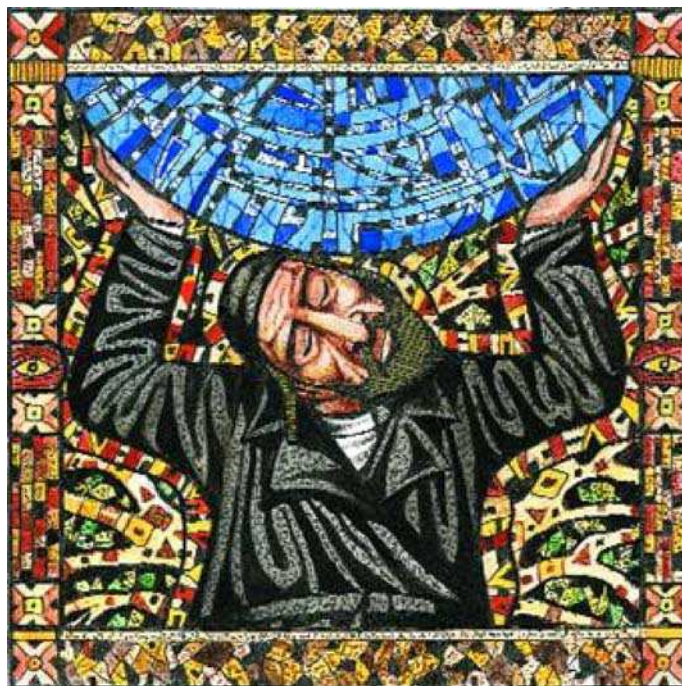
Ю. Л. Слушая вас, можно подумать, что евреи – нет, именно религиозные евреи, ультраортодоксы – по определению, должны быть светочами морали и нравственности. Но откройте газеты, и вы увидите, что это не так. Сколько мы слышали о еврейских олигархах...

Д. Д. Едва ли они относятся к категории ортодоксов...

Ю. Л. Пусть не они, все равно можно найти настоящих ортодоксов такого рода, даже среди столпов ортодоксии. Как же увязать это...

Д. Д. Если и так, один-два жулика не меняют общей картины...

Ю. Л. Да тут не один-два... По-моему, непохоже, чтобы ортодоксы особенно заботились о нравственности и этике. Возможно, я неправ, но уж такое у меня сложилось впечатление.

Д. Д. Полагаю, в чем-то ты прав. Но у меня такого впечатления не сложилось. Мне пришлось общаться с традиционными евреями самых разных общин, в разных странах. Нужно признаться, конечно, у нас не так уж много делается публичных заявлений на подобные темы. Но ты увидишь – и у меня уже был такой опыт, – что у этих людей вошло в повседневную привычку не говорить ни о ком плохо: ведь это тоже часть нашей Алахи. И они не лгут и не крадут. Ни при каких обстоятельствах. В этом есть некая прямолинейность, ты бы даже сказал: «поверхностность», но она для меня гораздо естественнее любого морализаторства, которое часто оказывается демагогией. Да, пожалуй, весь мир этих общин, говорящих на идише, – «стиль жизни», как принято сейчас выражаться, – довольно далек и от тебя, и от меня. То, что тебе кажется утаенным или недосказанным, им не нужно договаривать, поскольку они понимают друг друга. Что характерно для евреев – обычных евреев из самых разных общин – это исконная честность, какой ты не найдешь ни в одной другой группе людей. И это касается старых восточноевропейских общин и их наследников. В любом случае, твоя задача – не стать таким, как они, а учиться у них тому, что значит быть евреем и соблюдать Алаху, даже если ты будешь делать это по-своему. Возвращаясь к нашей теме: нужно знать о пылесосах, о различии между мстью и обидой.

Ю. Л. А есть ли такое различие в случае с пылесосом?

Д. Д. Разумеется. Помни о том, что сказано в стихе: «Не мсти и не храни злобы на сынов народа твоего». И в чем, ты думаешь, здесь различие?

Ю. Л. Я не знаю точного смысла ивритских слов, их смысловых оттенков. По-моему, это как бы две стороны одной медали: ведь по-русски слова «мстить» и «злиться» довольно близки друг другу, хотя «мечь» – скорее действие, следствие «злобы». «Хранить злобу» – это внутреннее состояние, по крайней мере, в русском языке.

Д. Д. Но не в Торе. Ведь твое понимание «злобы» близко тому, о чем говорится в Торе чуть раньше: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём» – что, кстати, тоже запрещено. Но «злоба» – это нечто другое; кстати, принцип Торы состоит в том, что ничего не говорится просто так, и если сказано о двух разных явлениях – «мести» и «злобе», то и мечь, и злоба подпадают под запрет. Наши мудрецы фактически

определили чувство злобы на примере косы (или пылесоса, если угодно). В первом случае, когда я говорю тебе: «Вы мне не одолжили свою газонокосилку, почему я должен что-то одалживать вам?» – это месть. Но если я тебе одалживаю машинку для подравнивания кустарника и говорю при этом: «Я даю ее тебе, хотя ты проявил жадность на прошлой неделе», то это называется злопамятностью, которая тоже запрещена. Потому что мы обязаны относиться друг к другу доброжелательно и с уважением, и если в чем-то неправы, тут же должны попросить прощения. Это мицвот, и к ним следует относиться серьезно.

Ю. Л. Но что же тогда не Алаха?!

Д. Д. Вот это вопрос получше – ведь на самом деле Алаха определяет огромную часть нашей жизни, будь то Шабат, праздники, молитвы, отношения с семьей и близкими, правила ведения бизнеса, порядок споров, ответственность за бедных и общину в целом, поведение в случае беды или утраты близких (Б-же сохрани!), равно как и в счастливые моменты. Я уже говорил, основы Алахи ты освоишь быстро, но, научившись усваивать знания, увидишь, откуда идет Алаха, из каких стихов и каким образом выводятся правила. Узнаешь и многие другие нюансы, которые в противном случае мог бы упустить.

Ю. Л. А под словами «усваивать знания» вы, наверное, имеете в виду изучение Алахи?

Д. Д. Не совсем. Алаха испокон веку имеет пару – Агаду. Вместе они и образуют материал для изучения, к примеру, в Талмуде.

Ю. Л. А что такое Агада?

Д. Д. Лучше всего определить ее так: «все, что не Алаха». Но вряд ли это определение что-то объяснит. Агада на иврите означает «нарратив», «повествование». Так мудрецы не только объясняли Алаху, но и нередко комментировали библейские рассказы. Видишь ли, они не делали общих заключений: «Из рассказа Иосифа мы узнаем то-то и то-то»; для них было важно каждое слово библейского рассказа – так же, как каждое слово из мицвот, чтобы применять их в повседневной жизни. Разбирая библейские рассказы, они стремились извлечь смысл из их мельчайших деталей и связать одну с другой.

Ю. Л. Похоже на литературную критику...

Д. Д. Лехавдил!

Ю. Л. Что это значит?

Д. Д. Буквально это значит «различать» – не нужно сравнивать сакральное с обыкновенным. Не то чтобы между объяснениями мудрецов и литературной критикой не было ничего общего, но все-таки различий больше, чем сходства. В любом случае, ты все это узнаешь – когда-нибудь обсудим. Скажу только одно: наши мудрецы стремились истолковать все, что есть в Торе, и применить это в жизни. При этом наша повседневная практика и поведение определяются Алахой, тогда как Агада связана с истолкованием и разъяснением рассказов.

Ю. Л. И это единственное различие между ними?

Д. Д. Есть и другие отличия, вытекающие из основного. Алаха, как ты увидишь, очень часто носит практический, бытовой характер, в то время как Агада, интерпретируя повествование и устанавливая связи в тексте, несет в себе творческое начало. И она порой исполнена юмора – надеюсь, ты скоро это оценишь. По сути дела, Алаха и Агада дополняют одна другую, поэтому в Талмуде они занимают примерно одинаковый объем.

СУККОТ В КУЗБАССЕ, ИЛИ НАД КУЩАМИ ПАДАЛ ПЕРВЫЙ СНЕГ

Èéüÿ Èàðì áí éî

Ñòó: àò éîéáñ, ì áéüéàðò ðáéüñí,

Èàðèò íàø ìíáçä áíáðàòíí ðáéñá

È ì ù áñ äàéüóá íò þæíúð ì áñò,

È áíò ñéáèðñéé èáí äøàòò íéðáñò...

Михаил Плотников, «Размышления в пути»

Кемерово – современный город на берегу реки Томь, столица Кузбасса, мощнейшего угледобывающего региона, крупнейшего центра металлургической и химической промышленности Сибири. Мы попали сюда аккурат на Суккот – еврейский Праздник кущей (или, дословно, шалашей). Рядом с помещением кузбасской общины, прямо в просторном дворе монументальной «сталинки» стояла... сукка, заботливо накрытая пушистым еловым лапником. На шалаш падали первые сибирские снежинки...

Раввин Довид де Брессер и председатель общины Илья Бондаренко около сукки.

Однако на этом сибирская экзотика не закончилась. Вслед за визуальным шоком последовал вкусовой.

Кемеровский раввин Довид де Брессер угостил нас Б-жественным напитком собственного приготовления – этроговкой! Оказывается, каждый год после Суккота рав

Довид в трехлитровой банке заливает водкой этроги, добавляет сахар, и к следующему празднику готов Б-жественный нектар! Попробуйте – убедитесь!

Мы тут же дали праздничному бальзаму второе название – суккотовка. Потому что пить его нужно, конечно же, только в шалаше – сукке...

КЕМЕРОВСКИЙ БУКЕТ

Для тех, кто не знает: этрог – это цитrusовый плод, вроде лимона, но покрупнее, используется он на Суккот вместе с веткой финиковой пальмы, веточками мирта и ивы для исполнения заповеди об арба миним – четырех видах растений.

Эта заповедь – символ единства всех евреев. Этрог, обладающий прекрасным вкусом и ароматом, воплощает тех, кто изучает Тору и творит добро. Финики (сладкие, но без запаха) – это те, кто изучают Тору, но не прославились благими делами. Мирт (ароматное, но несъедобное растение) символизирует тех, кто ведет достойную жизнь, но не изучает Тору. Ну а те, кто и Тору не изучает, и живет далеко не образцово, – это ива, что без запаха и вкуса. Однако все четыре растения включены в букет, олицетворяющий еврейский народ, и без любого из них он был бы неполон.

Как известно, Суккот – один из трех праздников (наряду с Песахом и Шавуотом), когда иудеи совершают паломничество в Иерусалимский Храм. На семь дней они покидают дом, едят и пьют только в сукке, напоминая себе и миру о сорока годах, проведенных в пустыне после исхода из Египта. Кровлей сукке, как правило, служат листья, тростник или пальмовые ветви... С ними в Сибири напряженка – еловый лапник здесь как-то привычней.

Еще Суккот называют «праздником нашей радости». И вот она, наша радость, в сибирском шалаше – вместе с кемеровчанами!

Здание городской администрации.

Знак «Центр Кемерово».

Еврейская религиозная община была создана в городе в 2001 году. В мае 2004-го сюда прибыл молодой раввин Довид де Брессер – посланник Любавичского Ребе, а с ним – ребецн Эйнав, его супруга и мать четверых очаровательных ребятшек. В общину был привезен свиток Торы, книги по еврейской истории и традициям. Начались регулярные встречи Субботы. Евреи постигали смысл своих праздников, знакомились с Торой, узнавали больше о законах, кашруте, еврейской семье...

Рав Довид – типичный представитель баалей тшува («вернувшихся к вере»). Родом он из Голландии, из нерелигиозной семьи. Получил классическое образование – учил латынь, древнегреческий, древнееврейский; два с половиной года посвятил естественным наукам в университете города Утрехта – специализировался по физике, математике, углубленно изучал астрономию. И видимо, что-то увидел молодой астрофизик в высоком ночном небе! Ибо бросил университет и уехал в Израиль, в город Цфат. А затем в специализированном колеле в городе Реховот обратился к совсем иным небесным светилам...

Так раввин Довид де Брессер оказался в России. Да не где-нибудь, а в Сибири. Хотел попасть в общину, где очень нужен раввин.

Правда, здесь своя специфика, говорит рав Довид. Евреи оторвались от корней, по-настоящему религиозных в Кузбассе мало, очень сильна ассимиляция, хотя серьезных явлений антисемитизма нет. И еще один парадокс: многие хотят быть евреями, но... по Алахе не являются таковыми. Однако Рав Довид не унывает:

– Я большой оптимист и очень верю в людей. Хотя кто-то сказал бы, что это наивно.

Мы знакомимся с кемеровскими евреями. И наверное, не зря именно в праздник всееврейского единства: в этот день особенно остро понимаешь, какие мы все разные! У каждого – своя судьба и у всех – одна история.

ГОРЕЛАЯ ГОРА: ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Кузнецкий каменный уголь был открыт горноразведчиком (или, как тогда говорили, рудознатцем) Михайлой Волковым почти 300 лет назад – в 1721 году. Именно он «заявил по Томи в семи верстах от Верхотомского острогу горелую гору 20 сажен высотой». Это место выхода на поверхность каменноугольной породы в районе Кемерово.

В 1780 году коллегой Волкова Дмитрием Поповым было открыто месторождение полиметаллических руд, что дало мощный толчок развитию металлургической промышленности края.

Открытие Кемеровского месторождения (по названию близлежащей деревни – Кемерово) определило судьбу региона, сделав Кузбасс уже в XX веке крупнейшим центром угледобычи в стране. Сам город Кемерово возник на месте старинных русских поселений – историки говорят, что в 1859 году на его нынешней территории находилось семь населенных пунктов.

Кемеровский рудник – первый промышленный узел будущего города – появился в начале XX века. В 1907 году была заложена Кемеровская штольня, в 1916-м компанией «Копикуз» (АО «Кузнецкие каменноугольные копи») построен причал.

К слову, раввин Довид де Брессер не первый в Кузбассе выходец из Голландии. В 1926–1927 годах превратить Кемерово (с 1918 по 1932 год – Щегловск) в город-сад пытался известный голландский архитектор Иохан ван Лохем. То было время великого интернационального эксперимента – более 600 специалистов из тридцати стран приехали в Кемерово осваивать сибирские богатства. Здесь возникла первая в мире интернациональная промышленная колония – Автономная индустриальная колония (АИК) «Кузбасс». Увы, в конце 1920-х иностранцев принудили покинуть сибирские края...

Однако и АИК, и «Копикуз» сыграли огромную роль в формировании производственной инфраструктуры города.

В годы войны Кузбасс стал главным поставщиком металла и угля для фронта. Подсчитано, что из кузнецкой стали было изготовлено 50 тыс. танков и 45 тыс. самолетов. Производились толуол, порох и другая продукция. Война вдвое увеличила мощности региона: в 1941 году сюда из оккупированных районов было эвакуировано оборудование десятков предприятий, которое впоследствии так и «осело» в Кузбассе.

Особенно сильно эвакуация затронула Кемерово – к 1 января 1943 года сюда прибыли более 21 тыс. человек, среди них – много евреев из западных районов страны. В городе разместили 34 из 79 переведенных в Кузбасс заводов и фабрик.

Тогда же было принято решение о выделении региона из Новосибирской области, и с 1943 года город Кемерово стал административным центром Кемеровской области (Кузбасса).

Сегодня Горелая гора – природный остров внутри индустриального города, исторический его центр – входит в охранную зону музея-заповедника «Красная Горка».

Здание бывшей синагоги в Мариинске.

ПОЛУЛЕГАЛЬНЫЕ ЕВРЕИ

Откуда в этом крае угля и металла довольно многочисленное еврейское население? Как формировались общины Кемерово, Новокузнецка, Прокопьевска, Юрги, Белово?.. История эта очень непростая.

Один из старейших городов региона – Мариинск, в 180 километрах от Кемерово, основанный как село Кийское на линии Московско-Сибирского тракта и будущего Транссиба.

Евреи здесь проживали издавна. Занимались в основном торговлей, мелким производством, извозом, а также практиковавшейся по берегам реки Кии золотодобычей. В городе были синагога и еврейские учебные заведения.

Доля еврейского населения в Мариинске очень быстро росла, превысив к началу XX века 10% от общего числа жителей. А в 1908 году в городе обитали 6195 человек иудейского вероисповедания – почти 35% населения города! Проживали они и в крупных торговых селах Мариинского округа.

До трети населения города составляли ссыльные. Историк и этнограф Вадим Шиллер, изучивший в архиве Кемеровской области метрические книги мариинской

синагоги, полагает, что со временем еврейская община города «разбавлялась» ссыльными, в том числе осужденными за уголовные преступления. Отсюда – размывание «догматических установок» иудаизма в этой общине.

В 1930 году Томским облисполкомом было возбуждено ходатайство о ликвидации синагоги в Мариинске. Основанием послужило (цитирую дословно) «заявление некоторых групп русского населения вопреки явному нежеланию еврейского населения».

В Кемерово первые еврейские жители появились в начале XX века. По официальным данным, в 1939 году их число достигло 589, в 1970 году – 1768, в 1979-м – 1505 человек.

Большинство евреев были эвакуированы в города Кемеровской области вместе с заводами в годы Великой Отечественной войны из Украины и Ленинграда. Ни синагоги, ни религиозной общины сначала не было, в 1940-х и вплоть до середины 1951 года здесь действовал тайный миньян. Об этом рассказывает Елена Генина, кандидат исторических наук, доцент Кемеровского университета, главный специалист по истории кемеровского еврейства. Число членов общины колебалось от 25 до 40 человек. На покупку дома для молитвенных собраний верующие собрали 8 тыс. рублей.

Встречались в квартире Ханы Песиной, на улице Кузнецкой, 48. Было и второе место, где собирался тайный миньян, – квартира эвакуированного из Кривого Рога Герша Лазаревича Копыта, который жил недалеко от старого вокзала у завода «Карболит». Люди приходили на Шабат пешком из разных концов города и шахтовых поселков, в мороз и распутицу.

Об этом поведал внук Копыта, активист Клуба любителей истории, культуры и традиций Геннадий Бирман.

Герш Лазаревич родился в 1885 году, был отцом пятерых детей. История семьи трагична: во время войны две дочки вместе с семьями погибли в газовых камерах, один из сыновей пропал без вести на фронте. Другой, правда, прошел всю войну и остался жив. Третья дочь – мать Геннадия – вместе с отцом попала в Кемерово. О тайных собраниях Геннадий Бирман знает из рассказов отца, который приходил на Шабаты в дом будущего тестя за десять километров, с шахты «Пионерка». Дедушка Герш в 1951 году вернулся в Кривой Рог.

Начиная с осени 1944 года «группа верующих евреев Кемерово», а по сути – полуполюгальная община пыталась зарегистрироваться. Столкнувшись с отказом решить вопрос на месте, обратились в Москву, в Совет по делам религиозных культов, созданный при Совете народных комиссаров СССР в том же 1944-м:

Мы желаем организовать Религиозную еврейскую общину, дабы создать возможность собираться по субботам и по еврейским праздникам для совершения Богослужения.

Здание синагоги в Мариинске.

Вид внутреннего двора.

Безрезультатно. Новая попытка: в начале 1946-го кемеровские евреи обратились в Кемеровский облисполком, но ответа не получили. Весной 1947 года, когда молитвенными собраниями уже заинтересовались органы госбезопасности, попробовали еще раз. Хотели зарегистрировать общину «без соблюдения правил»: без аренды помещения для молитвенного дома, из-за отсутствия средств, и без официально избранного раввина – объяснили, что все члены миньяна грамотны и могут обойтись без него. Но местные власти снова отказали.

В том же 1947-м община пыталась получить разрешение на проведение молитвенных собраний в частных домах во время осенних праздников, но и тут – отказ. А также «разъяснение об ответственности за самовольное отправление религиозных обрядов»... В то же время община стала рассматриваться как «уклоняющаяся от регистрации».

Елена Генина поясняет: упомянутый Совет по делам религий при СНК СССР по отношению к так называемым «малочисленным группам верующих» предписывал придерживаться определенной линии поведения. Инициаторов – предупреждать о незаконности проведения молитвенных собраний; из поля зрения их не терять, «тщательно отмечать <...> факты, которые впоследствии могут позволить применить

меры прямого воздействия на инициаторов группы со стороны органов административного надзора».

Фактически кемеровскую общину возглавлял выполнявший обязанности раввина Абрам Израилевич Шур. До революции он был слесарем завода «Братья Шейн» на Украине, в Екатеринославе. В годы нэпа занимался торговлей. Затем – кустарь-одиночка, рабочий-слесарь, в 1941-м был эвакуирован в Кузбасс, с 1942 года – пенсионер.

Подпольная кемеровская синагога прекратила свое существование со смертью Шура. Видимо, по отношению к нему власти решили «применить меры прямого воздействия»: «Соответствующие органы выяснили факт лишения его в 1927 году права голоса, сокрытия своего положения путем подделки документов, по которым он длительное время получал пенсию», – объясняет Елена Генина. В 1951 году Абрам Шур покончил с собой...

И только в конце 1980-х евреи Кемерово смогли «выйти из подполья». Здесь есть две еврейские организации: религиозная община, возглавляемая Ильей Бондаренко, и Кемеровское общество еврейской культуры, где председательствует Леонид Рукман.

По словам Ильи Бондаренко, в общине отмечают все еврейские праздники, работают лекторий и библиотека. Дети на каникулах отдыхают в летнем лагере в Новосибирске. Оказывает община и гуманитарную помощь, раздает среди своих продуктовые наборы, а перед праздником Песах – мацу и сок. Увы, недавно рав Довид из Кемерово уехал. Как нам сообщили в Федерации еврейских общин России, в ближайшее время в кемеровскую общину приедет новый раввин – посланник Любавичского Ребе.

На сегодняшний день, говорит активист кемеровской религиозной общины, историк и литератор Владимир Каганов, евреев из более чем полумиллионного населения города – порядка двух тысяч. Эту цифру подтверждает сотрудница еврейского благотворительного центра Анна Пшеничникова:

– Точных данных о количестве евреев в Кемерово, естественно, нет. По нашим спискам – около 1500 человек. Многие уехали. К нам на праздники приходят человек 250, а раньше – до 400. Правда, сейчас народу уезжает гораздо меньше.

ОХОТА НА ВРАЧЕЙ И КОСМОПОЛИТОВ

У города Сталинска Кемеровской области, впоследствии Новокузнецка, своя печально знаменитая еврейская история – история последнего сталинского расстрела «еврейских националистов» (см.: Лехаим, 2005, № 12).

Речь идет о «деле КМК», или подпольной «Сталинской синагоги», когда в 1950–1952 годы по сфабрикованному делу были расстреляны четыре ведущих специалиста Кузнецкого металлургического комбината (КМК) – Александр Дехтярь, Яков Минц, Соломон Либерман и Сруль Лещинер. А еще четверо – Савелий Аршавский, Григорий Зельцер, Залман Эпштейн и Израиль Рапопорт – приговорены к 25 и 10 годам лагерей. Но оказывается, это «дело» имело грустное продолжение.

Елена Генина, автор монографии, посвященной именно этой теме, считает «дело КМК» очень показательным:

– Оно позволяет понять глубинные мотивы кампании по борьбе с космополитизмом в Кузбассе. Внешне направленная на борьбу с синагогой, она преследовала цель объяснить и оправдать неполадки, возникшие в гигантском экономическом механизме Сталинска. Это, в свою очередь, открыло широкие возможности для «перетряхивания» хозяйственных кадров, устранения тех, кто вызывал сомнения.

В результате, как свидетельствуют архивные материалы, «дело КМК» разрослось непомерно. В Кузбассе развернулась охота на «безродных космополитов», имевших связи с «враждебным капиталистическим окружением». Уже к ноябрю 1950-го поиски врагов увенчались успехом: стараниями областного управления МГБ в средней школе Сталинска был найден антисоветски настроенный учитель физики. Привлекли и инженера одного из кузбасских предприятий, преклонявшегося перед американской техникой; обнаружили институтского преподавателя, восхвалявшего буржуазную науку и «старавшегося протащить космополитизм в практику преподавания» – в итоге проверки он оказался потенциальным агентом иностранной разведки...

В Кемерово в 1951 году в отношении упомянутой полулегальной синагоги власти действовали по уже накатанному сценарию, опробованному на КМК. Виновным «назначили» директора Кемеровского электромеханического завода (КЭМЗ) Пинхоса Интриллигатора. Он был хорошо известен кемеровчанам как человек, возглавивший предприятие в тяжелом 1941-м, в 1943-м награжденный орденом Трудового Красного Знамени, добившийся больших успехов и в послевоенные годы, когда КЭМЗ стал крупнейшим машиностроительным предприятием Кузбасса.

П. Интриллигатор.

Но оказалось, что «директор завода Интриллигатор окружил себя политически сомнительными, так называемыми незаменимыми специалистами, которым за счет

государства создает дополнительные блага». Молитвенные собрания немногочисленной кемеровской общины в документах превратились в «нелегально действующую еврейскую синагогу». А директор КЭМЗ и директор завода «Карболит» Потемкин не только знали о ее существовании, «но и оказывали синагоге материальную поддержку по 100–150 рублей при посещении их евреями из синагоги»...

Пинхос Моисеевич был лишен должности, но не жизни. В октябре 1951 года он был отозван министерством и направлен на работу в родной Харьков. Начальником цеха...

В Прокопьевске – крупном центре машиностроения, основном месте добычи коксующегося угля в Кузбассе, по словам Елены Гениной, не было громких разоблачений и преследований, как в Сталинске и Кемерово. Но ход событий там был по-своему драматичен: прокопьевская община (30 человек) собрала деньги и за 16 тыс. рублей летом 1949 года купила для молитвенных собраний дом в Рудничном районе. Возглавлял общину Лифшиц – работник комбината «Кузбассуголь».

О «случае вскрытия нелегально существующей группы верующих евреев в г. Прокопьевске» сообщил начальству уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР по Кемеровской области Оленников. Тут же последовали «оргвыводы». Последний раз 25 членов «нелегальной группы» собрались в молельном доме 30 сентября 1949 года. Лифшица вызвали в райисполком, община была распущена, а дом по улице Часовая, 9... отчужден. Проверка райисполкома установила, что дом этот (купленный общиной и официально оформленный на имя Лифшица) «является бесхозным и незаконно использовался под молитвенный дом верующими иудейской веры». Поступило предписание: здание в двухдневный срок отремонтировать и отдать под квартиры...

...Отголоски этих процессов в регионе, говорит Елена Генина, дали о себе знать и позже – в связи с «делом врачей». Архивные материалы показывают: с января 1953-го в Кузбассе развернулась массовая кампания с отчетливым «национальным оттенком». На предприятиях звучали «требования трудящихся» – расстрелять врачей-убийц, «а оставшихся евреев <...> взять на спецучет и выгнать из медицины». В Прокопьевске стали «поступать сигналы» на плохую работу «Скорой помощи» и Горздравотдела.

Кемеровский электромеханический завод.

1950-е годы.

Но основное развитие «дело врачей» вновь получило в Сталинске. При проверке работы Сталинского государственного института усовершенствования врачей работники Управления высших медучреждений Минздрава РСФСР и Кемеровского обкома КПСС обратили особое внимание на национальный состав научных кадров. В итоговом документе значилось: «из 13 профессоров, заведующих кафедрами, 10 человек еврейской национальности, близкие родственники которых (жены, дети, братья и сестры) работают в качестве доцентов и ассистентов ряда кафедр и имеют между собой тесную связь». Назывались фамилии Шершевских, Гранат, Фукс и др. И неважно, что родственники работали на разных кафедрах, в различных областях медицины. Выявлялись также и «лица, не внушающие политического доверия».

Елена Сергеевна констатирует:

– Лишь смерть Сталина в марте 1953 года помогла остановить кузбасское «дело врачей» и поставить точку в развернувшейся в регионе кампании.

КАРЬЕРА В КАРЬЕРЕ, ИЛИ КАК ЕВРЕИ УГЛЯ ДАВАЛИ

О том, что такое Кузбасс во время войны, я знаю от своего отца – он был откомандирован сюда в 1943 году. Стране нужен был уголь, а значит – новые шахты. А значит – специалисты.

Мой отец не был шахтостроителем. В родной Одессе до войны он окончил механический техникум, работал на механическом заводе. Когда началась война, в качестве коменданта эшелона эвакуировал завод в низовья Волги, разворачивал там в

1941-м военное производство. Когда, по его выражению, «фриц дошел до Волги», отец отдал свою «броню» военпреда завода и пошел воевать. Попал под Сталинград, участвовал в великой битве...

Но из-за слабого зрения и наличия технической специальности отца отправили в Кузбасс, в Прокопьевск, где до конца войны он строил шахты. Вернее, руководил строительством. Строили пленные немцы, а папе очень пригодилось знание языка...

Биография моего отца типична для того поколения. Кузбасс заселялся именно такими, как он, молодыми специалистами из всех городов и весей необъятного СССР.

Однако папа уехал из тех краев при первой возможности, в 1945-м – как только из Одесского политехнического пришла справка, что он таки их студент-механик. Сохранил верность специальности и первой в жизни возлюбленной – Одессе...

Похожая биография – у персонажа новейшей кузбасской истории, Льва Резникова. Как и большинство кузбасских евреев, Лев Моисеевич (также уроженец Украины) прибыл сюда в годы Великой Отечественной войны. Но не покинул этот суровый край: стал генералом угольных карьеров, как уважительно его здесь называли.

Ученик конструктора, рабфаковец в Никополе, с 1938-го – студент Донецкого индустриального института: о судьбе Льва Резникова рассказывает Калерия Заболотская, историк, доктор наук, профессор Кемеровского университета:

– Учебу в институте прервала война. Лев Моисеевич был призван в армию, воевал. Но защищать родину можно было не только на фронте. Стране, как воздух, нужны были уголь и металл, а важнейшая угольно-металлургическая база – Донбасс – была захвачена врагом. В этих условиях шахтеры и металлурги ведущих профессий освобождались от призыва, получали бронь. Часть из них, ушедших на фронт в самом начале войны, была отозвана из рядов Красной Армии и возвращена на металлургические заводы и в шахты. В их числе был и Резников.

Так Лев Моисеевич оказался в Кузбассе, в том же Прокопьевске. Работал забойщиком и заочно продолжал учебу в институте, который окончил в 1944-м с дипломом горного инженера по специальности «разработка пластовых месторождений».

Он любил повторять: «Каждый человек делает себя сам». Грамотный специалист, отличный организатор, Резников прошел все ступеньки карьерной лестницы: помощник начальника вентиляции на шахте имени Калинина, начальник этого участка, в 1947-м – главный инженер шахты «Редаково – Северная», в 1949-м – начальник шахты имени Димитрова, в 1951-м – шахты Абашевская. Наконец, стал руководителем крупнейшего угледобывающего предприятия страны. От рядового горняка – до первого директора образованного в 1964 году комбината «Кузбасскарьеруголь» (впоследствии – ПО «Кемеровоуголь»), которым он руководил до 1985 года.

Занимая высокие посты, став большим человеком, Лев Резников свято хранил верность еврейству, никогда его не стеснялся, бережно относился к семье, чтит традиции, сложившиеся в родительском доме. Пожалуй, самый большой вклад Льва Моисеевича в процветание ставшего ему родным Кузбасса – три прекрасных сына, которые пошли по стопам отца и продолжают его дело на угольном фронте.

ЖИЗНЬ И СУДЬБА МИХАИЛА ПЛОТНИКОВА

Михаилу Плотникову, чьи стихи стали эпиграфом к этому материалу, – 85. Родился в сибирском городе Татарске Новосибирской области, жил и учился в Ленинске-Кузнецком и считает его своей «малой родиной». С 1940 года – солдат, затем офицер. Командир огневого взвода, взвода артиллерийской разведки. В его послужном списке – битвы за Москву, Смоленск и шесть месяцев непрерывных кровопролитных боев под Сталинградом, где погибли почти все его бойцы.

Á áíyö íí ðáçãñí ó òàøèñòñèèò áíèñè ííä Ñòàèèíáñáñí çà íáðèíä ñ 10.01.43 á íí 20.02.43 á, íáðíäyñí íà íáðíáñáñí íáàèpáàòáèyñí í íóíèòá ááòáðáè á áíáñíò ííðyáèèò íáðíòó, èè-íí íáíáðáèèè áí 30 íñ áñíò òí-áè íðíòèáíèèä..

(Из наградного листа к ордену Красной Звезды, которым был награжден лейтенант Плотников М.И.)

М. Плотников.

Затем была Украина и тяжелейшая контузия под Харьковом. 24 дня – без сознания, долгое время был слепым, глухим и немым, более полугода провел в госпитале на Холодной горе...

С войны Михаил Плотников пришел инвалидом. Заново учился видеть. Затем он – в Новосибирске, диплом юриста и работа: Тува, Ленинск-Кузнецкий, Киселевск, Таштагол, Прокопьевск, Кемерово... Инвалидность скрыл. Помощник прокурора, старший следователь УВД Кемеровской области, начальник спецкомендатуры. Пишет замечательные стихи и прозу, издает свои книги...

Жизнь и судьба Михаила Ильича – типичная история еврея-сибиряка, представителя «особой нации», обнаруженной нами на этой богатой людьми и недрами земли. Наш герой рассказывает:

«Мои предки еще во времена царской России были сосланы в Сибирь, там родились мои мать и отец. Отец до революции не имел права жительства в городах и, чтобы избавиться от постоянной перемены мест, оскорблений, преследований полиции, вынужден был принять христианство, оставаясь евреем душой и телом.

Сохранив верность обычаю, обоим сыновьям дал еврейские имена, раввин города Татарска Новосибирской области совершил обряд обрезания. Вскоре наша семья уехала в Ленинск-Кузнецкий, и там с первых дней пребывания мы получили русские имена: я – Михаил, брат – Григорий. С ними и пошли в школу. На еврейском языке дома никогда не говорили.

Отец, несмотря на неоднократные принуждения, в партию так и не вступил. Мать вступила уже после войны, но позже была исключена как скрывающая национальную принадлежность. Младший брат Григорий погиб на войне.

Откровенно говоря, я не ощущал отчуждения, не испытывал притеснений или оскорблений ни от своих одноклассников, ни от учителей, ни от офицеров и курсантов Томского артучилища, которое окончил во время войны, ни в действующей армии. Я всегда чувствовал себя равноценным, равноправным со всеми. Я родился в России, жил в ней, защищал ее под Москвой, Смоленском, Сталинградом, Белгородом и Харьковом и считал себя просто советским человеком, не задумываясь о том, русский я или еврей. Я не хотел видеть у нас антисемитизма. Но однажды случай перевернул во мне все!

Осенью 1943 года из харьковского госпиталя № 4390 я инвалидом второй группы вернулся домой в родной Ленинск-Кузнецкий. В результате тяжелой контузии почти лишился зрения. Из госпиталя домой меня сопровождала медсестра. Я заново учился читать, ходить по улицам...

Однажды, сбросив военную форму, я пошел к школе, в которой в 1940-м получил аттестат о среднем образовании. Во время войны в ней размещался госпиталь. Я шел с каким-то неясным волнением, ожиданием.

Недалеко от школы-госпиталя прогуливались четверо солдат, из-под телогреек видны были госпитальные штаны. Один из них – в шапке на забинтованной голове, с костылем, заметно прихрамывал. Поравнявшись со мной, приостановился и, злобно крикнув: «Жидина! Отсиделся здесь на нашей крови!» – ударил меня по лицу. Я в долгу не остался. Солдат упал, и костыль его улетел в сторону. Все развивалось молниеносно. На меня набросились все трое. Я упал, и меня пинали ногами. Но вдруг один из них закричал: «Стойте! Не трогайте! Я узнал его! Это – лейтенант, я воевал с ним вместе».

Все как будто обмерли... Я поднялся. Солдат, которого я ударил, все еще лежал на земле. Я протянул ему руку и поднял с земли, подал костыль. Раненый виновато посмотрел на меня и сказал: «Прости, браток, обознался».

Я чувствовал жестокую обиду. Молча вытер кровь с разбитой губы, пошел домой. Тот, что признал во мне лейтенанта, проводил меня. Я не узнал этого солдата, но помню его лицо: в начале драки – злое, с ядовитой садистской улыбкой, а затем – удивленное, с выражением растерянности и раскаяния.

В тот день я впервые остро почувствовал, что хотя я и гражданин России, но не русский. Я еврей!

Об этом случае я никогда никому не рассказывал, держал боль в душе. Но в день 50-летия Победы, в приливе фронтовых воспоминаний, поделился этой историей с добрым русским человеком Владимиром Макаркиным, с которым много лет проработал в Кемеровском городском управлении милиции.

Через какое-то время он подошел ко мне и со смущением, ничего не говоря, передал исписанный лист бумаги. Там были стихи и подпись: “Тебе – от Макаркина”:

Óú àúøæ í à óèèó ááç í ðááí í á
È áíçãáñ óíëúøàè: «Ááèò á æèáí á!
Ì ú èðíáí í ðíèèáàèè í à óðíí ò á ñáíð,
À òú, æèáðãá, ñèääè á òúèó.»
È òú í òáèáàèñý, í ðèæàòúé é ñòáí á
Èáè áááò í ñí í áà áúè í à áíéí á
Í äéí èç í àí áàøèð, í í í í é áøèñíí ááðáá
Èðèéí óè: “Í á òðíí ú ò á! Ý ò í í é áðáá
Ì ú áúèè áí áíò á í à óðíí ò á ñí é í.
× ò í æ ò ú í í è: à è? Ó æ ò ú í à ñ è ç á è í è”
Çàæèèè ðáí ú áíéí ú ááò áðáí á,
Í í ý ò á í í ñèááí ýý ñáðáò á ðáí á
Í í à ò áíá í ý ò ú ááíý ò...

Не судите стихи строго, их писал не поэт. Но в них, по-моему, – боль за все еще живущий в России антисемитизм, шовинизм, из которого рождается фашизм...»

КОЕК И ЕГО ПРЕДСЕДАТЕЛИ

КОЕК – это Кемеровское общество еврейской культуры. Его учредили в 1991 году, первым председателем стала врач Ида Марковна Раскина. А с 1999 года им был Лев Хаес – увы, два года назад из жизни ушедший. В Кемерово его прекрасно помнят и говорят о Льве Борисовиче с огромным уважением.

Меня уже упрекали: пишешь о сибиряках, а каждый второй у тебя – одессит. И все же Лев Борисович Хаес в мае 1927 года родился не где-нибудь, а именно в Одессе! Так уж получилось, что подавляющее большинство евреев-сибиряков – или из кантонистов, или из ссыльных, или из Одессы. Как говорится, из песни слов не выкинешь. А выкинешь – так обратно не вставишь...

Лев Хаес попал в Сибирь в 1960-м. Сначала в Иркутск, а в 1965 году – в Кемерово, где работал заведующим нейрохирургическим отделением областной больницы, был главным нейрохирургом области, экспертом судебно-медицинской экспертизы. Сотни сложнейших хирургических операций, сотни спасенных жизней.

Но не только. Владимир Каганов вспоминает, что Лев Хаес увлекался бардовской песней, сам пел и играл на гитаре, интересовался поэзией Омара Хайяма и научной фантастикой, серьезно занимался хатха-йогой. Написал несколько интересных книг: и о йоге, и о бардах, и о работе врача, а также в любимом жанре фантастики. Часто выступал с публикациями в местной прессе.

Владимир Каганов рассказывает:

– Лев Борисович живо интересовался процессом возрождения еврейской культуры в новой России, так как всегда помнил о своих корнях. После избрания председателем общества ему удалось сплотить вокруг себя заинтересованных, активных людей, вдохнуть новую жизнь в работу КОЕК. Ответственность, порядочность, доброжелательность и увлеченность – вот главные качества Льва Борисовича. И они проявлялись во всем, чем он занимался, – в профессиональной и общественной работе, в отношениях с коллегами, друзьями, родными и близкими. Лев Хаес был интеллигентом и гуманистом в лучшем значении этих слов. В меру своих сил он пытался изменить этот мир к лучшему – возможно, иногда наивно и неумело, но всегда искренне.

...Вы будете смеяться, но нынешний председатель КОЕК Леонид Рукман тоже имеет отношение к Одессе! Он окончил тамошний Технологический институт. А его мама в свое время училась в Одесском педагогическом. Причем диплом получила по специальности «учитель еврейского языка и литературы».

А все потому, что корни Леонида Самуиловича – среди первых александровских колонистов, осваивавших земли Новороссии в начале XIX века. Его предки пришли в молодую Херсонскую губернию из Белоруссии и основали там одну из первых еврейских колоний – Сейдеменуха (см.: Лехаим, 2006, № 7).

Свою деятельность в качестве председателя КОЕК Рукман оценивает критически:

– Про эти пять лет работы могу сказать одно: все двадцать с лишним программ, которые у нас работают, – это заслуга моих предшественников и наших сотрудников. Очень много добился Лев Борисович Хаес. Моя заслуга в том, что я сделал наше общество публичным. Я член координационного совета Департамента культуры и национальной политики, общественного совета при ГУВД, вхожу в Общественную палату Кемеровской области. Мы постоянно выступаем по телевидению, радио. И вот результат: о нас знают, с нами считаются.

Л. Рукман.

ПО КЛУБНЫМ ИНТЕРЕСАМ

О двадцати трех программах, упомянутых Леонидом Рукманом, рассказывает энергичная Наталья Богаева – директор общинно-благотворительных программ КОЕК, ее сердечные и доброжелательные помощницы – Анна Пшеничникова, Наталья Горкер, Фаина Резник, Любовь Этигон и другие милые дамы, руководительницы общинных клубов и программ.

Они рассказывают о том, как начиналась еврейская жизнь в городе: с воскресной школы и библиотеки, книги для которой привозили из командировок «на себе». Как появился танцевальный ансамбль и развивались благотворительные программы. Как рождались клубы: молодежный, «Золотой возраст», Клуб любителей еврейской истории, культуры и традиций, Клуб интеллектуалов, Клуб еврейской песни, Семейный клуб.

Говорят, в этом году очень здорово прошел Семейный лагерь, впервые – с выездом в дом отдыха. И дети, и родители с удовольствием вспоминают последние жаркие денечки лета, когда большой семейный «десант» (18 семей, более 50 человек) высадился на берегу Беловского водохранилища. В лагере работали два психолога, читал лекции профессор КемГУ Сергей Павлович Звягин, специалист по истории евреев Сибири.

Одна из актуальных программ – «Детская инициатива», ее руководительница – веселая и энергичная Манана Чачибая. Ребятишки в возрасте от 6 до 14 лет отмечают еврейские праздники и дни рождения, учат еврейские песни, участвуют в играх и викторинах. Им выдают витамины и продуктовые наборы – фрукты, орехи, йогурты и прочие вкусности.

Кроме того, «Детская инициатива» помогает ребятам из группы риска. Это дети социально неадаптированные или из неблагополучных, неполных, малообеспеченных семей – к сожалению, есть среди еврейских и такие. Любовь Этигон, профессиональный педагог на пенсии, находит ключик к каждому проблемному ребенку. Вместе с

психологом она посещает школы и семьи, ведет беседы с родителями, решает любые вопросы, вплоть до помощи в трудоустройстве неработающих пап и мам, поиске репетиторов для детей.

Есть и волонтерские программы. Добровольцы помогают в подготовке и проведении праздников, навещают больных дома и в больнице. Но самой востребованной – и для подопечных, и для самих волонтеров – оказалась программа «Доброе сердце». Люди, вышедшие на пенсию, но еще активные, всего 14 человек, ходят в гости к одиноким, инвалидам, которым очень не хватает общения. Ведь его дефицит – самый большой и сложно восполнимый. У каждого волонтера несколько подопечных, которых он навещает несколько раз в неделю, угощает сладостями.

– Эта программа работает с прошлого года, – делится Наташа Богаева. – Я думала, будут проблемы с волонтерами, а оказалось, что их куда больше, чем тех, к кому надо ходить. Люди очень живо откликнулись, программа пошла «на ура».

Анна Пшеничникова руководит Клубом любителей истории, культуры и традиций. Он был создан восемь лет назад на базе уже существовавшего кружка по изучению Танаха. Люди захотели подробнее познакомиться с историей и традициями еврейского народа, узнать больше о выдающихся мудрецах, писателях, художниках.

Анна Григорьевна рассказывает:

– Темы занятий разнообразны: от праотцев Авраама, Ицхака и Якова до выдающихся людей нашего времени – Давида Бен-Гуриона и Хаима Вейцмана. Мы живем в России, и нам особенно интересны взаимоотношения иудаизма и христианства, иудаизма и ислама. Часто выступают с лекциями профессиональные историки, занимающиеся еврейской тематикой. Сейчас к нам приходят люди среднего возраста, чему я очень рада. Это результат работы с детьми, чьи родители стали активнее участвовать в программах.

В общинном центре.

Клуб «Золотой возраст» создала и руководит им с 1999-го Бэлла Генкина. Это самый многочисленный и востребованный общинный клуб – ведь многие пожилые люди совсем одиноки или живут вдали от родственников. Главные задачи Клуба – спасти таких людей от одиночества, организовать их досуг, продлить молодость тела и духа.

Основная трудность для Бэллы Моисеевны – найти место для всех пришедших. Как преподаватель с многолетним стажем, она умеет заинтересовать своих подопечных, обратиться к их увлечениям и профессиональным знаниям. На заседаниях выступают преподаватели КемГУ, музучилища, библиотекарь Фаина Резник ведет лекторий. Члены «Золотого возраста» с удовольствием ходят на выставки, спектакли, концерты, общаются и вне клубных рамок. Каждый уверен: в болезни или другой сложной ситуации он не останется без помощи и внимания.

О еврейском обществе в городе знают. Хорошие взаимоотношения сложились с городской и областной администрациями, члены КОЕК участвуют в фестивалях и праздничных мероприятиях.

Наталья Богаева с гордостью сообщает:

– Нашему обществу было выделено в этом году несколько путевок в санатории, детские лагеря в России и Греции. Активисты КОЕК награждены медалями Кемеровской области. Рядом с нами несколько лет тому назад открылся Театр для детей и юношества. Мы наладили с ним контакты, и теперь у нас есть прекрасный зал для проведения праздников.

...Мы прощались с Сибирью и кемеровскими евреями – молодыми и не очень, соблюдающими заповеди и еще не вернувшимися к вере отцов. Такими непохожими друг на друга, но ставшими нам знакомыми и, значит, близкими. Потому что и в Праздник шалашей, и после него все евреи едины. Не бывает плохих и хороших, а бывают разные. Как ветви пальмы и ивы, как аромат мирта и этрога...

О БРОДСКОМ

Александрийский многочлен

Ἀδελφεῖ Ἰωάννα

Продолжение. Начало в № 1, 2008

Кабинет И. Бродского.

2.

Иудей на переломе летосчисления – «до новой эры» и «новой эры» – личный свой календарь Бродский каждый год начинает от Рождества:

Ἀὐτὸ ἴδιόν ἐστὶν ἡμεῖς ἀπὸ αἰῶνος ἰσχυροῦ

ἰσχυροῦ ἀδελφοῦ Ἰωάννα

.....

Βίττωσθε ἐν ἡμεῖς ἀπὸ αἰῶνος ἰσχυροῦ

ἐὰν αἰῶνι.

Ἐξ ἀρχῆς οὐρανὸν ἡμεῖς ἰσχυροῦ αἰῶνι.

Ἄν ἡμεῖς ἀπὸ αἰῶνος ἰσχυροῦ αἰῶνι.

Ἄν ἡμεῖς ἀπὸ αἰῶνος ἰσχυροῦ αἰῶνι.

.....

Ἄν ἡμεῖς ἀπὸ αἰῶνος ἰσχυροῦ αἰῶνι.

Ὅτι ἰσχυροῦ αἰῶνος ἰσχυροῦ αἰῶνι.

Календарь – это, в общем, подневный счет времени, расставляющего свои вехи. Дивиться нечему – разве только быстротечности времени.

Но на дворе январь – по православному календарю рождественский месяц. Короткий зимний день. Иосифу Бродскому тьма опротивела, молчать бы да молчать, но не молчитесь, слова сами рвутся из груди:

Í í, éíãà íà äãíí ï ï ñéãí çí ýéá

èç ò óí àí à í í: í íã äñò íã

ãí çí è èãò ò èãò ì á í èãò éá

è Í èããí òà, è Áóòà Ñáýò íã

í ù óí àá óü á ñáá ááç ñò úáá;

ñ ï ò ð è óü á í ááí è è è è óü – çáçáá

Преодоление стыда, о чем поэт говорит в предпоследней строке, несколько не уменьшает доверия к нему и пиетета к картине, в которой Мать в платке, как простая баба, только что отвалившая от прилавка в продмаге, Младенец и Святой Дух неизбежно наводят на мысль о звезде – даже на забранном облаками-тучами зимнем небе видишь ее отчетливо, ощущая в себе все это без стыда, ибо высокое христианское чувство благочестия не может робеть перед стыдом.

Воздав поэту должное за преодоление стыда, когда на дверном сквозняке продовольственного магазина, из которого выходит баба в платке, он в рождественский вечер вдруг ощутил в себе и Младенца, и Духа Святого, зададимся вопросом: а все же откуда, из каких угодий, из какого подпола его преодоленный стыд, пролезший в рождественский стих?

Можно, по мнению Мартина Бубера, оставаться евреем из упрямства. Но можно ли из упрямства перестать быть евреем? Нет, перестать нельзя, и нельзя будет, пока гениальная инженерия своим лазером не устранил из клетки запись, сделанную Творцом. Матери и отцы передавали эту запись своим детям, а те своим, и так из поколения в поколение.

Две тысячи лет спустя, оставаясь иудеем того эллинского века, когда его соплеменники положили первые камни христианской церкви, поэт Иосиф Бродский, как и они, чувствует некоторый дискомфорт, обнаружив рядом с Г-сподом еще две ипостаси, а чуть поодаль и причастную им фигуру женщины. Здесь и пробился тот, идущий от веры отцов, стыд, о котором поэт сообщает, что не ощущает его в себе.

Влечение к истории и философствованию, записанное в генетической памяти поэта в далекие времена Александрийской библиотеки, где в диспутах образованные иудеи, и среди них славный Филон, состязались с эллинами, постоянно склоняло Бродского к общению с теми, чья плоть давно уже покинула пределы здешнего мира, оставив о себе память в рукописях и книгах.

Эклоги, элегии, сонеты, стансы заняли в его поэзии место, какое не доставалось им в сочинениях ни одного другого современного русского поэта. Сами по себе эти жанры, первые два из которых восходят к античной поэзии, а два других – к поэзии европейского Средневековья, были свидетельством настроений поэта, бежавшего унылых

будней действительности в поисках волшебного края, где «Назо и Вергилий пели, вещал Гораций».

Несомненно, жанровые предпочтения Бродского отчуждали его, в собственном его восприятии, от читательской массы, которая была для него именно масса, с коей следовало соответственно обращаться.

На читательской встрече в Нью-Йорке Бродский, еще донобелевский, предложил аудитории фрагменты из «Эклоги 4-й». Название, сказал он, заимствовано у Вергилия. И объяснил: «В Риме, две тыщи лет назад, был такой поэт. В то время известный».

Дама, сидевшая неподалеку от меня, громко произнесла: «Шмок! Он будет объяснять мне, кто такой Вергилий! У нас в Херсоне все ученики в третьем классе знали».

Насчет третьего класса, думаю, дама загнула. В Одессе в 5-м классе учитель украинской мовы и литературы Юрий Назарович Нетудыхатка бросал «невіглас!» («невежда») в лицо всякому, кто не мог прочесть на память «Еней був парубок моторний, / І хлопець хоч куди козак!» из поэмы украинского классика Котляревского «Енеида», которая представляла собой переработку в жанре бурлеска поэмы «Энеида» римского классика Вергилия. Все дни, пока мы, пятиклассники, штудировали поэму, Котляревский и Вергилий сидели у нас в классе за каждой партой.

Не окончив ленинградской средней школы, Бродский прошел курс экстерном в александрийской литературной школе. Академическая планка, установленная этой школой, требовала знания греческой и латинской классики, а также мифологии эллинов и римлян. Последнее предполагалось в таком объеме, который даже образованного читателя вынуждал бы постоянно обращаться к словарю, дабы понять текст, созданный автором, прошедшим курс александрийской школьной учености.

По канонам этой школы, задачу поэта видели «не в том, чтобы сказать, чего никто другой не скажет, а в том, чтобы говорить так, как никто другой не умеет». Александринизм в поэзии, говорит Моммзен, это редкостные вокабулы, «хитро запутанные и столь же трудно распутываемые предложения, растянутые экскурсы, полные таинственного сплетения устаревших мифов, вообще целые запасы докучливой учености всех видов».

Авторы, освоившие приемы ремесла, без труда писали в один присест пятьсот строк гекзаметром. По словам того же Теодора Моммзена, «ритмы все более и более становились изящной игрушкой для взрослых детей обоего пола; поэтические записки, совместные поэтические упражнения и стихотворные состязания между приятелями были чем-то совершенно обыкновенным... Чтение сделалось модой, даже манией; за столом, в тех домах, куда еще не закрались грубые забавы, постоянно читали вслух, а кто собирался в путешествие, тот не забывал уложить и дорожную библиотечку. Высших офицеров можно было видеть в лагерное время со скабресным греческим романом в руках, государственного человека в сенате – с философским трактатом. В Римском государстве установились такие порядки, которые всегда были и будут во всех государствах, где граждане читают от порога дома вплоть до отхожего места».

Двадцать веков спустя экстерн александрийской школы поэт Иосиф Бродский предложил, для блага всего человечества, заместить государства библиотеками. Технических деталей проекта автор не представил.

Поскольку человека, по убеждению александрийца Бродского, делают таким, каков он есть, книги, которые он прочитал, то поэт адресовался через еженедельник «Нью-Йорк ревью оф букс» к своему коллеге писателю Вацлаву Гавелу, президенту Чехии.

Для начала, писал Бродский, он предложил бы серийный выпуск некоторых книг в главных ежедневных газетах страны. «Учитывая численность населения Чехии, это может быть сделано даже указом... Давая Вашему народу Пруста, Кафку, Фолкнера, Платонова, Камю или Джойса, Вы можете превратить по крайней мере одну нацию Центральной Европы в цивилизованный народ».

В случае, если предложенный Бродским рецепт не найдет применения, Центральная Европа (где, на взгляд поэта-александрийца, ныне нет ни одного цивилизованного народа) пребудет в этом состоянии, как можно заключить, время, продолжительность которого никому не дано исчислить.

В разные века в разных странах писатели выходили на роль первых лиц в государстве, но никому из них – во всяком случае история не сохранила об этом свидетельств – не открывался радикальный способ преобразования мира, столь экономичный и несложный, как реестровая, на основе президентского указа, публикация романов и иных видов прозы в главных ежедневных газетах.

В этом ряду – обязательной публикации и, соответственно, обязательного для граждан чтения – не были помянуты поэтом стихи. Однако это не означает, что стихотворец пренебрег тем видом изящной словесности, который ему был ближе всего. Нет, никакого пренебрежения здесь не было, ибо стихи – по модели, предложенной поэтом Бродским, – должны были попадаться на глаза нью-йоркскому обывателю всюду, куда бы ни обратил он свой взгляд.

В начале 1990-х годов в вагонах нью-йоркского сабвея те места под крышей, где прежде были всякого рода прописи по части бизнеса – как надо простому американцу управляться, чтобы его всегда преследовала удача, – по части здоровья, чтобы оно не оставляло его, по части льгот, которые всегда под рукой, надо только не упускать их, вдруг заняли стихи Фроста, Одена, Элиота, Уолкотта, Бродского.

По впечатлению, какое могло сложиться у пассажира, стихи появились одновременно в каждом или почти в каждом вагоне, на всех маршрутах. Это была кампания, которая, как всякая кампания такого масштаба, управлялась с одного пульта. Поскольку нью-йоркский сабвей – муниципальная собственность, требовалась команда из мэрии. Мне говорили: инициатор кампании – Бродский.

Томмазо Кампанелла, итальянский мыслитель и поэт XVII века, в утопии «Город Солнца» изображал город, в котором школяры освобождены от унылой зубрежки в классе, ибо все знания, какие надлежит им усвоить, начертаны в разных местах на улицах города, так что надобно просто прочитать и запомнить. Запоминание же в такой естественной обстановке должно происходить само собою.

Стихи в нью-йоркском сабвее, как рассчитывали организаторы кампании, тоже должны были запоминаться сами собой, как и имена поэтов, начертанных тут же.

Человеческая память своенравна. Иногда она хранит в своих чуланах то, что неизвестно как туда угодило и едва ли понадобится хозяину. Иногда, напротив, удаляет

то, что хозяину может понадобиться – пусть не сию минуту, пусть погода, но понадобится.

Для Бродского в этих капризах и причудах памяти секрета не было. В публичных своих чтениях он сам, случалось, спотыкался, терял нить, в отчаянии закрывал лицо руками, хватался за голову, повторял прочитанные строки, пытаясь заделать брешь, а если не получалось, объяснял, что в конце концов все это неважно, так, стишки.

Со студентами своими был ригористом, призывал, чтоб напитали мозг, чтоб насытили кровь свою стихами: две тысячи строк на память за семестр.

Людвиг Кнауус. Портрет Теодора Моммзена. 1881 год.

Пассажиры сабвея, понятно, не студенты. Сколько запомнят, столько запомнят:

Sir;

You are tough, and I am tough

Who will write who's epitaph?²¹¹

Эти стихи Бродского из сабвейной рубрики «Поэзия на колесах», как оказалось по результатам сегодняшнего опроса, удержались в памяти одного нью-йоркского любителя поэзии.

Поэт хочет, чтобы его знали. Это не требует объяснений: такова натура поэта. Иосиф, однако, незадолго до этой кампании, имевшей целью ввести стихи и имена их авторов в ежедневный обиход главного города планеты, твердил с клятвенной нотой в голосе: «Мне совершенно безразлично, что происходит с моими стихами после того, как они написаны... Никогда я не относился к себе как к автору. Честное слово! Хотя это заявление, будучи произнесенным, может восприниматься как некое кокетство» (С. Волков. «Разговоры с Иосифом Бродским»).

Всякий поэт – лицедей. Но, лицедей для других, становится ли он неизбежно лицедеем для себя, играющим роль перед самим собою? И если становится, если играет роль перед самим собою, то не есть ли это то, что называют второй натурой?

О второй натуре древние греки еще задолго до римлянина Цицерона знали, что она, хотя и является плодом привычки, в действительности по силе своей нисколько не уступает природным задаткам человека.

Постулируя отрешенность от себя как автора, Бродский в самом деле не кокетничал и не лукавил. Он относился к своему авторскому «я» как к чему-то стороннему, предмету такого же философского интереса, как и всякий иной человеческий феномен.

«На самом деле, – объяснял он, – я всю жизнь относился к себе <...> прежде всего как к некоей метафизической единице <...> И главным образом меня интересовало, что с человеком, с индивидуумом происходит в метафизическом плане» (С. Волков. «Разговоры с Иосифом Бродским»).

Эта тяга к метафизическому познанию человека восходила не к ортодоксальной иудейской, а к иудео-эллинской традиции. «Метафизическая единица», поэт Бродский в поисках визуальных элементов для графического, насколько это возможно в геометрии, начертания чувственных образов обращался к перпендикулярам, катетам, углам,

...èáí ñîì Ýáèèèä

í ðè ñîì í á ääóó óäèíá è í ðàèà

äí èðüäáüá íäèí ñüèèò;

è ýòí èàè áú óíðì à áðàèà

Сам по себе «математический набор» «Пенья без музыки», вполне доступный ученику неполной средней школы, нисколько не понуждает читателя к непосильному напряжению ума. Однако фигуры любовного томления, хотя и построенные с помощью простых геометрических элементов, представляют в иных случаях загадки такого рода, какие не под силу и поднаторевшему в разгадках уму схоласта.

Мудрость, теснимая мудрствованием, эрудиция, теснимая своим неумным лжедвойником, всезнайством, вынуждены поступиться местом перед схоластикой, которая забирает над стихотворцем такую неборимую власть, что он не только не противится ей, но и признает универсальность схоластики в этом мире, воздает ей хвалу:

Ñòí èäñò èèà, ò ù ñèàæáóü Äà,

ñîì

èäñò èèà è áí ðýò èè ñä ðäí

èèøáí í äý í ðèì àò ñò ù ää è ääà

Í í è çáçäà í ää í í ðäí -

*÷ ò í áñòüíí à èàé í á (í í çâîëü
ò àé ì í èàè òü ÷ ò í á áñüëéé á ýò ìì
í á óðèèà ò ú ø ò èü) ì í çîëü
í à ò áð ò äý á í ðñ ò ðáí ò ò áá ññ ò ìì ?*

Ñòíèáñòèèà Í í ÷ ò è. Á-áá

áñòü

Áí çì í æ í í. Øññ í ò ð è á í ò áá ò á

ññ äáñèá Á ÷ ò í í á áñòü

схоластика на этом свете?

Звезда над морем, эта «мозоль, натертая в пространстве светом», видится в приземленном философско-поэтическом пассаже Бродского как натужная антитеза беспредельной небесной выси, усмотренной когда-то Багрицким среди кухонной утвари в иудейском доме:

Èá: í óéíý ì èð

Çáíçáà ññ í ò èí óèáññí á áááá

È çàí èáñèáèáññí á ññ óáíì ò àçú

В приземленности Бродского, как того требовали каноны александрийской поэтики, интимная нота сохранялась, но высокий лирический настрой, присущий душе поэта от века, замещался низменной, тоже в ключе александрийцев, строфой уличного острослова, для которого соседство святыни не было помехой скабрзности и сквернословию.

Мария Стюарт, с которой Иосифа Бродского разделяли века, навсегда вошла в его жизнь с тех пор, когда, восьмилетний питерский мальчишка, он впервые увидел ее на экране. С экрана прекрасная шотландская королева обучала его «чувствам нежным», и много лет спустя, уже известным поэтом, он счел себя обязанным вступить за честь Дамы, красота которой в глазах ее современников была чрезмерным соблазном:

× èññí ò áí èð èð áí áí èéíá Í áðè,

í ðááññèéí ññ áíð ø è ò ð ò ð è,

÷àòúðä ääÿòü äääöàòüíÿòü
Íàò äëÿ êíðíú áíëïòää òðíà
÷àí ñéàí - íéáóüíïó-àéíí íáðáíàòü
.....
Òáíèí òíòëáíäòáí áúëí íáííÿòü
÷àí êíééà íòëë÷àòíÿ íò òðíà
Á ñáíáí ñòíéàòüë ááëÿ äíðíà
äëÿ ñáðáí áí í èéíá áúéà òú äëÿü

Не удержав при жизни ни трона, ни головы, Мари post mortem нашла заступника, к тому же певца в лице питерца Бродского, генетические корни которого уходили в грунты иудео-эллинизма с его этической и эстетической шкалой категорий:

×òí ääëàò Êíòíðèð? - Òáëà
Êíéóíòáí? - Íááçëàäéáí íáòàéí.

С точки зрения историографа, и то и другое – игра слов, пустые фигуры. Но почему же врезаются они в память, почему, осевши там, настырно звучат в ушах? Потому, очевидно, что буква и дух истории не тождественны. Для поэта, даже приверженного истории, дух первее буквы.

У соплеменника Иосифа Бродского, немецкого еврея Генриха Гейне, в Тюильри, на торжественной церемонии утреннего туалета королевы Марии-Антуанетты, уже гильотинированной, ее фрейлина, гильотинированная, как и госпожа, должна блюсти этикет без скидки на обстоятельства:

È, çà íòíòòòòàéáí äéíáí,
Ííà óëúááàòíÿ çàáíí.

Трагическое и смешное, как замечали александрийцы, между собой много ближе, чем виделось в классические времена трагедии и комедии: действительность менее педантична, чем создатели и теоретики жанров.

Трагическое у Бродского, начиная с юношеских его стихов, всегда было в фаворе. Люди – живые, как и сам он, когда писал свои стихи, – все кандидаты либо в камень, либо в падаль. Все.

Что есть падаль?

...падаль – свобода от клеток, свобода от

целого: апофеоз частиц.

Франсуа Клуэ. Портрет Марии Стюарт.

1558 год.

Что есть жизнь? «Жизнь – сумма мелких движений». Движения совершаются во времени и пространстве, на свету и во тьме. Каковы бы ни были движения, основным атрибутом поэта в земных реалиях остается одиночество:

Î äëí î: äñò äí ó: èò ñòè ääü äé,

è äí ñòü èõ òí æ á

î äëí î: äñò äí.

Метафизический поиск приводит Бродского к заключению, что «человек размышляет о собственной жизни, как ночь о лампе». В этом интеллектуальном занятии открывается человеку суть вещей:

Âðäí ý äí èüæ á í ðí ñò ðäí ñò ää

Î ðí ñò ðäí ñò äí - ääü ü

Âðäí ý æ á, ä ñòü í ñò è, ì üñü ü ääü è.

Æèçí ü- óí ðí ä äðäí äí è...

А что же есть он, человек, метафизическая единица, стремящаяся постичь самое себя?

Ñí ñò î ý èç èð ä äè, äðýçí ü õ ñí î ä

ñò ðäü ä ñ äð è, í ðäü ä,

*ἵπυσαῦ ὀδῶν εἶπὸν εἶπὸν ἐ, οὔσα ἐὶ ἵπῶν ἰάδα,
ὀάειν ἡῶα ἐὸ ἀ ἀεῶ ἰεῶν ἰ ἀάῦ ἰ ἀε ἡῶ ἦ
ἐδαεία ἐ ἰ εἶ ὀφ ἰ ὀπὸ δαί ἡὸ ἀα:
ἡῶα ἰ ἐ ἡῶῶ ἡῶῶῶ,
÷ ἀεἶ ἡῶῶ ἀπὸ ἰ εἶ ἰ ἀ ἡῶ ἰ ἡ ἡῶῶ
ἐ ἀῶῶ ὀπῶ ἡ Ἀ δαί ἦ.*

Хоть все течет, все меняется, «человек отличается только степенью отчаяния от самого себя». От рождения, противясь динамике вещей, он наделен комплексом статуи и стремится к слиянию с тьмой, продлевая себя во времени, ибо «грядущее есть форма тьмы, сравнимая с ночным покоем».

Бюсты, торсы, статуи – постоянные собеседники поэта. Отдаленный двумя тысячелетиями Корнелий Долабелла, в вечерний час встреченный Бродским в римской гостинице, оказывается если не единственным, то, во всяком случае, наиболее желанным из смертных, кому хочется сказать: «Добрый вечер...»

Римлянин только что принял душ, на нем «полотенце из мрамора, чем обернулась слава», что само по себе для поэта и предлог и резон поговорить о собственном будущем:

*Ἴ ἡῶῶ ἰ ἡῶῶ – ἰ ἐ ἀεἶ ἰ ἡῶ, ἰ ἐ ἰ ἀεἶ ὀ ἡῶα.
В ἐ ἡῶ ἰ ἐ ἀεἶ ἰ ἡῶ ἰ ἡῶ ἰ ἡῶῶ
αεἶ ὀ ἡῶ ἡῶῶ ἡῶῶῶ ÷ ἀῶῶ ἡῶῶ ὀ ἡῶ ἰ ἡῶ.*

Это, однако, общий разговор об уделе смертных, а у поэта есть также свой экзистенциальный мотив, и он не таит его:

*.....В
ῶ ἡῶ, ÷ ὀ ἡῶ ἡῶῶ, ἡῶῶῶ ἐ ἀεἶ ἡῶ ὀ ἡῶ
÷ ὀ ἡῶ ἡῶῶ ἡῶῶῶ ἡῶῶῶ ἡῶῶῶ ἡῶῶῶ ὀ ἡῶῶ ἡῶῶῶ
Ἠ ἰ δαί ἡῶ ἡῶῶῶ ἰ ἡῶ ἡῶῶῶ*

Мрамор, сужающий аорту, – это из строительного материала истории, используя который она соединяет экзистенциальное «я» с метафизическим, продлевая ряд веков индивидуума до пределов, какие ведомы будут лишь далеким потомкам, как в случае Корнелия Долабеллы и Иосифа Бродского.

Здесь уместно задаться вопросом: а кто, собственно, такой Долабелла, с которым наш современник поэт Бродский ведет свой доверительный разговор? Зять Цицерона, трибун, консул, приверженец Цезаря – больше после его убийства, чем при жизни, – опутанный делами и долгами демагог, с «коммунистическим» кличем на устах, поначалу поводырь взбунтовавшегося сброда, потом – его палач. Осужденный сенатом как враг Рима, Долабелла покончил с собой.

Возможно, эти детали из жизни римлянина проходили перед мысленным взором поэта. Читателю остается лишь гадать об этом. Однако близость поэта Корнелию Долабелле – римскому патрицию из древнего рода, который, каковы бы ни были его изъяны, в мраморе продлил свою жизнь на тысячелетия, – сама по себе сертификат на место в истории, в чем с александрийских времен заключена для иудео-эллина непреходящая ценность.

В Венеции с колокольной, пустившей в небо корни, раздаются удары колоколов, подобные падающим, но не достигающим почвы, плодам. Возможно, «есть другая жизнь, кто-то в ней занят сбором этих вещей». Здесь же, на площади, идет своя жизнь.

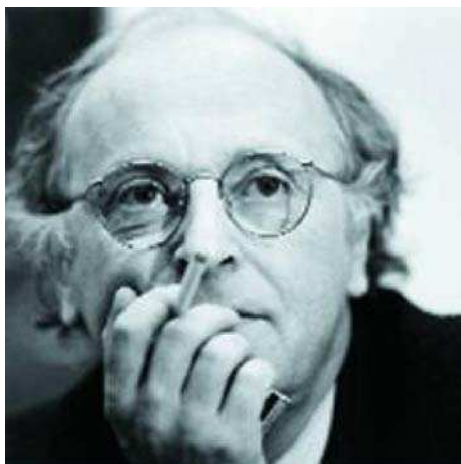
È ãëëè íà òðíí òííá äáíðòà Ì èí äëèè

á óòíÿ á ííëáíí èõ èó: äò çàèàò à,

í á íáðáíàÿ áí èí áí èÿ, éáé èí äíá-òí

í àøè í ðááèè óáðí ùá á äííí òíí í úõ

í áíò íÿ ò äëííò àá, í à ñááá í íáíáí úõ

Для иудея «допотопные обстоятельства» – нечто, отдаленное тысячелетиями и вместе с тем расположенное совсем рядом, чуть не под рукой: достаточно снять с книжной полки Библию, и на первых же страницах откроются допотопные обстоятельства.

Лишенные самой Историей права отрицать древность иудеев, превосходящую древность эллинов, Молон и Посидоний, близкие Цицерону люди, светочи эллинской учености, были первыми или, во всяком случае, среди первых, кто усмотрел в иудеях, при всей древности их рода, лишь племя подражателей, чуждых творческому гению и по этой причине обреченных пробавляться заимствованиями.

Приверженный деталям, как венецианский меняла дукатам в своей меняльной лавке, Бродский в иные дни готов корить себя за интеллектуальную распушенность, когда «не обращаешь внимания на детали, а стремишься к обобщению...». По его наблюдению, это в известной мере присуще всем, «кто связан с литературой <...> Ты стараешься формулировать, а не растекаться мыслию по древу. Это свойственно и мне, и другим. Ну, в моем случае это, может быть, просто еврейская местечковая тенденция к обобщению» (С. Волков. «Разговоры с Иосифом Бродским»).

Ī ēīī :āī ēā īēāāāō

☐ Ты крутой, я тоже. Кто кому будет писать эпитафию? (англ.)

ПОЛУЗАБЫТОЕ ЕВРЕЙСТВО НАБАТЕИ И ПРОВИНЦИИ АРАВИИ

Ī ēōāēē Ōōāēēīī

Великий еврейский историк древности Иосиф Флавий (37 – около 100 года н. э.) так описывает смерть первосвященника Аарона накануне вторжения сынов Израилевых в Землю обетованную:

«По совершении обряда очищения после траура по сестре их военачальника (т. е. Моисея), <Моисей> увел свое войско через пустыню и пришел в место в Аравии, которое арабы считают своим Метрополем и которое раньше называлось Рекем^{1[1]}, ныне же именуется Петрой. Там, где высокая гора окружает это место, Аарон взошел на нее, после того как Моисей открыл ему, что он вскоре умрет, и на глазах у всего воинства – так как место было обрывистым – снял с себя первосвященническую одежду. Передав ее своему сыну Эльзару, кому в соответствии с возрастом надлежало стать первосвященником, он умер на виду у всего народа»^{2[2]}.

Самая высокая гора в нескольких километрах западнее древней столицы набатейского царства Петры известна под арабским названием «Джабаль Харун», что в переводе означает «Гора Аарона». На ее вершине до сих пор находится исламский мавзолей Аарона, построенный на развалинах предшествовавшей ему византийской церкви. Таким образом, древняя еврейская традиция, связывающая это место со смертью Аарона, была унаследована местным населением – начиная с IV века постепенно принявшим христианство, а позднее ислам. Когда и как это могло произойти? Можно ли считать такую преемственность свидетельством присутствия евреев на заселенной набатеями территории?

^{1[1]} См. обсуждение текстологических проблем у Н. St. J. Thackeray. Josephus. Jewish Antiquities. Books IV–VI. Cambridge, MA, 1930–34. P. 82.

^{2[2]} Иудейские древности, 4.5.7 [82–83]. (Перевод мой. – М. Т.)

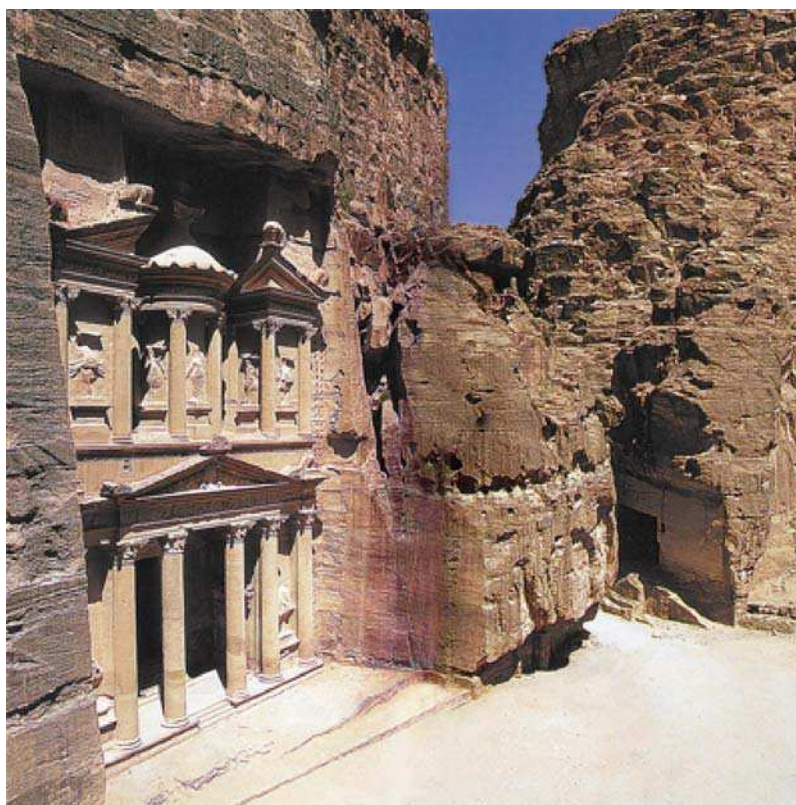
Горы вокруг Петры. Самая высокая вершина – Джабаль Харун, на ней можно различить небольшой белый купол гробницы Аарона.

Несмотря на широкий интерес ученых к истории евреев Эрец-Исраэль и их соседей в период второго Храма, эти вопросы остались практически не затронутыми в современных исследованиях. Однако исходя из того, что в период со II века до н. э. и по конец I века н. э. набатеи являлись ближайшими соседями евреев Эрец-Исраэль и сохранившиеся источники свидетельствуют о тесных контактах между этими двумя народами практически во всех областях жизни, естественно предположить, что на территории Nabatean Kingdom должны были проживать евреи. Кроме этого, известно, что в период поздней античности на территории Аравии существовали многочисленные еврейские общины. Вряд ли можно утверждать, что они появились *ex nihilo* и что им не предшествовало никакое еврейское присутствие в этих регионах.

Несмотря на то что в III веке до н. э. – I веке н. э. набатеи являлись одним из наиболее важных народов Ближнего Востока, населявшим территории современных Иордании, Южной Сирии, Северной Саудовской Аравии, израильской пустыни Негев, пустыни Синай и восточной пустыни Египта, и между 70-ми годами II века до н. э. и 106 годом н. э. даже обладали своей государственностью, они не оставили после себя каких-либо исторических трудов. Все сведения исторического характера о набатеях нам приходится черпать из греко-римской и еврейской историографии^{3[3]}.

^{3[3]} См.: S. G. Schmid. The Nabateans: Travellers between Lifestyles // B. MacDonald et al. The Archaeology of Jordan. Sheffield, 2001. P. 367–426; P. Freeman. Roman Jordan // B. MacDonald et al. The Archaeology of Jordan. Sheffield, 2001. P. 427–459.

Насчет происхождения набатеев в среде специалистов вот уже который десяток лет ведутся дебаты. Часть ученых считает, что они мигрировали в район Южного Заиордания либо из района Персидского залива, либо из южных районов Сирийской пустыни, в то время как другие специалисты утверждают, что их исконной территорией является юг Аравийского полуострова. Так или иначе, большинство исследователей полагают, что в процессе своей миграции они вытеснили на запад и частично ассимилировали коренное эдомитское население Южного Заиордания. Кроме эдомитов, набатеи, по всей видимости, поглотили и другие соседние племена, в частности моавитян. Древние историки и географы считали набатеев арабами, и большинство современных ученых согласны с этой точкой зрения, однако на основании набатейской эпиграфики нет никакого сомнения, что писали они на одном из диалектов арамейского языка, используя при этом разновидность арамейского алфавита, называемую исследователями «набатейским письмом»^{4[4]}.

«Аль-Хазне». Предполагается, что это гробница Ареты IV. 9 год до н. э. – 40 год н. э.

Формирование Nabateyского царства происходило во II веке до н. э., тогда же, когда в Иудее семья Хасмонеев сумела сплотить вокруг себя широкие массы еврейского населения и, после достижения политической независимости, возродила еврейскую монархию. Считается, что возникновение этих двух независимых царств надлежит рассматривать в контексте ослабления Селевкидской империи вследствие непрерывной борьбы за власть между различными претендентами на престол^{5[5]}.

^{4[4]} Основными первоисточниками по истории набатеев, кроме Иосифа Флавия, являются Диодор Сицилийский, Историческая Библиотека II, 48.1–2; II, 48.6; XIX, 94.2–6; XIX, 94.9–10, и Страбон Амасийский, География, XVI, 4.26.

^{5[5]} Наиболее полный обзор еврейско-набатейских взаимоотношений см.: A. Kasher. Jews, Idumaeans, and Ancient Arabs. Tu..bingen, 1990. Данное исследование необходимо использовать критически и с осторожностью.

Между политической и культурной историей евреев и набатеев существуют и другие параллели: так, в период правления набатейского царя Ареты III (85–62 годы до н. э.), Nabatea превратилась в вассальное царство Рима. Однако, в отличие от Иудеи, которая была превращена в римскую провинцию уже в 6 году н. э., Nabatea была окончательно поглощена Римом только в 106 году н. э. Периодом наивысшего политического, экономического и культурного расцвета Nabatean царства принято считать время правления Ареты IV (9 год до н. э. – 40 год н. э.), которое часто сравнивается с периодом политического и культурного зенита Иудеи во времена Ирода Великого, мать которого была набатейкой. Стоит отметить также раннюю аниконическую традицию репрезентации набатейских божеств, которая нередко сравнивается с израильской и которая, по всей видимости, имеет с ней общие семитские корни^{6[6]}.

Взаимоотношения набатеев с их соседями-евреями имели сложный и изменчивый характер. В I и II Маккавейских книгах неоднократно упоминается помощь, которую набатеи оказывали Йеуде Маккавею и его брату Йонатану^{7[7]}. Однако последующее усиление хасмонеи династии и ее экспансионистская политика не могли не привести к столкновению между евреями и набатеями.

Уже в начале правления Йоханана Гиркана (134–104 годы до н. э.) Хасмонеи государство включало в себя часть территорий Северного Заиордания, а в конце этого периода его владения простирались до реки Арнон на юге. В период правления Ареты II (около 100 года до н. э.) хасмонеи царь Александр Яннай (103–76 годы до н. э.) захватил важнейший город-порт Газу. Арета обещал защитить этот город от хасмонеи притязаний, но не сумел вовремя обеспечить военную помощь^{8[8]}. Яннай также овладел севером пустыни Негев и юго-восточным побережьем Мертвого моря. Между Яннаем и следующим набатейским монархом, Ободой I (около 93–85 годов до н. э.), велись непрерывные боевые действия, в ходе которых около 90 года до н. э. войска Яннай потерпели сокрушительное поражение, после чего ему пришлось уступить набатеям территории к востоку от Иордана^{9[9]}.

Хасмонеи-набатейские войны продолжались и в период Ареты III (около 85–62 годов до н. э.). В 82 году до н. э. он разбил Яннай в битве при Адиде, однако в ходе последовавшей за этим трехлетней кампании Яннай сумел вернуть все потерянные ранее территории^{10[10]}. К концу правления Яннай список городов, находившихся в руках евреев, включал Селевкию, Гамлу, Пеллу, Хешбон, Мадабу, Лембу, Хоронаим, Аглаин, Фону и Цоар – другими словами, все заиорданские территории, простиравшиеся от Голанских высот на севере и до юго-восточного края Мертвого моря, – южная часть которых прежде принадлежала набатеям^{11[11]}.

После смерти Яннай и его наследницы-вдовы Саломеи Александры (76–67 годы до н. э.) их сыновья Аристокл II и Гиркан II развязали междоусобную борьбу за власть. После победы Аристокла над Гирканом последний обратился к Арете за помощью по совету Антипатра Идумейского, отца будущего царя Иудеи Ирода Великого. У Антипатра были тесные связи с набатеями, о чем свидетельствует его женитьба на знатной набатейке по имени Кипра, матери Ирода. Арета поддержал Гиркана и выслал войска против

^{6[6]} См.: J. Patrich. *The Formation of Nabatean Art. Prohibition of Graven Images Among the Nabateans*. Leiden, 1990.

^{7[7]} I Макк. 5:24–28; 15:33; II Макк. 12:10–12.

^{8[8]} Иосиф Флавий. *Иудейские древности*. 13.13.3 (358–364).

^{9[9]} Там же. 13.13.5 (375–382).

^{10[10]} Там же. 13.15.3 (393–394).

^{11[11]} Там же. 13.15.4 (395–397).

Аристокбула, однако римское вмешательство предотвратило успех этой совместной иудейско-набатейской кампании. Аристокбул преследовал набатейскую армию и нанес ей поражение недалеко от Иерихона^{12[12]}. В 62 году, после захвата Сирии Помпеем, Nabateя превратилась в вассальное царство, подчиненное Риму.

Период правления Малиха I (61–30 годы до н. э.) совпал с периодом гражданских войн в Римской империи и с первой частью правления Ирода над Иудеей. Малих поддержал парфян, вторгшихся в Иудею в 40 году до н. э., и отказался принять в своих владениях Ирода, вынужденного бежать из Иерусалима. В 31 году до н. э. Ирод вторгся в Nabateю и наголову разбил армию Малиха близ Филадельфии (современный Амман). В период правления Ободы III (30–9 годы до н. э.) набатейские и еврейские воинские подразделения совместно участвовали в римской военной экспедиции на юг Аравийского полуострова (25 год до н. э.)^{13[13]}. Во главе набатейских солдат стоял министр Ободы по имени Силлай, который вначале поддерживал сердечные отношения с Иродом и даже просил руки его сестры Саломеи. Когда Ирод потребовал, чтобы для заключения брака тот обратился в иудаизм, Силлай отказался. После смерти Ободы Силлай попытался захватить власть над Nabateей, однако его планы потерпели крах благодаря усилиям советника Ирода Великого, Николая Дамасского. Силлай был обвинен в провале вышеупомянутой южно-аравийской кампании и казнен в Риме в 6 году до н. э.^{14[14]}

Годы правления Ареты IV (9 год до н. э. – 40 год н. э.) принято считать апогеем расцвета Nabateи. Именно тогда были созданы наиболее знаменитые архитектурные памятники Петры. Nabateйское царство достигло своих максимальных масштабов и на короткое время простиралось на севере до Дамаска. На этот период также приходится расцвет набатейских центров в Негеве – Собаты, Елусы, Нессаны, Мампсиса и Ободы и основание важного набатейского центра Хегры (Мадаин Салех) на северо-западе современной Саудовской Аравии.

В 67 году н. э. набатейский царь Малих II послал военную помощь Веспасиану в целях подавления Иудейского восстания. Если верить Иосифу Флавию, набатейские солдаты особенно отличились своими зверствами по отношению к еврейским перебежчикам в ходе осады Иерусалима^{15[15]}. В 106 году Nabateя была аннексирована Римом и превращена в римскую провинцию Аравию^{16[16]}.

Уникальные сведения о различных аспектах еврейско-набатейских отношений в I–II веках н. э. содержатся в личном архиве еврейской женщины по имени Бабата, дочь Шимона, найденном в одной из пещер Иудейской пустыни, где, по всей видимости, она укрывалась на последнем этапе восстания Бар-Кохбы. Бабата была родом из деревни Махоза, также известной под названием Махоз Аглатаин, в районе Цоара, на юго-восточном побережье Мертвого моря, на территории, принадлежавшей Nabateйскому царству.

Картина, вырисовывающаяся на основе анализа этих и других документов, принадлежавших евреям, проживавшим в Nabateе, свидетельствует о тесных добрососедских отношениях между двумя народами. Так, мы узнаём, что евреи и набатеи заключали сделки связанные с недвижимостью, набатеи обязывались быть опекунами

^{12[12]} Там же. 14.1.4–2.3 (14–33).

^{13[13]} Эта кампания описана Страбоном, см.: География, 16.4.22–24.

^{14[14]} Там же, 16.4.24; Иосиф Флавий. Иудейские древности. 16.10.9 (351–355).

^{15[15]} Иосиф Флавий. Иудейская война. 5.13.4 (550–552).

^{16[16]} См. Bowersock. Roman Arabia. Cambridge, Mass., 1983. P. 76–109.

еврейских детей, и неоднократно подписывались в качестве свидетелей в сделках своих еврейских соседей. Мы также узнаем о том, что евреи навещали и другие набатейские города – один из сохранившихся документов был подписан в Рабат-Моаве, а другой – в храме Афродиты в Петре.

По всей видимости, Бабате и другим евреям, проживавшим в провинции Аравии, пришлось бежать в Иудею после начала восстания Бар-Кохбы. Произошло ли это из-за обострения отношений с соседями-набатейцами или по причине римских гонений, нам неизвестно. Однако среди документов, относящихся к переписке Бар-Кохбы со своими полевыми командирами, по мнению ученых, есть по крайней мере один греческий папирус, написанный набатейцами, присоединившимися к еврейскому восстанию^{17[17]}.

Остальные свидетельства о еврейском присутствии на территории Nabatei можно разделить на три основные группы: эпиграфика, книги Нового Завета и раввинистическая литература. Из первой мы узнаём о евреях, проживавших в I веке н. э. в оазисе Хегра, на северо-востоке современной Саудовской Аравии, являвшимся в те времена одним из важнейших набатейских центров^{18[18]}. На фасаде одной из монументальных гробниц сохранилась надпись на набатейском, свидетельствующая о том, что гробница принадлежала еврею по имени Шубайту и его семье: «Сию гробницу сделал Шубайту, сын Алиу, еврей, для себя, своих детей и своей жены Амират, чтобы они были похоронены в ней по наследственному праву. И никакой посторонний человек не имеет права быть похороненным в ней... В первый день месяца ава, в третий год царства царя Малиха, царя набатеев, Абдовдат сын Вахбаллахи, скульптор, сделал»^{19[19]}. Последнее предложение позволяет нам датировать сооружение этой гробницы 42/43 годом н. э. Другая еврейская надпись на набатейском, также датируемая I веком н. э., была обнаружена на солнечных часах, найденных в Хегра: «Принадлежит Менаше бар-Натану. Шалом»^{20[20]}.

^{17[17]} См.: H. M. Cotton. Greek Letters // Y. Yadin et al. The Documents from the Bar Kokhba Period in the Cave of Letters. Hebrew, Aramaic and Nabatean-Aramaic Papyri. Jerusalem, 2002. P. 351–362.

^{18[18]} О Хегра см.: J. F. Healey. The Nabatean Tomb Inscriptions of Mada'in Salih. JSS Supplement 1. Oxford, 1993. P. 1–63.

^{19[19]} Перевод мой. – М. Т. См.: A. Jaussen, R. Savignac. Mission archéologique en Arabie. Vol. I. Paris, 1909. P. 448–151 (№ 4 [A 8])

^{20[20]} J. F. Healey. A Nabatean Sundial from Mada'in Salih // Syria: Revue d'art oriental et d'archéologie LXVI. Paris, 1989. P. 331–336.

Ущелье Хевер, в одной из пещер которого был найден архив Бабаты.

Из надписей, найденных в 8-й катакомбе галилейского некрополя Бейт-Шеарим, и относящихся к более позднему периоду (III–IV века), мы узнаем, что некоторые из погребенных происходили из «Асии», т. е. из Ецион Гевера, на месте современного Эйлата, в то время как другие носили очевидно набатейское имя Арета^{21[21]}.

О наиболее выдающейся личности еврейского происхождения, проведеншей несколько лет своей жизни в Nabateйском царстве, мы узнаем из Нового Завета – в Послании к Галатам апостол Павел сообщает автобиографические сведения следующего содержания: «Когда же Б-г, избравший меня от утробы матери моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, – я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне Апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск» (1:15–17). То, что Павел связывает свой визит в Аравию, т. е. Nabateю, со своей миссией среди язычников, не случайно. Логично предположить, что, как и другие еврейские авторы I века, он идентифицировал современных ему арабов-набатеев с сынами Ишмаэля, сына Авраама и брата Ицхака, – другими словами, с язычниками, наиболее близкими к евреям по крови.

В другом отрывке из Нового Завета упоминаются евреи из Аравии, совершавшие паломничество в Иерусалим на праздник Шавуот. (Деяния, 2:5–11.)

В раввинистической литературе мы обнаруживаем дополнительные свидетельства о евреях и прозелитах в Nabatee-Аравии. Так, в Мишне, трактат Шаббат, в контексте обсуждения того, как дозволено женщинам появляться на людях в субботу, сообщается следующее: «Жительницы Аравии выходят закутанные, а жительницы Мидии – застегнутые» (6:6). Кроме этого, в трактате Гитин мудрецы сообщают, что «Принесший

^{21[21]} M. Schwabe, B. Lifshitz. Beth She'arim. Volume Two: The Greek Inscriptions. Jerusalem, 1967. P. 42–43.

разводное письмо (гет) из заморской страны должен сказать: «Оно было написано в моем присутствии и запечатано в моем присутствии»». Раббан Гамлиэль говорит: «Даже тот, который приносит из Рекема и из Хегера» (1:1). В продолжении дискуссии рабби Йеуда высказывает свое мнение о границах Земли Израиля: «От Рекема к востоку, и Рекем – как восток, к югу от Ашкелона, и Ашкелон – как юг, к северу от Акко, и Акко – как север» (1:2). В трактате Нида, 7:3, сохранилась следующая традиция: «Все кровавые пятна (на одежде), которые из Рекема – чисты; а рабби Йеуда считает их нечистыми, потому что они (жители Рекема. – М. Т.) прозелиты и ошибаются». Другими словами, перед нами две таннаитские традиции, свидетельствующие о том, что в Рекеме, находящемся к востоку от Эрец-Израэль, проживали евреи и прозелиты. Исследователи считают, что в раввинистической литературе упоминаются несколько населенных пунктов под названием Рекем^{22[22]}. Однако большинство из них полагают, что в приведенных выше отрывках разговор идет о наиболее знаменитом из них, известном также под греческим названием Петра^{23[23]}.

Вернемся теперь к самому началу нашего экскурса, к традиции, идентифицирующей Джабаль Харун близ Петры с горой Хор, на которой был похоронен Аарон. В поисках отголосков этой традиции в других древнееврейских источниках мы обнаружили, что некоторые из таргумов (арамейских переводов Писания) переводят топонимы «Кадеш» и «Кадеш Барнеа», упоминаемые в книге Бемидбар перед описанием смерти Аарона, как «Рекем» и «Рекем де-Гайа»^{24[24]}. Это, по существу, та же самая традиция, с которой мы столкнулись в «Иудейских древностях» Флавия!

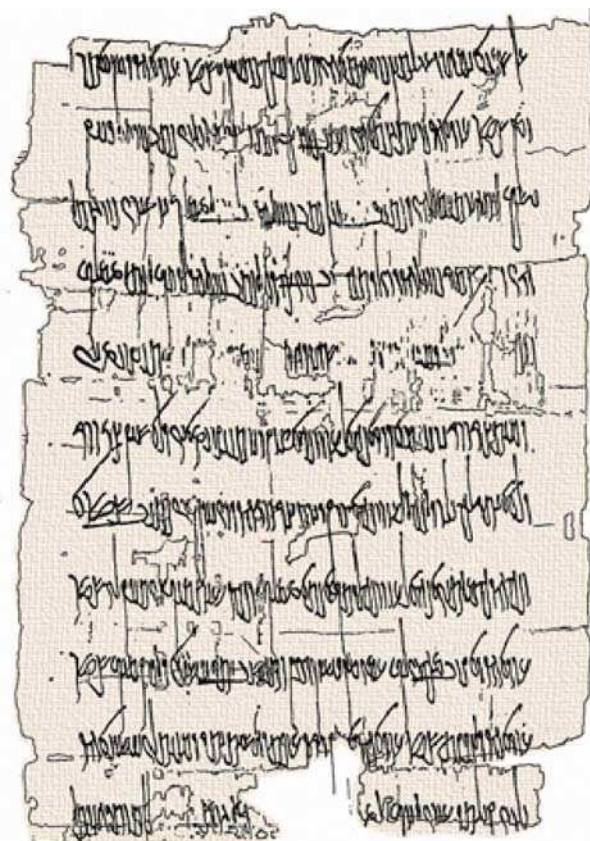
Интересно отметить, что в соответствии с еще одной любопытной традицией, упоминаемой Флавием, в Северо-Западной Аравии, на набатейской территории, находится и гора Синай^{25[25]}. Так же, по всей видимости, считал и апостол Павел, который, в отличие от Иосифа, и сам провел какое-то время в Аравии, как уже было упомянуто выше. В Послании к Галатам, 4:21–26, Павел приводит следующую аллегорическую историю: «Скажите мне вы, желающие быть под законом: разве вы не слушаете закона? Ибо написано: Авраам имел двух сынов, одного от рабы, а другого от свободной. Но который от рабы, тот рожден по плоти; а который от свободной, тот по обетованию. В этом есть аллегория. Это два завета: один от горы Синай, рождающий в рабство, который есть Агарь, ибо Агарь означает гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму, потому что он с детьми своими в рабстве; а вышний Иерусалим свободен: он – мать всем нам».

^{22[22]} См.: M. Jastrow. Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature. London, 1886–1903. P. 1497.

^{23[23]} См.: M. Bar-Ilan. The Raison d'Être for the delineation of the Borders of Eretz-israel in Tannaitic Sources // Teuda VII Studies in Judaica. Tel-Aviv, 1991. P. 95–110.

^{24[24]} См.: Таргум Йонатан на Бемидбар, 33:36–38.

^{25[25]} Иудейские древности. 2. 12.1 (264).

Найденный в Иудейской пустыне папирус (так называемый «Папирус Старки»), документирующий сделку между евреями и набатеями. 59–69 годы н. э.

И в отрывках из Мишны, и в таргумических традициях наряду с Рекемом-Петрой часто фигурирует еще одно место: Хегер или Хагра. Так, в Таргуме Йонатана и в Таргуме Онкелос на Берешит, 20:1, говорится: «И двинулся Авраам оттуда в южную землю и сидел между Рекемом и Хагрой». В оригинале же сказано «между Кадешем и Шуром». О том, где именно находился этот Хегер или Хагра, с достоверностью установить, пожалуй, невозможно. Некоторые ученые даже считают, что это не название города или места, а скорее района, пограничного с пустыней. Тем не менее вполне возможно, что по крайней мере часть евреев идентифицировала Хегер-Хагру с Хегрой, набатейским центром на северо-западе Аравийского полуострова, о котором было сказано выше.

Уже несколько десятков лет назад некоторые исследователи выдвинули гипотезу, в соответствии с которой апостол Павел использовал в своей приведенной выше аллегории еврейскую традицию, которая одновременно помещала гору Синай на северо-западе Аравийского полуострова, а также привязывала название оазиса Хегры к имени наложницы Авраама Агари, от которой родился Ишмаэль, и впоследствии произошли все арабы^{26[26]}. Если эта гипотеза верна, то можно предположить, что Павел услышал эту традицию от евреев Аравии, с которыми он познакомился во время своего визита в Nabatean kingdom.

Мы привели лишь несколько свидетельств о еврейском присутствии на территории Nabatean kingdom и провинции Аравии. Есть и другие свидетельства, ожидающие детального анализа – свидетельства, до сих пор почему-то оставленные

^{26[26]} См.: M. Hengel and M. Schwemer. Paul Between Damascus and Antioch. London, 1997. P. 113–120.

учеными без внимания. Остается надеяться, что вдобавок к литературным источникам развитие археологии в Королевстве Иордания, а также в Саудовской Аравии поднимет на поверхность новые свидетельства еврейских общин, существовавших на их территориях на заре новой эры.

ОСТРЫЙ ПЕРЕТЦ

עֵאָא אַאָאִי עֵעִיָא

Один мемуарист начала XIX века воссоздает в своих «Записках...» характерный диалог: «– А кто ж такой Перетц?» – «Перетц – богатый еврей, у которого огромные дела по разным откупам и подрядам и особенно по перевозке и поставке соли в казенные магазины». – «Ну... это должен быть именно тот, о котором говорят: где соль, тут и перец»^[1]. О русско-еврейском общественном деятеле, крупном банкире и откупщике Абраме Израилевиче Перетце (1771–1833) и пойдет здесь речь. Обыгрывая его фамилию с помощью омонима «перец», наш мемуарист разумел его природную «остроту», что на языке того времени означало: «способность душевная скоро понимать что, проникать во что... острога разума, понятия»^[2].

А. Перетц.

И действительно, Абрам Перетц изострил свой разум еще сызмальства – за изучением Торы и Талмуда. К этому его приобщил отец – раввин городка Любартова, что в Люблинской губернии, где и родился наш герой. Он получил традиционное еврейское образование сначала дома, а потом в ешиве; овладел светскими науками; свободно изъяснялся на немецком и русском языках. Но наиболее глубокое влияние на отрока оказал выдающийся талмудист, тесно связанный с кругом идей Хаскалы (еврейского Просвещения), главный раввин Берлина Гирш Лебель (1721–1800), приходившийся Абраму родным дядей. В берлинский дом последнего Перетц частенько наезжал, а потому был лично знаком со многими германскими маскилим. Подобно другим приверженцам Хаскалы, Перетц был против культурной обособленности еврейства и видел в усвоении европейского образования залог улучшения положения своих соплеменников.

В Берлине Перетц сблизился со своим просвещенным соотечественником – Йеошуа Цейтлиным (1742–1821), и этому знакомству суждено было сыграть огромную роль в судьбе юноши. Уроженец города Шклова, ученый-гебраист и тонкий толкователь Талмуда, Цейтлин был одновременно крупным купцом и управляющим светлейшего князя Г.А. Потемкина, с которым часто вел талмудические дискуссии. Друг светлейшего, он по воле своего покровителя получил титул надворного советника и имение Устье в Могилевской губернии с 910-ю крепостными душами! В этом имении Цейтлин, как подлинный еврейский меценат, создал свой «бейт а-мидраш», который посещали талмудисты, пользуясь собранной хозяином уникальной библиотекой. Поддержку «еврейского помещика» получали и маскилим, среди них – известный писатель и педагог Менахем-Мендл Лефин, знаток ивритской грамматики Нафтали-Герц Шульман, раввин, астроном и популяризатор науки р. Борух Шик.

Цейтлин часто ездил в Берлин, и есть свидетельства, что он неоднократно навещал одного из основоположников движения Хаскала – философа Мозеса Мендельсона. Следует, однако, оговориться, что при всей близости взглядов немецких и русских маскилим между ними существовали и серьезные идеологические различия. Первое поколение еврейских просветителей в России (и прежде всего, шкловские маскилим) по-прежнему находились под значительным влиянием раввинистической культуры, ярчайшим выразителем которой был тогда знаменитый Виленский гаон р. Элияу бен Шломо (1720–1797). По существу, многие из них объединяли в своем мировоззрении идеалы европейского Просвещения и еврейской интеллектуальной традиции.

С самого начала своего знакомства с Перетцем Цейтлин испытал к нему особое душевное расположение, не покидавшее его потом до конца жизни. Быть может, по складу личности Абрам чем-то напомнил Цейтлину его самого в молодые годы: способности подающего надежды талмудиста сочетались в нем с деловой хваткой коммерсанта! И нет ничего удивительного, что Йошуа решает породниться с Абрамом: он отдает ему в жены свою дочь, красавицу Сару, которую за миниатюрность и малый рост прозвали Фейгеле (Птичка). В шестнадцать лет Перетц становится уже не только женатым человеком, но и правой рукой своего именитого тестя, с которым переезжает на жительство в Шклов. Однако даже рождение сына Гирша и дочери Цирил не сделало этот брак счастливым. Когда в конце XVIII века Абрам отправился в Петербург, где представлял торгово-финансовые интересы тестя, жена за ним не последовала. При ней остались и дети, и только в 1803 году, после бар-мицвы, Гиршу было разрешено переехать к отцу^[3].

Перетц обосновывается в Петербурге в конце 1790-х годов и сразу входит в немногочисленную еврейскую общину, проживающую в столице вопреки законодательному запрещению, но с высочайшего ведома. Дела Абрама в Северной Пальмире пошли очень успешно: помогли старые связи с князем Г.А. Потемкиным и, конечно, острый ум и оборотистость. Он вскоре сделался известен как богатый откупщик и подрядчик по кораблестроению и даже много лет спустя был «долго памятен столице по своим достоинствам и по своим огромным делам»^[4]. Перетц в товариществе с херсонским купцом Николаем Штиглицем заключил контракт с правительством на откуп крымской соли. Контракт сей обсуждался в Сенате и был собственноручно утвержден государем. Тогда же Павел I пожаловал ему титул коммерции советника^[5].

Со временем окрепли связи Перетца с элитой высшего общества столицы. Особенно дружен он был с фаворитом Павла I графом И.П. Кутайсовым, а также с видными государственными мужами Е.Ф. Канкриным и М.М. Сперанским. Последний даже некоторое время жил в его доме на углу Невского и Большой Морской (ныне здание кинотеатра «Баррикада»). Говорят, что Перетц вел «открытый дом», принимая у себя и потчuya «весь город», без различия чина, рода и племени^[6].

Бытует мнение, что, перебравшись в Петербург, Перетц оторвался от еврейских корней^[7]. Факты, однако, позволяют поколебать это утверждение, ибо установлено, что Абрам тесно общался здесь с выдающимися представителями Хаскалы: Менахемом-Мендлом Лефиным и видным коммерсантом и общественным деятелем из Кенигсберга, учеником Мендельсона Давидом Фридендером^[8].

Г.А. Потемкин.

Примечателен один эпизод, истолкованный историком Ю.И. Гессеном не в пользу Перетца, хотя на самом деле он свидетельствует как раз о заботе последнего о своих несчастных единоверцах. Известно, что Шклов принадлежал тогда бывшему фавориту императрицы Екатерины II графу С.Г. Зоричу, разорявшему и притеснявшему местных евреев. Те долго сносили оскорбления и побои (доходило и до этого!) графа-самодура, и только в 1798 году, когда их соплеменник Абрам Перетц стал дружен с всесильным фаворитом царя И.П. Кутайсовым, выступили с обвинениями против своего притеснителя. Трудно согласиться с Гессеном, что только «дела денежные сблизили Перетца с царским любимцем Кутайсовым», что «Перетц пользовался знакомством с влиятельными сановниками лишь в видах собственной выгоды», а о делах своего народа и не помышлял^[9]. По всей видимости, не Перетц, а Кутайсов, который «употреблял всякие уловки и интриги, чтобы приобрести Шклов у Зорича»^[10], воспользовался жалобой на графа в своих корыстных целях. Абрам же, выступивший в роли штадлана (еврейского ходатая), желал любым путем облегчить участь своих соплеменников, а потому и прибегнул к помощи сановного мздоимца.

Есть свидетельства, что Перетц размышлял о судьбах своего народа в исторической перспективе. Сохранились воспоминания литератора Ф.Н. Глинки о его беседах с сыном нашего героя, Григорием Перетцем, где тот поведал о сокровенных мыслях отца. «В одно утро, – рассказывает Глинка, – он [Григорий Перетц] очень много напевал о необходимости общества к высвобождению евреев, рассеянных по России и даже Европе, и поселению их в Крыму или даже на Востоке в виде отдельного народа; он говорил, что, кажется, отец его... имел мысль о собрании евреев; но что для сего нужно собрание капиталистов и содействие ученых людей и проч. Тут распелся он о том, как евреев собирать, с какими триумфами их вести и проч. и проч. Мне помнится, что на все сие говорение я сказал: “Да, видно, вы хотите придвинуть преставление света? Говорят, что в Писании сказано (тогда я почти не знал еще Писания), что когда жиды выйдут на свободу, то свет кончится”»^[11]. Что ж, действительно, в Священную книгу Глинка не заглядывал! Зато искушенный в изучении Торы Абрам Перетц твердо знал радовавшие его сердце пророчества: «...возвратит Г-сподь, Б-г твой, изгнанников твоих, и смилуется над тобою, и снова соберет тебя из всех народов... И приведет тебя Г-сподь, Б-г твой, в землю, которой владели отцы твои, и станешь ты владеть ею...» (Дварим, 30: 3, 5).

Нелишне отметить, что мысль о создании еврейского государства была навеяна Абраму все тем же Йеошуа Цейтлиным. Последний ранее внушил ее Г.А. Потемкину, который даже разработал проект: после победы в войне над турками собрать всех иудеев вместе и поселить на территории освобожденной Палестины. И это были не только слова – светлейший князь для воплощения в жизнь сего дерзкого плана начал формирование

состоявшего из одних евреев Израилевского конного полка и даже выделил для его обучения специального офицера^[12]. И хотя проект этот остался нереализованным, он, по-видимому, продолжал будоражить просвещенные еврейские умы.

Но в своем отношении к евреям Перетц был избирателен: как истый миснагед, он резко отрицательно относился к хасидизму и его лидерам, считая, что те завоевывали свой авторитет только благодаря невежеству и суеверию массы. Как зять талмудиста и ревнителя знаний Йеошуа Цейтлина и как светски образованный человек, он не мог не питать неприязни к религиозному движению, которое не придавало учености первостепенного значения^[13].

Когда в 1802 году, уже при Александре I, для составления законодательства о евреях был создан Еврейский комитет, Абрам Перетц был одним из немногих евреев, приглашенных участвовать в его заседаниях. Вместе с ним в качестве еврейских экспертов в работе Комитета участвовали известный откупщик Нота Ноткин и литератор Йеуда-Лейб Невахович (1776–1831). Однако, если Ноткин подавал проекты об улучшении положения единоверцев, а Невахович выступал в печати против распространения в русском обществе антиеврейских предрассудков, то роль Перетца как защитника прав евреев была не столь заметна. Как это ни странно, но о трудах Абрама на благо еврейства лучше всего рассказывают его враги. «Сперанский, – пишет сенатор-юдофоб Г.Р. Державин, – совсем был предан жидам, чрез известного откупщика Перетца, которого он открытым образом считался приятелем и жил в его доме»^[14]. Да, именно М.Н. Сперанский был в Комитете одним из деятельных сторонников гуманного отношения к евреям. По его мнению, иудеи нуждались не в наказаниях и ограничениях, а, напротив, в том, чтобы им давали больше прав и возможностей, дабы, получая образование и доступ к промышленности и торговле, они могли бы применять свои способности к пользе Отечества и отвыкать от паразитического и непроизводительного труда. «Как можно меньше запретов и как можно больше свободы!» – так сформулировал Сперанский политику империи по отношению к евреям. И Перетца по праву называли «еврейским помощником Сперанского» в этом деле. Между тем отношения их часто изображались и изображаются превратно. Так, совсем недавно протоиерей Лев Лебедев заявил: «Очень богатый еврей Перетц дал крупную взятку Сперанскому, и, приняв ее, сей государственный муж сообщил делу такой оборот»^[15]. Беспочвенность подобного утверждения показал еще в XIX веке весьма осведомленный барон М.А. Корф, который отметил: «Сперанский действительно состоял в близких отношениях к Перетцу... но, несмотря на все наши старания, мы не могли найти ничего достоверного ни о происхождении этих отношений, ни об их значении... Всего вероятнее, что наш государственный человек поддерживал эту связь потому более, что в огромных финансовых знаниях Перетца он почерпнул те практические сведения, которых, и по воспитанию, и по кругу своей деятельности, не мог сам иметь. Впрочем, связь с Перетцем... славившимся своим коммерческим умом, ни для кого не могла быть зазорною»^[16].

В этой связи находит свое объяснение факт, из которого Ю.И. Гессен вывел умозаключение о незначительном участии Перетца в деле эмансипации евреев. Ученый обратил внимание на два посвящения, предпосланные книге Неваховича «Кол Шават бат Иеуда» («Вопль дочери иудейской»; Шклов, 1804): одно было адресовано «защитнику своего народа» Ноткину, другое – «коммерции советнику» Перетцу. Отсюда следовал вывод, что Ноткин занимался исключительно делами еврейскими, в то время как Перетц сосредоточился на собственных финансах и торговле^[17]. Но ведь можно предположить и иное: наиболее яркой чертой личности Перетца был именно его финансовый гений, что и

отразилось в тексте посвящения. И, понятно, это вовсе не исключало его доброй заботы о своем народе, иначе стоило ли вообще посвящать ему книгу?

Подобно тому как Йеошуа Цейтлин заслужил полное доверие Потемкина, так и Перетц, следуя примеру тестя, завязывает дружеские отношения с виднейшим реформатором начала XIX века Сперанским, который, как и «великолепный князь Тавриды», отличался симпатией к евреям. Те несколько лет, которые он провел в постоянном контакте со своим еврейским другом, генерировали не одну, а целый поток идей. В их числе и финансовая реформа 1810–1812 годов, которая, как считалось, во многом обязана своим успехом «наставлениям банкира Перетца» (он разработал основной ее план)^[18].

Во время Отечественной войны 1812 года Перетц вложил все свое состояние в организацию продовольственного снабжения русской армии; однако казна задерживала платежи, и он вынужден был объявить себя банкротом. Имущество его было распродано за полтора миллиона рублей, хотя его претензии к казне, так и не рассмотренные, составляли четыре миллиона^[19].

В 1813 году Перетц принимает лютеранство. Причиной этого драматического шага называют прежде всего его разочарование в вышедшем из-под пера Еврейского комитета «Положении о евреях» (1804), где в результате возобладал не проект Сперанского, а все те же принудительные и ограничительные меры, за кои ратовали другие сановники. Это окончательно подорвало веру Перетца в возможность эмансипации российских евреев^[20]. Возможно, впрочем, что Абрам Израилевич крестился, чтобы вступить в брак по сильной любви с девицей-христианкой Каролиной де Ломбор (1790–1853) (первая жена Сара к тому времени умерла). Во всяком случае, женитьба на де Ломбор состоялась сразу же после его крещения (от этого брака он имел потом четырех сыновей и пять дочерей).

Как же воспринимали окружающие обращение нашего героя в христианство? Вот что рассказывает в связи с этим литератор Н.И. Греч об отношениях нашего героя с неким П.Х. Безаком: «...Богатый откупщик Перетц, жид, но человек добрый и истинно благородный, зная ум, способности и опытность Безака, предложил ему место помощника по конторе, с жалованьем по 20 тысяч в год, и, сверх того, подарил ему каменный дом. Безак решился принять эту должность, поправил свое состояние и испортил всю карьеру званием жидовского приказчика. Подумаешь, как несправедливы суждения света! Что тут дурного и предосудительного? Но это не принято, и дело кончено»^[21]. Парадоксально, что «жидовским приказчиком» Безака стали аттестовать в 1815 году, то есть тогда, когда Перетц уже обрядился в христианские одежды и формально «жидом» уже не был.

А что сами евреи? Сохранилось такое заявление хасидов, не простивших Перетцу его враждебности к хасидскому движению: «А что касается доносчика Перетца, да будет проклято его имя, то его низость стала всем известна, когда он, к стыду и позору миснагедов, переменил религию»^[22]. Знаменательно также, что в большинстве дошедших до нас экземпляров уже упомянутой нами книги Неваховича посвящение Перетцу оказалось странным образом вырезано. Это, по-видимому, также косвенно свидетельствует об отношении евреев к его отступничеству.

И только Йеошуа Цейтлин не порывал связь со своим бывшим зятем даже после его крещения и второй женитьбы. Он не только упомянул Абрама в своем завещании, но и признал за ним право приобретения своего имени Устье^[23]. Как видно, глубокая духовная связь между ними выдержала все испытания временем.

О последних годах жизни Перетца сведений нет. Известно, что он нищенствовал. В письме, написанном на иврите в 1822 году своему родственнику Соломону Цейтлину, Абрам жаловался: «Мои дела в ужасном состоянии, и я ни на кого не могу положиться, кроме нашего небесного Отца, который дает пропитание каждому и всем нам. Надеюсь, что Он не оставит меня на посмеяние моим врагам»^[24]. Последнее упоминание о нем содержится в завещании Л. Неваховича 1830 года, где тот назначил Перетца своим душеприказчиком^[25]. Абрам Израилевич Перетц умер в Петербурге не ранее 1833 года.

Дом А. Перетца в Петербурге.

Расскажем о некоторых его потомках. Старший сын Григорий (1790–1755; Гирш) – участник декабристского движения. Получил воспитание в цейтлинском имении – в Устье. С 1803 года жил у отца в Петербурге. В 1809 году поступил на государственную службу в чине титулярного советника, а в 1820 году был принят в тайную организацию, примыкавшую к Союзу благоденствия. По его предложению паролем организации стало слово «херут» (на иврите – «свобода»). Несмотря на то что Григорий в 1822 году отошел от общества, после подавления восстания декабристов он был осужден на пожизненную ссылку и лишь в конце 1840-х годов получил разрешение поселиться в Одессе. Другой сын Перетца, Александр (1812– 1872), горный инженер, сыграл видную роль в промышленном развитии Урала, был в 1861–1866 годах начальником Корпуса горных инженеров. Младший сын, Егор (1833–1899), стал статс-секретарем Государственного совета (с 1872 года), в 1878–1883 годах – Государственным секретарем, затем членом Государственного совета. Представитель либеральной бюрократии и сторонник реформ, он в своих мемуарах (изданных уже в советское время) коснулся и дискуссий в Государственном совете по еврейскому вопросу. Известен и правнук Перетца Владимир Николаевич (1870–1935) – литературовед, академик Российской АН (с 1914 года), член Украинской АН (с 1919 года). Среди его многочисленных трудов имеются исследования о «жидовствующих» и о влиянии средневековой еврейской литературы на русскую. Ученицей и женой последнего являлась замечательный исследователь древнерусской литературы, доктор филологии Варвара Павловна Андрианова-Перетц (1888–1972)^[26].

Ныне имя Абрама Перетца в исторической литературе упоминается редко и почти забыто. Но подлинное долголетие оно обрело в уже известном нам каламбуре «Где соль, тут и Перетц», властно ворвавшимся в городской фольклор Петербурга^[27].

^[1] Жихарев С.П. Записки современника. Ч. II: Дневник чиновника. Л., 1989. С. 275.

^[2] Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. IV. СПб., 1822. С. 447.

^[3] Fishman D. Russia's First Modern Jews. The Jews of Shklov. New York; London, 1995. P. 93.

^[4] Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб., 1861. С. 102.

^[5] Еврейская энциклопедия. Т. XII. СПб., 1991. С. 394.

^[6] Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 102.

^[7] Klier J. Russia Gathers Her Jews: The Origins of the «Jewish Question» in Russia, 1772–1825. Illinois, 1986. P. 125–127 и др.

^[8] Зорин А.Л., Рогов К.Ю., Рейтблат А.И. Невахович // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М., 1999. С. 244–245.

^[9] Гессен Ю.И. Евреи в России: Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. С. 86.

^[10] Знаменитые россияне XVIII–XIX веков: Биографии и портреты. СПб., 1996. С. 360.

^[11] Перетц В.Н., Перетц Л.Н. Декабрист Григорий Абрамович Перетц: Биографический очерк. Документы. Л., 1926. С. 26.

^[12] Себаг-Монтефиоре С. Потемкин. М., 2003. С. 384–385.

^[13] Интересную хасидскую традицию, живописующую враждебное отношение Перетца к одному из ведущих хасидских лидеров своего времени, основателю движения Хабад р. Шнеуру-Залману из Ляд, приводит Гессен (Гессен Ю. Евреи в России. С. 162–163).

^[14] Державин Г.Р. Записки 1743–1812. М., 2000. С. 251.

^[15] Лебедев Л. Великороссия: Жизненный путь. www.rusorthodox.com/books/lebedev/chapters/...

^[16] Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 102.

^[17] Гессен Ю.И. Евреи в России. С. 86.

^[18] Краткая еврейская энциклопедия. Т. 6. Иерусалим. Кол. 395–396.

^[19] Там же.

^[20] Топоров В.Н. На рубеже двух эпох: К новой русско-еврейской встрече (Л. Невахович и его окружение) // Славяне и их соседи. Вып. 5. М., 1994. С. 206.

^[21] Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 68.

^[22] Гессен Ю.И. Евреи в России. С. 163.

^[23] Fishman D. Russia's First Modern Jews. P. 166.

^[24] Ibid. P. 126.

^[25] Зорин А.Л., Рогов К.Ю., Рейтблат А.И. Невахович. С. 245.

^[26] Топоров В.Н. С. 208–209.

^[27] Синдаловский Н. Санкт-Петербург. Действующие лица: Биографический словарь. СПб., 2002. С. 199.

СИОНИСТСКАЯ ПАЛЬМА АБРАМА ИДЕЛЬСОНА

Í äëë Ì ìððí íää

В 1903 году в первом номере петербургского литературно-художественного журнала «Еврейская семейная библиотека», среди произведений известных авторов – С.М. Абрамовича (Менделе Мойхер-Сфорима), М. Рывкина, С. Ярошевского, М. Бердичевского и других – было напечатано стихотворение, подписанное именем «А. Давидсон»^[1].

Пальма

Áðíçíé îò îðääí í úé èëñò íé,

В âíðíí â ñíð ðà: í ùð ñò áí äõ...

Лермонтов

Ñí ðääâ âí éí óáò ñý ì îðâ ááçáðáæ í íá

Ñëääâ – ñääý ñëääâ...

Òéðí, í óñò úí í í... È çääñí ò í âíñéâý

Í äëñ à éíääâ ò í ðíñâ

Â íñí ù ðíéíáí óð, â ííéí í: ù äëóáí éóð

Ì èð áúé íáýò áíá òñí íé, –

Í äëñ ù äëéí ñò ááí í íé ñú ý ì íñó: áá

Áðíçáí í Á-æñé ðéíé.

Óò ðíí íää íáé æá í èâí áí ù

Á-æñò ááí í úé

Í áðáíí éó: ì ñ çàèääë, –

Í áðáíá îò çáóéè í áí úý í ááñí í á

Çääñí ÷ äéí ááé óñé ù ðáë.

Í àëüü à ðíñèà, òííáí íäý í àðáíþ

× èñò íé í áááíí íé ðíñé, -

È áàéáéí-áàéáéí í íðáñééí óéáíí

Òàí í í-í àòðíáíé äéááíé.

Ñò àðüá ááò áè ñ áíýéèñý í íáüí è;

Ááñéí áíáü ò áééè.

Èèñòüý è ááò éè, çáéáí ú è í íéíáü, -

Áá-í íé éðáñíþ óááéè.

* * *

Ááðóáí áááñà í í÷:áðí áéè, í áóí óðééèñí

Óó:è í íáèñéè éðáñí.

Ì íéíéý áñí ú òí óéà éðáñí íþ èéí éáé,

Áðýí óé ðáñéàò èñò ú é áñí.

Ì íðá áñééí áéí - è ÷:áðí úí è áñáíýí è

Ñò áéí çéíááüá òí áéòü..

Áóðý í ðéí ÷:áéáñí- è í àëüü ó ááðóéí íþ

Í á:áéà á çáí éþ ééí íéòü..

Áíò óðááí í íáí èí ááòñý ñ çáí ááà..

Ñ ðóí íí íí èèñòüý ñ ðááé -

È áàéáéí í à ðáçéè:í ú á ñò í ðí í ú

Èó í í çáí éá ðáçí áò áé..

* * *

Ī āēāííí, í āēāííí āēíāó ñò āđđđ

Ī íāíyēà íāēū à ííyòú

Ñòāēà āēđđāíçèđàòūȳ, - íí íđíøēíā

Áúēí áú ò ùāòíí ēēāòū..

Ī ōñòí ēđđāí, íē ēēñòí:ēā āēííā

Ā ÷āđí úō ēíñ àò úō āāòāȳō..

Ñó:ūȳ íāēíí àí ú, āāò ēē íāēíāāí ú...

Ñíēē çāñōēē á ēíđíȳō..

Ī àò ōēā òāí ē āññòíē ē òāēí ñò āāí í íē,

×āđí íē, ēāē òāí í úē øāòāđ, -

Ī òāøēē āññēúā ñēđēēíí ōí ÷āēēñȳ, -

Ñí íēē ēō Ā-æāññò āāí í úē ōíđ..

Ōāí, íā āđđāō, çā í íđȳí ē āāēāēēí ē,

Æāēòúā ēēñòūȳ ā ēđò, -

Āāȳò ē òíí:óò ēō çāđē āēíāí úā

Ī òēōú ēāñ úā ēēđđò...

Āāòāđ ēō āíēò āāēāēēā ñò íđíí ú

Ñòāēāò ēō á đāçí úō í āññāō:

Āēāí óò ē āȳí óò á āíēí òāò āāçæēçí āí í úō,

Ā ñāāđí úō ōēāāí úō ñí āññō...

Ōùāòíí ēō í āíēò āāđøēííē í íāēāēøāđ

Í àëüü à èç ÷ óëáíé çáì èè:

Áàèüö á áñá ãí èò èõ áàò áð

í îðáí èñò úé,

Áí èüö á èõ ãéáí àò áááéé!..

* * *

Ñáááðí úé áàò áð òí èíáí úé óñ èèèüü, -

Èèñòüü ííüòúí ííáñéí...

Ñ çéíáíð ñò áðíð, ñ ñèéíð í íáíð

Áááèò è ò íí ÷ àò èõ çéí...

Í í í á ò óüá óëá ãí èò èõ áàò ðáì è,

Áóðáð ÷ áðí í é è çéí é:

Ñ óëááí íá ñíáíðá, ñ áàèüü áá çáì ááá

Í íñüòüü èèñòüü áíí í é.

Í îðáí í ðéáééí èõ é ááðááò í èéíí ó

Ñí íáá é çááúòúí éíðíüí,

Ááñééí ì áóáò ááðóéííð í íáíüòí é

Í àëüü à ðíáèì úí ñííáì ...

Í áðáíá èèñòüü ññ èááðò - è ñí ÷ í úá

Èíðí é í èò áðò ñáí é, -

Á í á ááðóéíá í ðéááò èéáí, ðááí ñò í í

Áúóáé í íáááí í éíáí é!..

Это стихотворение трудно отнести к художественным достижениям – ни по меркам русской, ни в масштабе еврейской литературы. Однако хорошо известно, что поэты и писатели второго и третьего рядов более репрезентативны для понимания

литературного процесса, чем гении. В нашем случае автор вообще не был профессиональным поэтом. Под именем А. Давидсона скрывался сионистский лидер, теоретик и публицист Абрам Давидович Идельсон (1865–1921). Насколько нам известно, «Пальма» – это единственное опубликованное его стихотворение, поэтому особенно интересно проследить обстоятельства его создания и публикации.

1.

Жизненный путь Абрама Идельсона – это история цельного и сильного человека. Талантливый мальчик, еще до наступления бар мицвы оставивший дом ради паломничества к «местам Торы» и переходивший, как это было принято, из одной ешивы в другую, по мнению окружающих, был предназначен к раввинскому служению. Но на его родине, в «жмудском крае», в знаменитых Жагорах, не существовало глухой стены между иудаизмом и широким миром. Сам Идельсон впоследствии вспоминал: «...большой ломки в старом укладе не было. Старое смешалось с новым; поколения отходящее и растущее заключили между собой мир; старики уступили немного из своего, а молодые не доходили до крайностей. Так начинался постепенный прогресс, продолжающийся донныне»^[2]. В последнем «месте Торы», Либаве, юноша начал готовиться к поступлению в гимназию, на что ушло три года, а сам гимназический курс он освоил за полгода (не оставляя занятий Талмудом). Сдав экзамены, в 1885 году Идельсон приезжает в Москву, где в палестинофильских кругах уже разнесся слух о необыкновенном вундеркинде. Учась на юридическом факультете университета, он участвовал в палестинофильском кружке «Бней-Цион», преподавал иврит и еврейскую литературу. В 1897 году Идельсон основывает в Москве молодежные сионистские кружки «Кадима» и «Цеирей-Цион». В процессе живого общения возникли идеи его первых теоретических работ, статей «Раскол» и «О драме Макса Нордау “Доктор Кон”». В 1901 году Идельсон стал одним из основателей «Демократической фракции» в сионизме и впоследствии, уже оставив Москву, участвовал в составлении Гельсингфорской программы российских сионистов. Во время первой русской революции Идельсон стал одним из организаторов еврейской самообороны, в 1905 году он переехал в Петербург, где вплоть до 1919 года редактировал основные сионистские издания: «Еврейскую жизнь», «Хронику еврейской жизни» и «Рассвет», а в 1919 году, после запрещения советской властью сионистской деятельности, уехал за границу. В Лондоне, в качестве члена ЦК Российской Сионистской организации, он становится во главе официального органа Всемирной Сионистской организации «А-Олам», а затем, в Берлине, незадолго до кончины, учреждает еженедельник «Рассвет», подхваченный после него В. Жаботинским. Однако, как мы видели, в самом начале своей общественной деятельности, еще находясь в Москве, Идельсон обращается к весьма необычной для сионистского активиста форме выражения национальной идеи.

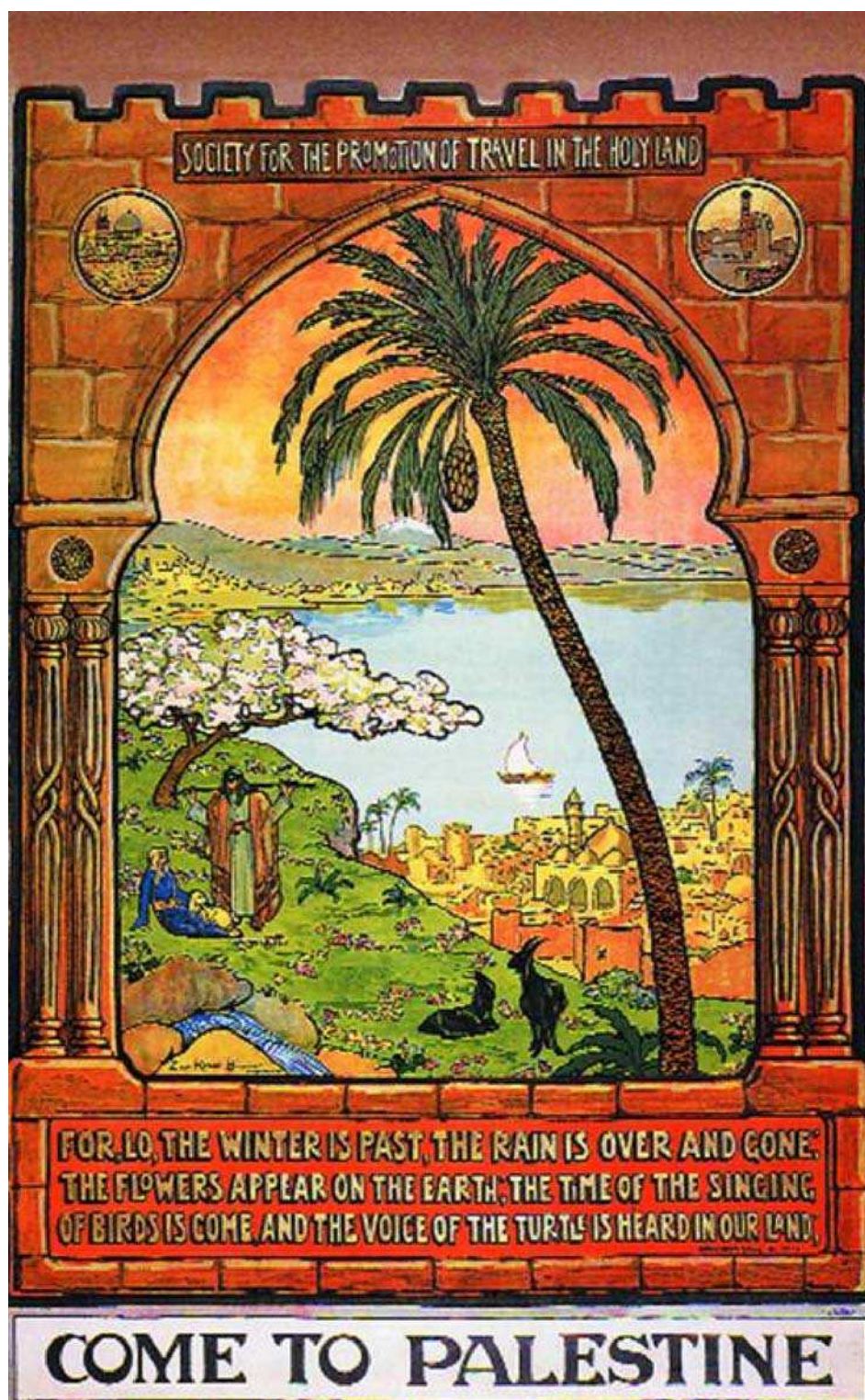
2.

Опубликованное в журнале «Еврейская семейная библиотека» романтическое стихотворение Идельсона принадлежит к вполне определенной литературной традиции, характерной для еврейских поэтов эпохи национального возрождения: подражание Лермонтову или переводы его стихотворений^[3]. Именно Лермонтову принадлежало самое высокое место в пантеоне литературных кумиров образованных русских евреев, более высокое, чем Пушкину. На его поэзии вырастали дети в ассимилированных семьях, где говорили по-русски. Аарон Штейнберг, еврейский философ и общественный деятель, знаток русской литературы, записал в своем дневнике в начале первой мировой войны : «Сегодня столетие со дня рождения Лермонтова. Юбиляр – лучший друг моего детства. Много всколыхнулось. Как-то вдруг я снова уловил выскользнувшую было нить. Я снова юн, как в первые годы гордого детства, и снова полон светлой веры»^[4]. К тем, кто получал общее образование после традиционного, Лермонтов приходил позже, но приходил непременно. Новоеврейская поэзия питалась его сюжетами, начиная с Йеуды-Лейба Гордона (1832–1892) и Мордехая-Цви Мане (1859–1886). Х. Бялик свое знакомство с русским романтизмом начал с вольного переложения «Ангела» (1891), затем обратился к «Парусу», «Поэту», «Ветке Палестины», «Листку»^[5].

Объект подражания Идельсона – не одно стихотворение, а целый цикл аллегорических сочинений Лермонтова, написанных в разные годы: «Ветка Палестины», «Три пальмы», «Портреты», «Песня», «Листок», «На севере диком» (последнее – вольный перевод стихотворения Гейне, в котором некоторые исследователи усматривают проявление национальной раздвоенности поэта). Отталкиваясь от лермонтовских образов, Идельсон актуализирует их для своего еврейского читателя. Не случаен и заголовок

стихотворения: пальма – ориенталистский романтический символ, и в то же время – «знаковый» для сионистской молодежи образ, олицетворяющий экзотику Палестины и антитезу галуту^[6]. Национальная история, прочитанная через романтическую аллегория, потребовала изменения формы повествования: если стихотворения Лермонтова строились обычно в виде монолога лирического героя, который исповедует о своей судьбе: «Я вырос в сумрачных стенах», «Скажи мне, ветка Палестины: / Где ты росла, где ты цвела?» или аллегорически: «Я бедный листочек дубовый, / До срока созрел я и вырос в отчизне суровой», то автор еврейской версии ту же историю рассказывает как историю эпическую – судьба индивидуальная его не интересует. Другое важное изменение касается композиции. Завязка содержит отсылку к Библии, к акту Творения: «Первые отзвуки пенья небесного / Здесь человек услышал». Затем следует характерная для лермонтовского сюжета контаминация природно-наивной и исторической линий, в которой каждый легко прочитывает трагическую историю погромов и гонений. «Там, на горах, за морями далекими, / Желтые листья гниют, – / Давят и топчут их звери голодные, / Птицы лесные клюют...» Метафора «листка», заданная эпиграфом из «Мцыри» и хорошо известная Идельсону из немецкой романтической поэзии, разворачивается в несколько строф, детализируется, становясь аллегорией еврейства, угнанного вдаль и погибающего на чужбине.

Стихотворения Лермонтова и романтиков вообще со сходным метафорическим строем двухчастны; райское блаженство и расцвет сменяются опустением, потерей дома, ощущением бесцельности существования. Идельсон сочиняет оптимистический финал: возвращение гонимых к родным корням, восстановление гармонии и надежды – в виде нового «побега». К романтическому дереву была органично привита идея национального возрождения, получающая необходимую для русско-еврейских интеллектуалов рубежа веков эмоциональное наполнение и культурную легитимацию в лермонтовском наследии. При этом естественно, что центральный образ прошел определенную семантическую трансформацию. В некоторых лермонтовских балладах присутствовала христианская символика (не очень сильная, открыто звучащая только в «Ветке Палестины»: «Заботой тайною хранима / Перед иконой золотой / Стоишь ты, ветвь Ерусалима, / Святости верный часовой!»); она, конечно, исчезает. Усекаются и такие планы смысла, которые делают шедевры Лермонтова философскими элегиями, касающимися судьбы отдельной личности.

Сионистский плакат. Начало XX века.

Надпись на плакате: «Ибо вот, зима прошла, дождь миновал, удалился. Цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей» (Шир а-ширим, 2:11–12).

3.

В контексте еврейских подражаний Лермонтову на русском языке и на иврите «Пальма» Идельсона не является исключением – ни по обстоятельствам своего появления, ни по типу обращения с источником. Так, палестинофильское движение вызвало

настоящий поток «колыбельных», вариаций «Казачьей колыбельной» Лермонтова, содержащей близкие идеологии национального обновления мотивы пророчества и героизма. В «Колыбельной песни» Ш. Черниковского (1897) появляется совершенно новый для еврейской литературы облик еврейского воина:

.....

Òú - ááðáé! Í á: áéü è ã ðá

Æèçí ü è ñ: áñò üá á yò îí .

Î ò í ðúñé äðááí ááí í áðí äá,

Áí ðáí ã í ðáá ñáíò îí .

Òú - ðáááí íé. Ñò áí áóü ñò áðó á-

Βñ í ñáðäó ñò áí áò,

× ò í ò áí ðéé íí, ÷ ò í ñ çááñò íí

Á ÷ áñ, èáé ñ éí óá áñò áí áò.

Ñò áí áóü ñ óεáí - æèçí ü í ðé äóó è ò

çéí áí í þ ðéí þ,

À í íéá - óñ è ñ í éí éí í,

Β áññá ñ ò í áí þ.

Ááí ü óáñ Óñ è, í íé í ò áí ÷ èé,

Í í: ü æyáè ò á í éí í óá

Í á ñò ðáó èñý ò áí áé í ðáéá,

Áñò áí áò í áó á ñ éí óá

.....

Í í áñ éé í á Èí ðááí á

Áðí äyò áááóéí ú.

Òú æá áóü áóü í áðáí ñò ðáεáí

Īàòáé Ī àěāñòéí ú.

È éíāā āçíāīpòññ ñòyā,

Ñúí ì íé íáíáí àíàò.

Īí ííéāāò ñì á:ñì ì āe òāāāñíā,

Ī àòáññéí óā āñò àí àò^[7].

1897

Перевод с иврита Аш-Ари

По сюжетной канве лермонтовского стихотворения Черниховский моделирует универсальную и гармоничную личность «первопроходцев» в Сионе. Если политик Идельсон остановился на общей схеме национальной судьбы, то поэт Черниховский создал портрет молодого «стражника», конкретизируя и гуманизируя эту судьбу.

4.

Впрочем, эстетические и жанровые ориентиры Идельсона-стихотворца на первый взгляд совершенно не соответствуют его идеологическим установкам, отвергающим «романтизацию» политической деятельности. В своих публицистических работах Идельсон боролся с «духовным фетишизмом», с канонизацией стандартного набора общественных идеалов и призывал к прагматическому и трезвому подходу к еврейской жизни. Это значило, что для освобождения «пытливого разума народа» необходимо пересмотреть такие основополагающие понятия, как нация, культура, религия. Современный еврей, пишет Идельсон, несчастен, но виноват в этом и сам: «он не боролся, а съезжился, сократился, сокращал свои потребности до minimum'a...» Пересмотр традиционных ценностей касался и отношения к иудаизму: в древности религия была «чистой верой», но постепенно она стала «религиозным фатализмом, который перенес центр тяжести человеческой жизни “по ту сторону”». Нынешний иудаизм «есть только рассол, который консервировал нас и спас от смерти, уничтожая в нас всякую жизнь». При этом Идельсон сохранял в душе ностальгические воспоминания о своем религиозном опыте. «Теперьшнее поколение живет в силу того толчка, который оно получило от религиозного воспитания в детстве, – писал он в журнале “Рассвет” в 1909 году. – Пусть мы теперь неверующие, но поэзия теперь утраченной, но когда-то сильной религиозной жизни наложила на нас неизгладимый отпечаток». Современная жизнь требует более практических ориентиров. Сионизм именно тем и хорош, утверждал Идельсон, что он реалистичен и показывает пути к земному счастью. Романтическая маска сионизма (мифы национальной культуры, которые она использует) – приманка для людей «с чувствительной душой и пылким воображением», а этого недостаточно. Он не питал надежд в отношении героического идеализма евреев: ставить судьбу народа «на одну карту – на карту подвига» – невозможно, «национальная жизнь есть не что иное, как сумма множества конкретных дел...»^[8].

Вместе с тем, конкретный, прагматический подход сочетался в мировоззрении Идельсона с необычайной широтой и неординарностью мышления. Жаботинский вспоминал, как во время работы над Гельсингфорской программой они, члены

редакционной комиссии, «сидели тогда, как девица в терему, и думали, что весь сионизм прекрасно укладывается в пространство одной кубической сажени. А. Д. <Идельсон> пробуравил для нас со всех сторон пролеты во вселенную; показал, что ни одна стена не стена, ни одна аксиома не аксиома...»^[9]. Деятельность по созданию еврейского национального центра в Эрец-Исраэль, доказывал Идельсон, можно совмещать с политической борьбой за права евреев в диаспоре.

Когда ему приходилось выступать по вопросам культуры, он не только проявлял редкую эрудицию (В. Жаботинский считал А. Идельсона самым образованным, наряду с Б. Бороховым, человеком в своем окружении), но и демонстрировал особый, диалектический подход к проблемам культурного строительства. Так, в споре с идеологом национальной культурной автономии историком С. Дубновым он говорил, что «культурная жизнь в галуте вынуждена отступать перед натиском доминирующих культур других наций», и потому бесполезно надеяться на свободу культурного проявления в диаспоре, а дискутируя с видным русским либералом Петром Струве, защищал право евреев на развитие собственной, национальной культуры.

В обращении Идельсона к кумирам российской словесности не было той «обиженной» интонации, которая ощущалась в словах некоторых еврейских литераторов. Так, в тоне национальной обиды писал о юбилее Пушкина С. Фруг («Чувства добрые»^[10]). Свой некролог Льву Толстому Идельсон тоже начинает с упрека: «великий человек, прозванный вполне законно “европейской совестью”, никогда не поднимал своего голоса в защиту того народа, который Европа обижает больше всех». Но не это было для него главным: сионистский лидер останавливается прежде всего на тех моментах, которые сближали великого русского писателя с еврейским народом. Как и Толстой, еврей «не имеет твердого представления о желательных формах ближайшего будущего», «он боролся за то, за что мы боролись и боремся, чувствует от этого гордость. Мы вместе с человечеством и отдельно от него»^[11]. Так задается канва внутреннего диалога между «русским» и «еврейским» в сознании русско-еврейской интеллигенции, диалога, который основывался на понимании двойного родства обеим культурам. Эта необыкновенная способность совмещать несовместимое и находить единство во множественности проявилась и в стихотворении «Пальма», где сионистская идеологическая программа оказалась облечена в элегическую лермонтовскую форму.

5.

Друзья и ученики Идельсона подготовили в 1925 году сборник воспоминаний, чрезвычайно богатый материалами о всех гранях его деятельной жизни. Но оказалось, что и близкие друзья не всё понимали в этом человеке. «“А. Д.” как будто нарочито заметал всякий след, который мог бы говорить о нем лично, о его прошлом. Он не любил о себе рассказывать...»^[12] Я. Вейншаль писал в другом месте, что «А.Д. Идельсон растворил свои способности и дарования в текущей еврейской общественности. Сделал он это активно и сознательно, предпочитая всем прочим путь живой действительности...»^[13]. Но как бы ни учил Идельсон сионистскую молодежь трезвости взамен мечтательности, неутомимая обращенность вдаль, наследие романтической культуры вошло в его сознание и жило бок о бок с реализмом. В записи, найденной в бумагах Идельсона и предпосланной сборнику в качестве эпиграфа, мы читаем: «Несколько раз разбивался корабль мой о волны; сколько скитался я пешком по знойным странам; столько раз изнывала душа моя от усталости, – но все же цели своей я не оставил. Есть на свете одна точка – заветное стремление мое. В ней целый мир для меня, и к ней направляю стопы свои, где бы я ни находился». Друзья и современники Идельсона свидетельствуют, что под внешним его скептицизмом всегда чувствовалась искренность и задумчивость, он притягивал к себе

идеалистов, романтиков и фантазеров^[14]. В манере поведения Идельсона на людях присутствовали спонтанность, неприятие всякой парадности и формальности. Он «резко выделялся среди всех других общественных деятелей серого, корректного, официального и холодного Петербурга»^[15].

Одно опубликованное стихотворение, несомненно, не было заметным событием для Абрама Идельсона. Но для нас, отдаленных от начала сионистского движения более чем на сто лет и наследующих так или иначе весь его идейно-эмоциональный комплекс, оно может быть окном в тот давно ушедший мир идейных и духовных исканий.

^[1] А. Давидсон. Пальма // Еврейская семейная библиотека. СПб., 1903. № 1. С. 97–99.

^[2] А. Идельсон. Мое местечко // Сборник памяти А.Д. Идельсона. Берлин, 1925. С. 316.

^[3] З. Копельман. Два примера порождающей поэтики: стихи М.Ю. Лермонтова в ивритской поэзии // Вестник Еврейского университета. 2000. № 3 (21). С. 111–128.

^[4] Центральный архив Истории еврейского народа (Иерусалим). Коллекция А. Штейнберга. Vox VIII. P. 159.

^[5] Х. Бар-Юсеф. Х.-Н. Бялик и русская поэзия // Ариэль. 1990. № 3. С. 32.

^[6] Один из членов кружка Идельсона записал в своем альбоме впечатления от просмотра фильма «Жизнь евреев в Палестине»: «А вот знаменитая пальмовая аллея. Четко, ясно выделяются стройные стволы пальм, лишь наверху образуя арку из листьев. А над ними ясное голубое небо, горячие лучи ласкают их. И безумно хочется, до боли хочется вырваться отсюда, из этого болота, и погулять там. Забыть все, зажить новой жизнью, не жизнью раба, а свободного человека». Центральный сионистский архив (Иерусалим). F30/226/2.

^[7] Ш. Черниковский. Стихи и идиллии. Иерусалим, 1974. С. 43–44.

^[8] М.Ф. Гиндес. В борьбе с мечтателями // Сборник памяти А.Д. Идельсона. С. 165.

^[9] Вл. Жаботинский. У колыбели Гельсингфорской программы // Там же. С. 88–89.

^[10] См.: Н. Портнова. Семен Фруг – «поэт для многих» // Лехаим. 2007. № 9 (185).

^[11] А.И. // Рассвет. 1910. № 46. С. 4–6. Перепечатано: Быть евреем в России. Материалы по истории русского еврейства. 1900–1917 годы / Сост., статья и прим. Н. Портновой. Иерусалим, 2002. С. 98–101.

^[12] Ч. Абрам Давидович Идельсон (Биографический очерк) // Сборник памяти А.Д. Идельсона. С. 7.

^[13] Я. Вейншаль. А.Д. Идельсон и мы молодые // Рассвет. 1922. № 34.

^[14] Ю.Д. Бруцкус. Из московских воспоминаний // Сборник памяти А.Д. Идельсона. С. 41.

^[15] С. Черниковский. Идельсон у себя // Там же. С. 103.

РОЗАНОВ, ФЛОРЕНСКИЙ

И ХРИСТИАНСКИЕ МЛАДЕНЦЫ

И עִבְרִית יִשְׂרָאֵלִית

Как и многие статьи, эта началась с недоумения. Дело в том, что в Костроме вот уже несколько лет выходит журнал «Энтелехия», посвященный биографии и творчеству Розанова и Флоренского. В последнем его выпуске (который числится № 10 за 2005 год – номера выходят с некоторым опозданием против намеченных сроков) появился замечательно интересный материал С.М. Половинкина «Аноним (Флоренский) в “Людах лунного света” (По переписке Розанова и Флоренского)». Надо сразу сказать, что название сути статьи не отражает – на деле она представляет собой краткий обзор переписки означенных корреспондентов, безо всякой привязки к конкретному произведению. Переписка эта, хранящаяся в домашнем архиве наследников Флоренского, в силу своей недоступности для исследователей обросла множеством легенд. Но сейчас она готовится к печати (тем же Половинкиным), так что контуры и содержание ее понемногу проясняются и вскоре, будем надеяться, определятся окончательно.

Формально переписка Розанова и Флоренского охватывает период около полутора десятилетий. Но после первого обмена письмами в 1903 году наступил пятилетний перерыв, так что по-настоящему интенсивное письменное общение их началось в конце 1908 года и продолжалось практически до смерти Розанова в 1919 году. Обзор Половинкина построен по тематическому принципу, в отдельную главку выделена и «еврейская тема». По словам автора помещенного в «Энтелехии» материала, наиболее интенсивно она обсуждалась в период «дела Бейлиса», что неудивительно: о сходстве

взглядов обоих корреспондентов на «еврейские тайны» и «ритуальные убийства» было известно давно, а факт присутствия псевдонимных текстов Флоренского в розановской книге «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» получил документальное подтверждение еще в 1998 году. Можно было предполагать, что в переписке, затрагивавшей, по словам С. Булгакова, «мистические глубины еврейского вопроса», эта проблематика обсуждалась еще откровеннее, нежели в открытой печати.

То есть у любого читателя, интересующегося отражением еврейской темы в причудливых зеркалах русской мысли начала XX века, есть все основания с нетерпением ожидать полной публикации этой переписки и следить за предваряющими таковую публикацию материалами. Да и помимо еврейской проблематики – даже по мелькавшим в печати разрозненным фрагментам можно легко заключить, что письма обоих корреспондентов представляют первостепенный интерес, и когда они наконец будут изданы полностью, книга эта станет громким событием, – насколько какая-нибудь гуманитарная новинка вообще может стать громким событием в наше время. Тут важно отметить, что значение переписки не ограничивается собственно «розановедением» или «флоренсковедением». То есть, конечно, все дальнейшее исследование творчества Розанова и Флоренского будет идти с опорой на эти материалы, но, кроме того, они представляют и более общий интерес, помогая понять мышление людей той эпохи, которую – не очень удачно – принято называть Серебряным веком.

Может показаться, что это задача не слишком сложная и не слишком важная, – Серебряный век отделен от нас едва ли столетием, откуда за такой сравнительно небольшой промежуток взяться кардинальным переменам в ментальности? На самом деле, однако, серебряновечный язык схож с нашим лишь по видимости: слова все вроде бы те же, но означают они совсем другое и в мозаику складываются иную. Кто-то из историков литературы остроумно заметил, что из всей переписки Белого с Блоком нам по-настоящему понятны лишь две фразы: «Дорогой Саша» и «Дорогой Боря» (настоящее имя Андрея Белого – Борис Бугаев). Так же и в письмах Розанова и Флоренского практически все, кроме «Дорогой Василий Васильевич» и «Дорогой отец Павел», нуждается в переводе, он же комментарий. Возможно, подробный комментарий в данном случае даже более необходим, чем в случае Блока и Белого, – полагаю, по степени отклонения от того, что нам представляется очевидностями и здравым смыслом, Флоренский с Розановым обоих символистов превосходят. Но по той же причине их эпистолярный оказывается незаменимым пособием для изучения серебряновечной ментальности.

Величину дистанции, отделяющей нас от Серебряного века, отлично иллюстрирует фраза автора «энтелехийного» обзора, касающаяся как раз «еврейской темы» и «дела Бейлиса»: «Они (оба корреспондента. – М. Э.) безусловно осудили ритуальное убийство Андриюши Ющинского, свидетельствующее о живости веры у евреев: “Пока есть в мире еще ритуальные убийства – мир не совсем умер, не совсем опозитивел”». Собственно, с этой фразой и связано то чувство недоумения, о котором я говорил выше и которое послужило толчком для написания настоящей статьи. Дело даже не в модальности, позволяющей заключить, что «ритуальное убийство Андриюши Ющинского» на самом деле имело место. Речь о другом. Нетрудно заметить, что никакого «осуждения», да еще «безусловного», приведенная цитата не содержит. Напротив, в ней очевидно восхищение практикой ритуальных убийств, сообщающих миру мистическое измерение и тем вдыхающих в него жизнь.

Собственно, в таком отношении нет ничего неожиданного. Еще в 1924 году Зинаида Гиппиус в мемуарном очерке «Задумчивый странник», где впервые публично говорилось о влиянии Флоренского на взгляды Розанова периода «дела Бейлиса»,

приводила слова, произнесенные тогда Флоренским в разговоре с сестрой: «Если б я не был православным священником, а евреем, я бы сам поступил, как Бейлис, т. е. пролил бы кровь Ющинского». Да и весь воссоздаваемый Половинкиным контекст переписки Розанова и Флоренского, все приводимые им цитаты вовсе не свидетельствуют о том, что кто-то из корреспондентов испытывает отвращение при мысли о «ритуале».

«Я не реалист, я эллин, египтянин, пуниец, кто хотите, но не нашего времени сын», – характеризует себя Флоренский в письме к тому же Розанову. Какие у нас основания полагать, что человек, аттестующий себя пунийцем, мыслил в рамках традиционной европейской морали? Жители Карфагена, между прочим, практиковали человеческие жертвоприношения – и, в отличие от Бейлиса, отнюдь не выдуманные. Но настолько сильна инерция, что публикатор, много лет занимающийся наследием Флоренского и прекрасно его изучивший, написав слово «убийство», автоматически выводит рядом глагол «осудили»^[1]. Не доказывается ли этим лишним раз необходимость изучать тексты людей Серебряного века, как если бы они были написаны японцами или древними греками, то есть постоянно делая поправку на кардинальное духовно-психологическое отличие читателя от автора?

Не доказывается ли такое отличие и вопросом, который то и дело приходится слышать от людей, прочитавших какую-нибудь из последних публикаций о Розанове, Флоренском и крови христианских младенцев: «Как Флоренский, такой образованный, мог всерьез писать такое, как мог он верить во всю эту галиматью?» (О Розанове, что характерно, спрашивают куда реже – видимо, его репутация «юродивого русской литературы» по-прежнему дает о себе знать.) Современникам Флоренского подобный вопрос просто не пришел бы в голову – они по себе знали, что образование совместимо с верой во что угодно: теософию, антропософию, астрологию, друидизм и так далее, вплоть до «Протоколов сионских мудрецов». Наши же современники дать предметный ответ попросту не могут – знали бы, сказали бы, но увы – и оттого чаще всего подменяют его инвективами в адрес мыслителей-юдофобов, перечислением различных составляющих антисемитского мифа, указанием на родство (неиллюзорное, надо сказать) идей Флоренского и Розенберга и т. д.

П. Флоренский с женой и сыном.

Попытаемся все же посмотреть на ситуацию глазами человека Серебряного века. Понятно, что решение этой задачи чисто научными методами невозможно, но наша статья на строгую «филологичность» и не претендует. Скорее это опыт психологической реконструкции – жанр, допускающий недоказуемые предположения и некоторое участие фантазии.

Начнем с очевидного. О том, что Розанов и Флоренский ритуальные убийства отнюдь не осуждают, уже говорилось выше. Лишнее свидетельство тому – само название главной «юдофобской» книги Розанова «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови». Понятно, что все три понятия – «обоняние», «осязание» и «кровь» – в мире Розанова коннотированы исключительно положительно (вот и Флоренский пишет ему: «Вы – запах человечества»). Столь же очевидно, что Розанов видит в еврее своего двойника. Достаточно того, что он постоянно подчеркивает женственность евреев, при том что на «бабское» начало в авторе «Уединенного» многожды указывали как он сам, так и его друзья и недруги.

Несколько сложнее с переходом религиозного антииудаизма Флоренского в расовый антисемитизм – на это указывают многие его критики, – что было относительной редкостью в среде интеллектуалов Серебряного века. И здесь нужно привести одну удивительную и много объясняющую цитату из письма Флоренского к Розанову от 26–27 ноября 1913 года. Она довольно велика, но в силу значимости для нашей темы приведем ее практически без сокращений: «Ни славянские ручьи не сольются в русском море, ни оно не иссякнет, но все будет наводнено серою жидкою лавиною адвокатуры, которая, между прочим, зальет и Талмуд, и ритуальные убийства. И, в конце концов, – вопрос в

одном: верим ли мы Библии или нет. Верим ап. Павлу или нет. Израилю даны обетования – это факт. И ап. Павел подтверждает: “Весь Израиль спасется”. Не “духовный” Израиль, как утешают себя духовные семинарии, увы не духовный. Ап. Павел ясно говорит о “сродниках плоти” и подтверждает неотменность всех прежних обетований об избранничестве. Мы – только “так”, между прочим. Израиль же стержень мировой истории. Такова Высшая Воля. Если смиримся – в душе радость последней покорности. Если будем упорствовать – отвержемся того самого христианства, ради которого спорим с Израилем, т. е. опять подпадем под пяту Израиля. Обетования Б-жии нетленны. Это мы в черте оседлости Б-жественных предназначений, – мы, а не они. Это мы египтяне, обворовываемые и избиваемые и мучимые; это мы – те, у которых “голова младенцев” “разбить о камень” есть блаженство, и это против себя мы поем в церквах ангельскими голосами “на реках Вавилонских”».

Из приведенного фрагмента можно сделать несколько выводов. Во-первых, расовый антисемитизм в случае Флоренского имеет религиозную подоплеку, так как еврейство как «раса» для него понятие сугубо религиозное. Во-вторых, противопоставление хороших «евреев-талмудистов» и плохих «жидов-адвокатов», на котором во многом основывается решение «еврейского вопроса» в философской публицистике Серебряного века^[21], у Флоренского снимается в эсхатологическом синтезе. Более того, само это противопоставление рассматривается Флоренским как недостаток и свидетельство слабости веры: «С рит<уальными> убийствами помириться легко, но с наглостью, с криками (еще с Египта), с ложью, с заперательством... нет, не могу. Вероятно, и это нужно для Высшей Правды; но нам, с нашей правдой мелкой, б<ыть> м<ожет>, правдой “эстетизма” и “порядочности”, вместить это трудно. Но вероятно, при большей молитвенности, можно».

Наконец, еще один вывод, на наш взгляд, важнейший. В христианстве, то есть в той системе, от имени и во имя которой Флоренский и до некоторой степени Розанов ведут свою войну с еврейством, изначально заложены их поражение и, хуже того, их неправота. То есть при взгляде изнутри их борьба выглядит заведомо обреченной, а следовательно, все прямые призывы к погромам («Ничего так не жажду, как погрома и разгрома: “Вон, вон! Вон! Убирайтесь, куда знаете”. Никакого другого решения вопроса не может быть», – Розанов) обретают черты уже не людоедства, а, если угодно, трагического рыцарства (влюбленный в Средневековье Флоренский едва ли мог этого не осознавать).

Одна из открыток, выпущенных во время процесса по делу Бейлиса и изображавших его самого, его семью и близких.

Открытки эти печатали, как правило, за границей и в России изымались цензурой. 1913 год.

На наш взгляд, такой подход позволяет по-новому интерпретировать многие темные места в работах Флоренского и Розанова. Чтобы далеко не ходить за примерами, обратимся к одной цитате, приводимой Половинкиным. «Но что, что с ними делать?! – пишет Флоренский Розанову (разумеется, о евреях). – Они размножаются быстрее нас, – это простая арифметика. И что ни делай с ними, настанет момент, когда их станет больше, чем нас. Это, повторяю, простая арифметика, и против этого есть только одно средство – осклопление всех евреев, – т. е. средство такое, применить которое можно только при нашем отречении от христианства». «Страх подталкивал к мысли о крайнем средстве – “осклоплении”, однако для христиан неприемлемом», – комментирует публикатор. Как кажется, речь здесь идет не столько о «неприемлемости» (Флоренский вообще нечасто мыслил в этических категориях, – это вовсе не укор, а простая констатация), сколько о бессмысленности, бесполезности такого шага, то есть ровно о том, о чем говорилось и в приведенной выше цитате: «отвержемся того самого христианства, ради которого спорим с Израилем, т. е. опять подпадем под пяту Израиля». В общем, как ни пойдешь, поражение неизбежно, Израиль в любом случае победит. На какую клетку не поставь короля, все одно – получишь мат. То есть, повторюсь, разговор ведется не в моральных, а в стратегических терминах.

Метафора войны, смертельной схватки вообще появляется у обоих корреспондентов практически всякий раз, когда речь заходит о еврействе и христианстве^[31]. «И чему-то умереть: христианству или семье, и даже больше: Ветхому или Новому Завету», – писал Розанов Флоренскому в январе 1911 года, то есть непосредственно перед началом «дела Бейлиса». Тогда, впрочем, он выступал на стороне «семейного» Ветхого Завета. Отчего же во время дела Бейлиса его отношение к противостоянию христианства и иудаизма изменилось?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала попытаться понять основной импульс апологетических розановских рассуждений об иудаизме 1900-х годов. Легче всего это сделать, взяв в качестве примера не какой-нибудь его фундаментальный труд, а

небольшую рецензию 1909 года на книгу Акима Волынского о Достоевском. Рецензия эта сравнительно малоизвестна, к ней редко обращаются розановеды, а специальных работ о ней и вовсе нет. Между тем, она представляется исключительно любопытной и важной для понимания самой сути розановского творчества, его, как сказал бы Белинский, пафоса.

Отдавая должное «чрезвычайному трудолюбию», «прилежанию», «огромной начитанности», «логически и философски настроенному уму» еврея Волынского (чьё еврейство, однако, в тексте не упоминается), Розанов констатирует, что тому «недостает «конгениальности» с критикуемым автором». При этом Волынский оказывается «благоразумным и воздержанным римлянином», который «стоит мещанином около великого пьянства аристократа-Достоевского, жида-Достоевского». И далее: «Начиная с Гоголя и вот входя в Достоевского, в русскую стихию хлынула грязная и могучая “жидовская” волна с Мертвого моря, с чистых ли вод Генисаретского озера, не знаем: но явно не арийская и анти-арийская, какая-то восточная, азиатская».

Как видим, Гоголь и Достоевский оказываются «жидами», для адекватного понимания которых еврейскому критику не хватает «меткого русского взгляда, русского письма “с крючочками”, русского нюха... и настоящей “жидовской грязи”». Характерно, что сакральная, мистическая сторона еврейства связывается в тексте рецензии с «жидовским» началом. То есть Розанов, хоть и по-другому, нежели Флоренский, но тоже выворачивает наизнанку традиционную оппозицию «еврейское» – «жидовское»: положительно маркированным оказывается у него именно последнее. Такой подход, впрочем, вполне органично вытекает из общей позиции Розанова, построенной на смещении привычных понятий высокого и низкого и совмещении «грязного» и священного.

Важно отметить, что, по авторитетному свидетельству Сергея Каблукова, саму книгу Волынского Розанов так и не прочел. То есть разговор о ней был использован им как повод для описания своих представлений о месте еврея в русской культуре. В других случаях роль «еврея вообще», исполненную здесь Волынским, могли играть Левитан, Айхенвальд или Гершензон – описываемая модель при этом не менялась или менялась незначительно.

Итак, еврейство безблагодатно, «жидовское» избранничество перешло на русский народ. Сходная мысль, только применительно не к литературе, а к религии, высказывалась Розановым еще в первой и главной его «еврейской» работе – «Юдаизм» (1903). Речь там шла о том, что иудейские мудрецы, от Филона Александрийского до современных автору раввинов, пропитаны эллинским духом (как Волынский – римским, добавим мы) и утратили всякую внутреннюю связь с тайной сутью еврейской религии. «Только толпа, “стадо” еврейства еще и несет “дух” его, “пот” его, специфический свой запах», – несет, но не может сформулировать. А формулирует эту тайную суть он, Розанов, таким образом «похищая» ее у евреев и передавая русским.

То есть русско-еврейская «тяжба за Б-гоизбранность», составляющая едва ли не основное содержание розановского «Б-гословия», завершилась по видимости победой Розанова, а вместе с ним и русского народа. И вдруг начинается «дело Бейлиса», которое переворачивает всю конструкцию. Исходя из логики своего понимания «юдаизма» как религии кровавой жертвы, Розанов, конечно, должен был поверить в подлинность версии о ритуальном убийстве. А раз так, значит, самая главная тайна, тайна крови, евреями сохранена, а с ней сохранена и Б-гоизбранность – и не просто сохранена, но еще и направлена против гонимых и убиваемых русских (Ющинский). И нет больше

психологически комфортной возможности считать себя единственным настоящим евреем, а свою религию грязи и пола отождествлять с «юдаизмом».

В. Розанов.

Рассматривая ситуацию под этим углом зрения, можно предположить, что детальная реконструкция ритуального убийства в «Обонятельном и осязательном отношении евреев к крови» имела для Розанова не столько юридическое, сколько мистическое значение. Если здесь расположен сакральный центр иудейства, то овладение этой тайной равнозначно проникновению в Святая святых и новому «похищению» Б-гоизбранности.

Едва ли не сходными мотивами продиктовано и обращение Флоренского в эти же годы к каббале и загадкам еврейской письменности^[4]. Возможно, его приверженность имяславия также может быть интерпретирована – до известных пределов конечно – как попытка «перехвата» еврейской магии: энергия имени Б-жьего «отнимается» у евреев и ставится на службу христианству. Впрочем, это тема слишком серьезная, так что затрагивать ее вскользь было бы безответственно.

Кажется, по-новому в свете всего вышесказанного выглядит и обратный перелом Розанова, его возвращение к филосемитизму в годы революции. Половинкин называет мотивом этого переворота «испуг» – в кавычках – писателя, до которого дошли информация о казни известного нововременского публициста-антисемита М. Меньшикова и слух о собственном расстреле. На самом деле все объяснил сам Розанов, увидевший в революционных событиях доказательство того, что еврейский народ «по-прежнему любимое дитя Б-жие, любимое и религиозно, любимое и в истории», вследствие чего «малейшая обида, этому народу причиненная, и даже малейшая в отношении его подозрительность, не проходит без наказания ни в веке сем, биографически, ни в жизни будущей, за гробом». То есть Розанов действительно испугался, но испугался мистически.

Любопытно, кстати, что это писалось по поводу революционных событий, даже вчерашних филосемитов превративших в юдофобов. Розанов же, подобно многим своим современникам воспринявший революцию как еврейских рук дело, сделал из этого прямо противоположный вывод: в последней битве (а то, что революционные события воспринимались Розановым эсхатологически, не нуждается в доказательствах, достаточно вспомнить название его последней книги – «Апокалипсис нашего времени») Б-г подтвердил избранничество еврейского народа, встав на его сторону и отдав ему Россию. Отсюда зафиксированный в «Апокалипсисе...» розановский план «перехода в еврейство»: благодать все-таки там, и ее нельзя обрести, не став частью Израиля.

Итак, мы видим, что «противоречивый» Розанов на самом деле во всех своих переломах проявлял исключительную последовательность. Он до конца рассматривал всемирную историю как мистерию, где Израиль по-прежнему играет главную роль, – и, досмотрев последний, как ему казалось, акт этой драмы, честно признал свое поражение.

^[1] Заметим, что переписка находится в процессе подготовки, а потому встречающиеся в обзоре недочеты вполне объяснимы. И все же хочется обратить внимание на один фрагмент, где, по-видимому, имеет место неверное прочтение текста. Розанов говорит о том, что «жиды» поработили Россию – и «больше всего улыбочками, ласковостью, лестью»: «“Вы, господин полковник” (Ягелен хоружий)». Нетрудно и без заглядывания в рукопись заключить, что перед нами отсылка к реплике Янкеля из «Тараса Бульбы»: «Ай, какой важный вид! Ей-Б-гу, полковник, совсем полковник! Вот еще бы только на палец прибавить, то и полковник! Нужно бы пана посадить на жеребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует полки!» Правда, в гоголевской повести она адресована гайдуку, но перепутать гайдука с хорунжим Розанов был вполне способен. Таким образом, можно предположить, что на самом деле этот фрагмент должен выглядеть так: «“Вы, господин полковник” (Янкель хорунжему)».

^[2] Напомним хотя бы признание С. Булгакова в своем «крайнем филоиудаизме», сочетающемся с «крайним антижидовством».

^[3] Надо сказать, что взгляд на войну как на проявление мистической в своей основе борьбы двух противоположных национально-религиозных типов был вообще исключительно характерен для рассматриваемой эпохи. В начале века в журнале «Новый путь», где Розанов был одним из ведущих авторов, а Флоренский печатался меньше только из-за молодости, Александр Смирнов – будущий крупнейший советский медиевист и шекспировед, а в тот период адепт «нового христианства» Мережковских – осмыслял русско-японскую войну как мистическую схватку арийства и монгольства, имеющую эсхатологическое значение. Десять лет спустя первая мировая война трактовалась подобным образом уже всеми, вплоть до газетных фельетонистов, только вместо монгольского начала было, разумеется, тевтонское.

^[4] В определенном кругу Флоренский считался даже авторитетным экспертом по подобным вопросам. Любопытная публикация на эту тему содержится в том же номере «Энтелехии», что и обзор Половинкина. Речь идет о переписке Флоренского и Льва Тихомирова, целиком посвященной обсуждению «еврейской магии». К сожалению, интересный материал снабжен не слишком серьезным научным аппаратом: очевидно, что комментатор С. Чесноков не является экспертом по обсуждаемой проблематике, да и его идеологическая позиция не способствует объективному взгляду на предмет.

БОГАЧИ ЛЮБЯТ СЧЕТ

Леонид Радзиховский

Вот уже пять лет подряд в феврале журнал «Финанс» публикует списки богатейших людей России.

Конечно, картина радикально изменилась: в 2004 году в списках было 154 человека, «порог отсеечения» составлял 1 млрд рублей (35 млн долларов по курсу того времени).

В 2008 году в списке 500 человек, «порог отсеечения» – 3,7 млрд рублей (150 млн долларов).

Кстати, велика тут «текучесть кадров» – из списка-2004 до списка-2008 дошли 114, а 40 человек (26% от первого списка) выбыли. Самый знаменитый из выпавших – разумеется, Ходорковский. Кроме него, из списка ушли еще шесть акционеров ЮКОСа. Это довольно странно. Например, один из «неудачников» – Сергей Муравленко, бывший (до прихода МБХ) руководитель ЮКОСа. Так вот, сейчас тов. Муравленко – депутат Думы от КПРФ (кстати, говорят, что неприятности МБХ отчасти были спровоцированы именно тем, что во время выборов в Думу в 2003 года Муравленко – вопреки «совету» Кремля – финансировал КПРФ). В официальной декларации об имуществе кандидата в депутаты Муравленко, помимо многого прочего, указано, что у него только на банковских вкладах свыше 100 млн долларов, а остальное имущество (на 20 млн долларов акций «Газпрома» и т. д.) явно стоит куда больше 50 млн долларов. Так что С. Муравленко явно должен был бы значиться в последнем списке «Финанса» – почему он туда не попал?

Среди других «выбывших» блистают президент Башкирии Рахимов и президент Калмыкии Илюмжинов. Согласно «Финансу»-2004, это были люди богатые – но как же они так обеднели в 2008-м? Кстати... Сын президента Рахимова – согласно тому же «Финансу» – с 2004 по 2008 год сильно обогатился, с 64 места в списке поднялся на 43-е, а главное, если в 2004 году его состояние составляло 250 млн долларов, то в 2008-м – 4250 млн. Рост в 17 раз!

Но как бы ни были неточны списки, в целом они дают все же впечатление о российской финансовой элите.

Приведу несколько цифр.

Общий капитал 500 российских «олигархов» – 716 млрд долларов. При этом ВВП России в 2007 году – 1215 млрд или около 2000 млрд (считая по паритету покупательной способности). Конечно, сравнивать капитал и сумму производства не вполне корректно, но некоторое представление о степени концентрации капитала мы получаем. Кстати, в действительности эта концентрация еще выше: ведь совокупный капитал первых 10 участников списка – 221 млрд, больше 10% ВВП, как ни считай!

Для сравнения – совокупный капитал 400 богатейших людей в США составляет 1545 млрд долларов, а ВВП США – около 14 трлн долларов. Таким образом, совокупный капитал американских «олигархов» составляет около 11% ВВП, а российских олигархов – от 59% до 36% (при разных методиках оценки ВВП).

Интересно и то, что по числу долларовых миллиардеров (101, по списку «Финанса», а на самом деле – 102, т. к. они почему-то забыли депутата ГД А. Морозова) Россия вышла на второе место в мире, обогнав Германию, Японию, Англию – но отнюдь не догнав их по ВВП.

Теперь немного о «персональных вопросах».

Список возглавляет «финансовый гений» – Олег Дерипаска. Его капитал – около 40 млрд долларов, не только почти в два раза превышает капитал № 2 – народного любимца Романа Абрамовича, но и вплотную подходит к капиталам крупнейших магнатов мира.

Дерипаска, как говорится «жжет не по-детски» – он стоит практически вровень с такими гигантами, как Лакшми Миттал, Бернар Арно и лишь ступенью ниже Их Величеств – Карлоса Слива (ливанец из Мексики, официально самый богатый человек в мире) и Билла Гейтса.

Раньше о таком месте в мировой финансовой таблице о рангах русские бизнесмены не мечтали. Здесь, кстати, надо подчеркнуть разницу между Дерипаской и предыдущим лидером списка – Абрамовичем.

Состояние Романа Аркадьевича выросло с 2004 года менее чем в два раза, а состояние Олега Владимировича – почти в 10 раз. Но цифры – следствие, а не причина.

Первый похож на сибарита, второй – на фаната-трудоголика. Абрамович – точно «дитя приватизации». Его состояние почти полностью опирается на «Сибнефть». Продав по высшей цене эту компанию государству, он, кажется «успокоился». Дерипаска же, сорокалетний белорус, ветеран алюминиевых войн 1990-х, бешено строит свою империю в самых разных направлениях – та же алюминиевая промышленность, огромное строительство, страхование, сейчас подбирается к «Норильскому никелю». Подобная «геометрическая прогрессия» – редкое явление не только в русском, но и в мировом бизнесе. Правда, как мне кажется, таким же талантливым, агрессивным бизнесменом является и М. Фридман.

Ну и, наконец, собственно «еврейский вопрос».

Среди 500 российских «олигархов» – 105 евреев, 20% (к ним я причисляю также и «полуевреев»), 93 представителя иных национальностей, 18%, 302 русских, свыше 60%.

Для сравнения, в 2004 году картина была иная: из 154 человек 47 евреев, 30%, 30 представителей других наций, 20%, 77 человек русские, 50%.

С моей точки зрения, плавное уменьшение доли евреев и других «нацменов» – процесс вполне объективный для российского бизнеса. Главное, чтобы в дело тут не включалось государственное насилие...

ПАВЕЛ ФИНН: ВРЕМЯ – КИПЯТОК, В КОТОРОМ ВСЕ МЫ ВАРИМСЯ»

אֵינִי אֵלָּא אֶחָד מִבְּנֵי אֲדָמָה

Павел Финн – киносценарист, сын театрального драматурга Константина Финна, в Еврейской энциклопедии они стоят рядом. Павел – автор почти четырех десятков сценариев, по которым были сняты фильмы: «Объяснение в любви», «26 дней из жизни Достоевского», «Леди Макбет Мценского уезда», «Всадник без головы», «Вооружен и очень опасен», «Тайны дворцовых переворотов», «Смерть Таирова»... Вспомнили? Работы известные, но обычно сценаристы остаются в тени режиссера. («Сценарист по сути – женская профессия, – признался Финн в одном из интервью. – В кино только один мужчина – режиссер».) Ничего с этим не поделаешь. И проблема даже не в известности. А в том, что фильм обычно получается не слишком похожим на представления автора, а таким, как захотел режиссер. Дело же сценариста – молча переживать и писать новые сценарии. Сегодня закончены съемки фильма «Подарок Сталину» по сценарию Финна. Время действия – 1949 год. Маленький мальчик Сашка Повзнер после ареста родителей едет с дедом в ссылку в Казахстан. По дороге, в «стольпинском» вагоне дедушка умирает. Мальчик тоже, в сущности, обречен, но его спасает путевой обходчик, казах, заменивший ему отца. У него мальчик и живет, пока не отыскиваются дальние родственники... В конце фильма, уже в наши дни, пожилой израильский турист приезжает в Казахстан, чтобы прочитать еврейскую поминальную молитву на могиле с полумесяцем.

Павел Константинович начал разговор с признания:

– Сама идея – еврейский мальчик, сирота, живущий у казахов в сорок девятом году, – не моя, а известного казахского актера Ментая Утепбергенова. Насколько это все было реально – не знаю, но мне идея сразу же понравилась.

– **Прецеденты такие в мировой литературе уже есть – скажем, Пушкин, давший Гоголю идею «Ревизора».**

– (Смеется.) Ну, если я Гоголь, согласен, чтобы Ментай был Пушкиным, надеюсь, и он не откажется. А если серьезно, я чувствую себя в этой ситуации совершенно уверенно, все написано мной и только мной. Но из соображений этических не могу не упомянуть об истоках.

– **Почему же это запало вам в душу?**

– Тут главное – мои личные воспоминания.

ЮБИЛЕЙ ВОЖДЯ НАРОДОВ

– Хотя мне было всего девять лет, 1949 год, как ни странно, стал важным для всей моей жизни.

Много лет назад я неожиданно для себя написал сценарий «Ожидание, или Деревенский футбол сорок девятого года». Главный герой был мальчик девяти лет, Сашка. Это дачная история. Вообще, в той жизни естественной частью нашего мира была дача в Подмосковье. Интеллигенция летом вывозила детей на дачи... Сценарий поставлен не был, но позже, когда в кино, как и во всей стране, начались новые времена, его опубликовали в альманахе «Киносценарии».

Вот с этим Сашкой я никак не могу расстаться. Отодрать от себя не могу. Существуют сильные переживания детства, пронесенные, сохраненные...

Вообще, необычайно интересно для литературы и кино исследование души подростка. Это меня чрезвычайно занимает, я вокруг этого все вьюсь и вьюсь. Теперь Сашка у меня перекочевал в фильм «Подарок Сталину» (в сценарии он назывался «Кипяток»). А еще я много лет пытаюсь сочинить некое произведение под названием «Продолжение», где герой – тот же Сашка, но уже в 13-ти лет, а действие происходит в городе. Город похож на Ереван...

– **А Ереван откуда влетел в детские воспоминания?**

– Я с мамой в том же сорок девятом переместился из Москвы в Ереван. На вокзале нас провожала подруга моей мамы – Эстер Ефимовна Маркиш. Жена поэта Переца Маркиша, который тогда уже был арестован. Я его помню, очень красивый был человек.

А Давид, их сын и мой товарищ, был чуть меня старше. Мальчик он был знаменитый, потому что в сорок пятом году снялся в главной роли в картине «Слон и веревочка» по сценарию Агнии Барто. Еще там играли Раневская, Плятт... Я тоже пробовался в «Слоне и веревочке» на маленькую роль – мальчик ведет кораблик по ручейку и поет: «И скачут лягушки за мной по пятам и просят меня – прокати, капитан». Но был забракован, потому что не умел петь...

Павел Финн в возрасте героя своего сценария.

1949 год.

– А потом когда-нибудь удалось прорваться в актеры кино?

– Не без того! Единственный раз, зато в картине Хуциева «Застава Ильича», или «Мне 20 лет». Когда Андрияша Тарковский получает по физиономии от Оли Гобзевой, я стою рядом и поднимаю ее руку, как на ринге, – знаменитый кадр! К Марлену я попал, наверное, потому, что у него не надо было петь... А мой вечный и любимый друг Давка Маркиш, ныне знаменитый израильтянин и писатель, спустя шестьдесят два года после роли в «Слоне и веревочке» снова снялся в кино. Второй раз в жизни. Сыграл в моей картине «Подарок Сталину» – как будто бы меня в старости, бывшего мальчика Сашку. Как все соединилось, сомкнулось! Этот герой – писатель, как и сам Давид, человек свободный по виду и поведению.

– Почему вы говорите «Давид играет меня», хотя биография не ваша?

– Вот я к этому и веду.

Мама с моим отцом, Константином Финном, рассталась в сорок пятом. В сорок девятом она была замужем за молодым актером Борисом Авилковым. Тогда было довольно распространенное явление – актеры кочевали «из Вологды в Керчь». Была биржа – не знаю, гласная или негласная, – но все друг друга знали и передвигались по стране. Вначале мы должны были ехать в театр в порту Совгавань на Тихом океане. Но что-то не сложилось, и в результате поехали в Ереван, в Русский драматический театр имени Станиславского.

Павел Финн и Давид Маркиш.

Израиль. 2007 год.

– Из Москвы в Ереван – это же как на другую планету!

– Ереван стал воспоминанием такой яркости и силы, что оно мной управляет всю мою жизнь. Там были горы. И совсем другие лица. И фрукты другие. А по площади ходили овцы с чабанами...

– Так все же что общего у вас с вашим Сашкой?

– Юбилей Сталина – первое из двух главных обстоятельств, которые руководили мной при написании сценария. Сорок девятый год. Повсюду идет подготовка к юбилею, проводятся конкурсы на лучший подарок и лучшее выступление. Я уже был пионером и ощущал особую ответственность перед Сталиным. А что подарить – не знал, ничего не умел делать руками. Напротив нас в гостинице «Севан» жила пара – подполковник и его жена Зоя, совсем еще девочка. Зоя на таком полудетском уровне рисовала, лепила. Она меня очень любила и решила помочь. Мы долго думали, наконец она вылепила зеленого крокодильчика, и я его понес в школу, в качестве подарка Сталину, что вызвало чрезвычайное удивление у комиссии. Но это было не последней попыткой. Мне стал помогать друг моего отчима, игравший в том же театре, актер Ивашов – большой поклонник Блока и Вертинского, не особенно тогда популярных. Ивашов выучил со мной стихотворение Блока, совершенно безыдейное: «Кончил учитель урок, / Мирно сидит на крылечке. / Звонко кричит пастушок. / Скачут барашки, овечки». Это тоже вызвало у комиссии легкое потрясение. Другие ребята читали более соответствующее моменту, например, знаменитое тогда стихотворение Суркова: «Шуршит по крыше снеговая крупка. / На Спасской башне полночь бьют часы, / Знакомая негаснущая трубка...»

– А рифма, видимо, «усы»...

– Ну, естественно. «Чуть тронутые проседью усы». Члены комиссии чуть было не сочли стихи Блока диверсией. Но простили меня, поскольку я был очень юн.

– Сильно переживали те неудачи?

– Эти переживания помню всю жизнь. Спустя почти шестьдесят лет появилась возможность соединить свои воспоминания и историю о мальчишке, жившем в Казахстане в том же году. Вот откуда родился сценарий «Подарок Сталину».

– Ваши отношения со Сталиным закончились на этих не подошедших вождю подарках?

– Не закончились! Поразительным образом они продолжились, когда мы вернулись в Москву. Дело в том, что с первого класса у меня было два товарища – Коля Анастасьев, который потом стал известным литературоведом, и Сандрик Тоидзе, сын художника Ираклия Тоидзе. Это был приближенный художник, лауреат Сталинских премий, один из трех художников, которым было позволено писать Сталина в гробу – Налбандян, Герасимов и Тоидзе. Мертвого Сталина было запрещено фотографировать – только живописное изображение. А при жизни вождь, конечно, не позировал. Но для того, чтобы соответствующе одеть натурщика, Ираклию Моисеевичу были отданы китель Сталина и фуражка Берии. Мы играли в войну и надевали все это на себя.

– Невероятно! Это, простите, чистое кино!

– Да, я носил китель Сталина и фуражку Берии. Так что связь с товарищем Сталиным продолжалась. А еще все дни похорон Сталина я провел в мастерской Тоидзе на Пушкинской площади. Ночами, пока гроб стоял в Колонном зале, Ираклий Моисеевич уходил писать Сталина с натуры и утром приносил еще сырые этюды.

– Вы говорили, что было второе обстоятельство, соединившее вашего героя и вас.

– В 1952 году отца Давида, поэта Переца Маркиша, казнили. Как и почти весь Еврейский антифашистский комитет.

– Значит, ваша документальная работа «Большой концерт народов, или Дыхание Чейн-Стокса» тоже вышла из детских воспоминаний?

– Тогда, в том довольно нежном возрасте, мне было все это не очень понятно. Но по прошествии многих лет, как будто совсем в другой жизни, мы с моим другом, ныне покойным замечательным режиссером Семеном Арановичем, сидя вечером в баре в городе Роттердаме, решили делать картину о двух актах сталинского геноцида евреев – «деле врачей» и процессе антифашистского комитета – картина и состоит из двух частей. Там много интервью с детьми тех, кто был арестован. Мы снимали дочерей Михоэлса, Зускина, снимали и Эстер Ефимовну. Картину много показывали и награждали на разных международных фестивалях, а у нас и тогда, в 1991 году, резонанс был небольшой, а теперь это вообще никому не нужно.

– Эстер Ефимовна жива?

– Да, ей 96 лет. Видел ее недавно в Израиле... А тогда, в пятьдесят втором, всю семью выслали в Казахстан – Эстер Ефимовну, ее сыновей – Симона и Давида, всех близких и дальних родственников и знакомых. Всех выслали... Сестру нашли в Киеве – сослали и ее. А когда я стал старше и сознание начало пробуждаться, Сталин умер и они вернулись... Кажется, им помогал Фадеев. Их квартиру на Лесной частично урезали, кого-то туда подселили, мебель была конфискована, но – вернулись! Это было необычайное событие. Помню, вечером Эстер пришла к нам, я не спал и слышал, как она всю ночь рассказывала о казахстанской ссылке. Это тоже отложилось во мне...

– «И это все в меня запало и уж потом во мне очнулось».

– Хотя я не помню деталей ее рассказа, только ощущение. Гораздо больше я узнал от Давида, уже будучи взрослым. Знаете, я ведь своего друга детства дважды терял, и дважды он возвращался – после казахстанской ссылки и после отъезда в эмиграцию. Было время – в 1970-х, когда я думал, что больше его не увижу. Доходили противоречивые слухи. А потом стало все меняться в нашей стране, и он появился.

– **Значит, Давид играл отчасти самого себя.**

– Наши биографии, хотя были абсолютно разными, соединились. Давид, едущий в «столыпинском» вагоне в ссылку, – это впечатление, которое я много раз перекладывал на себя, хотя судьба была ко мне милостива. Но переживание – как будто мое. Мне казалось, я писал о себе. Это могло быть и со мной, и с любым моим другом – школьным, дворовым... И соединение всего этого – сталинского юбилея, рассказов о крестном пути в ссылку, о жизни в Казахстане – все это было питательной средой для сценария. Это общая биография мальчика нашего возраста, из интеллигентской среды. Мы с Давидом оба – дети писателей. Герой сценария, Сашка, тоже сын арестованного писателя. И фотография родителей Сашки – я ее послал режиссеру – это мои молодые родители...

Константин и Жанна Финн. 1930-е годы.

Б-Г У ВСЕХ ОДИН

– Гена Шпаликов написал однажды про меня такие стихи: «И боль и блажь простых людей / Доступны – ты не барин. / Хотя ты, Паша, иудей, / А что, Христос – татарин?»»

– **Что значит – чувствовать себя евреем? Это голос крови, который происходит из глубины сознания, или это от того, что про национальность напоминает антисемитизм? Изнутри это идет или снаружи?**

– Достаточно сложная история. В детстве долгое время я вообще не думал об этом. Опять же, если говорить о семье Маркишей – их семья была гораздо более «еврейской». Перец писал на идише и был деятелем еврейской культуры, в отличие от моего отца – советского драматурга. Были семьи, где соблюдались традиции – у нас этого не было. О том, что отец знает идиш, я узнал лет в пятнадцать, когда он, сильно выпив, разговорился за столом с приятелем «по-еврейски». Я вылупил глаза.

В школе я учился в самое страшное время – борьба с космополитизмом, «дело врачей»... Давным-давно, еще в юности, Белла Ахмадулина рассказала, что во время «дела врачей» она шла по улице со знакомой девочкой-еврейкой. И в эту девочку стали бросать камни. Я был потрясен. Но чем больше я жил, тем больше выяснялось, что камни летят. До сих пор. Недавно на улице мне сказали – жаль, Гитлер всех вас не дострелял.

– Вам? При вашей нейтральной внешности?

– Я сам сказал, что я еврей. Мужик говорил отвратительные вещи и апеллировал ко мне. Я сказал, чтобы он пошел это рассказывать кому-нибудь другому. Тут он выступил с рядом заявлений, завершив высказыванием про Гитлера. Против антисемитизма нельзя бороться красноречием. Это явление глубинное и роковое для мировой истории и закончится только вместе с ней. Тема антисемитизма бесконечна.

– Наверное, нам на пространстве интервью с этим делом не справиться.

– Всякие объяснения есть, достаточно почитать Розанова, чтобы понять всю сложность и загадочность отношения к этому делу даже самых просвещенных людей... Когда Михоэлс был в Америке, он сказал Эйнштейну, что у нас в стране все равны и нет антисемитизма. Эйнштейн выслушал и ответил: «Я, господин Михоэлс, физик. И как физик могу сказать – всякий предмет отбрасывает тень. Пока существует еврейский народ, у него всегда будет тень – антисемитизм. Ее нельзя отрезать».

– Это красивый образ, но почему тень должны отбрасывать именно евреи?

– У всех своя тень.

– В вашей творческой биографии есть обращения к еврейской теме. «Закат» по Бабелю, «Шейлок»...

– В моих картинах почему-то евреев играют грузины. В «Закате» великий Рамаз Чхиквадзе играет Менделя Крика. Шейлока – не менее великий Кахи Кавсадзе. Между прочим, Шекспир и Бабель – важнейшие для меня литературные события в детстве. Я рано стал читать то, что другие прочли позже. На одной площадке с нами жили известный в свое время комсомольский писатель Богданов и его жена, очень красивая дама Вера Дмитриевна – вечная ей благодарность за мою начитанность. У нее была фантастическая библиотека. Она меня научила читать в три года. У нее я прочел «все» Дюма, Конан Дойля, Киплинга...

– А Бабель?

– Это другая библиотека. Отец женился на вдове поэта Гусева (это его песня «Полюшко-поле»). У них на даче во Внуково было очень много книг и журналов. Я из довоенных выпусков журнала, который тогда назывался не «Иностранная», а «Интернациональная литература», выковыривал Хемингуэя, Дос Пассоса, Джойса... Был у них и изданный до войны, а после долго запрещенный Бабель – один из самых моих любимых писателей.

Я всегда мечтал сделать фильм «Конармия». Воспринимал этот цикл как эпос и как трагедию еврейского населения. Поход конармии сопровождался дикими погромами. Если параллельно читать дневники Бабеля, там это все написано.

– И у Багрицкого в «Думе про Опанаса» на его Опанасе «шуба с мертвого раввина под Гомелем...

– ...под Гомелем снята»... Но сделать «Конармию» не довелось... Когда режиссер Александр Зельдович предложил мне делать «Закат», я был в восторге. Но он был тогда бурно увлечен постмодернизмом, и кино получилось другим, чем сценарий. Хотя там есть красивые куски, актеры прекрасные, но...

– Притягивает еврейская тема?

– Я никогда не придерживался сугубо еврейской линии в работе, хотя все, что связано с «еврейской темой», это часть моих переживаний. Особенно сейчас.

– Почему сейчас особенно?

– Прежде мы жили в эпоху государственного антисемитизма, но он был скрытым. А когда наступила свобода, он, слава Б-гу, но к несчастью, перестал быть государственным, но стал общедоступным. И тут бессильны и прогресс, и повышение материального уровня, культурного уровня. Так или иначе, с этим приходится сталкиваться...

Во что бы я ни верил, по крови я – еврей. Однако казахское протяжное пение под домбру вдруг действует на меня не менее тревожно и сильно, чем пение еврейское. Или настоящие русские песни, которые я очень люблю. Не знаю, как будет называться готовый фильм, но сценарий назывался «Кипяток». Это кипяток времени, в котором мы все варимся, – все, что людей объединяет и разъединяет... Высказывание, которое я вложил в этот фильм, – не предмет публицистики... Не буду говорить банальных вещей, что Б-г у всех один...

– Это не банальная вещь... Воочию вы увидели Казахстан благодаря этой работе?

– В первый раз приехал в Алматы, когда еще сценария не было, я только о нем думал, соображал, как и чего. Замечательный казахский актер Нуржуман Ихтембаев, который сыграл в фильме главную роль, повез тогда меня к своему старшему брату, фермеру. Он живет в фантастическом месте – Сары-Озек, знаменитом еще и тем, что там происходит действие романа Чингиза Айтматова «Буранный полустанок». Вроде бы в ландшафте, в пейзаже и нет ничего фантастического, но место обладает какой-то магией. Воздух невероятный – там уникальная роза ветров, сходятся воздушные потоки, идущие из разных частей света. И вообще там что-то необъяснимое, древнее, вечное. Побывав там всего два дня, я понял, что знаю, о чем и как писать. Все вдруг как-то сложилось и пошло...

Очень важная тема: Казахстан стал прибежищем, да и спасителем для многих народов. Немцы, татары, корейцы, чечены, евреи, греки, поляки... Всех не перечислить. Туда выкидывали людей как на свалку. Вообще относились к этой земле как к свалке. В том же сорок девятом там было первое испытание атомной бомбы – до сих пор проявляются последствия взрывов. И как отбросы, на эту свалку выкидывались ни в чем не повинные люди – десятками тысяч. Шли и шли эшелоны. На самом деле все было страшнее, чем в нашем фильме. И там была масса незаметных героев человечества. Среди простых людей, казахов.

– В смысле – героев человечности?

– Я называю их все же героями человечества... Казахстан – это спецпереселения. Это люди, лишённые прав. Это лагеря. Один из самых страшных женских лагерей – АЛЖИР – Акмолинский лагерь жен изменников родины. А взрыв атомной бомбы под Семипалатинском в сорок девятом – одно из самых главных событий нашей советской истории. Мировая угроза ради спасения мира. Этим объяснялась необходимость испытаний атомной бомбы. На самом деле все эти взрывы – издевательство не только над человеком, но и над природой. А уж в Казахстане-то над природой поиздевались! Эта тема также злободневна, как тема антисемитизма.

Кадр из фильма «Подарок Сталину» («Кипяток»).

– Вы ощущали в режиссере единомышленника?

– Режиссер Рустем Абдрашев – молодой и очень одаренный. Мы с Рустемом сходились непросто. Он гораздо моложе меня, с другими корнями, биографией. Много понимает по-другому, но он – художник. И это нас объединяет. Сценарий был куплен в тот момент, когда я уже думал, что никогда ничего не будет снято. Сложилось так, что я начинал писать без договора и без денег. Но в какой-то момент – на счастье – возник очень известный в Казахстане меценат, Борис Чердобаев, и дал деньги на картину. Спасибо ему за это. А сопродюсером стала Алия Увальжанова. Алия – новый тип менеджера – страстно влюбленная в кино. Замечательный оператор, Хасан Кадыралиев. Киргиз, сын моего однокурсника по ВГИКу, тоже оператора. А с польской стороны продюсером стал Кшиштоф Занусси. С российской – Рустам Ибрагимбеков. Еще в съемках участвовал Израиль. Картина интернациональная. Роль Сашки играет серьезный, славный мальчик – наполовину еврей, наполовину узбек.

Вот такая история моей работы в казахском кино над фильмом «Подарок Сталину». На этой «территории» многое сошлось – воспоминания, переживания, подробности жизни, и все, что связано с нашей дружбой с Давидом Маркишем.

ПУТИ КАББАЛЫ

На четыре вопроса отвечают: Константин Бурмистров, Ишая Гиссер, Аркадий Ровнер, Александр Фейгин

Аויסע און אונזער און אונз

Что знает современный оголтело летящий мир, оторванный от еврейской религиозной и культурной традиции, об одном из древнейших и закрытых учений? Почему учение это, если каббалу позволительно так назвать, до сих пор порождает массу нелепых слухов и спекуляций? Как просто с энциклопедическим задором выпалить: «Каббала – мистическое течение в иудаизме», сказал – и уже откатился от нее в сторону, в объятия прытких ловцов, вознамерившихся сделать и мир лучше, и самолюбие свое потешить, и финансовые дела обустроить. Может ли мудрость, копившаяся веками, пусть даже в самом усеченном виде, за один нескучный вечерок обжечь истомившуюся домохозяйку, слухом не слыхавшую об Адаме Баал-Шеме, Моше ди Леоне. Вспоминаются публикации в нашем журнале Гилеля Цейтлина «Кто и когда написал “Зоар”?», Хорхе Луис Борхес – и не столько текстами, напрямую связанными с каббалой: «Оправдание каббалы», в той или иной степени «Смерть и Буссоль», лекция «Каббала», – сколько самим отношением писателя к жизни: мир как слово, книга, библиотека, письмена Б-га... Конечно же, «Голем» Майринка и... Вот и запнулся! Пока не встала перед глазами лента Ингмара Бергмана «Фанни и Александр». Мистические еврейские обертона, как бы диссонирующие с общим укладом киношедевра, и раньше казались не случайными, стоило же внимательно прочесть сценарий – открылся еще один «культурный слой» – имени Исаака Якоби, блистательно сыгранного актером Эрландом Юзефсоном. С помощью тайных духовных знаний и своих племянников Аарона и Измаила Якоби одерживает верх над религиозной косностью и жестокостью пастора. Тот самый Якоби, которого прямо называют противным грязным евреем, которым фрекен Эстер пугает Александра и Фанни: «Он ворует детей и пьет их кровь». Старик Исаак Якоби хранит у себя мумию, старинные книги и древние свитки, тысячу самых разнообразных предметов, назначение которых никому не ведомо, как непонятен язык, на котором написаны эти книги и свитки. Измаил Ретжински, «опасный» Измаил, говорит Александру: «Недобрые мысли притягательны. Большинство людей не способны их материализовать, наверное, к счастью для человечества. К тому же все это примитивно, просто варварство! Изготавливают, например, подобие своего недруга и втыкают в это подобие иголки. Довольно нелепый метод, если учесть, каким быстрым и прямым путем способна двигаться недобрая мысль». А добрая – как скоро движется добрая и по какой светоносной колее?

КАББАЛА СЕГОДНЯ – «ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА» ИУДАИЗМА

Константин Бурмистров,

философ, сотрудник Института философии РАН, гл. библиотекарь зала литературы на иврите и идише Российской государственной библиотеки, гл. редактор русско-еврейского историко-литературного альманаха «Параллели»

– Вы не так давно вернулись с конференции, проходившей, если не ошибаюсь, в Нидерландах и посвященной каббале в современном мире. Кто ее участники? Какие вопросы показались вам наиболее актуальными?

– Действительно, летом этого года в Амстердаме состоялась научная конференция «Каббала и современность», в которой приняли участие ведущие исследователи еврейской мистики со всего мира, в том числе профессора Моше Идель (Израиль), Шауль Магид (США), Поль Фентон (Франция) и другие. Это было чисто академическое мероприятие, однако прозвучавшие доклады были непосредственно связаны с тем, что произошло с еврейской мистикой в последние два-три столетия и особенно после второй мировой войны. Как известно, в это время резко возрастает интерес к каббале как в научном сообществе, так и среди ищущих людей, занятых духовными поисками, причем эти люди вовсе не обязательно имеют какое-то отношение к иудаизму. Разумеется, каббала – это учение и комплекс практик, неразрывно связанных с религиозной традицией иудаизма, ее неотъемлемая часть, и занятия каббалой всегда были ограничены достаточно строгими предписаниями – кто, когда, как и для чего может этим заниматься. Вместе с тем в последние века и особенно с возникновением хасидизма во второй половине XVIII века некоторые идеи каббалы, прежде закрытые, становятся достоянием всей еврейской общины; с другой стороны, усиливается проникновение идей каббалы в нееврейскую среду, особенно заметное в учениях разнообразных оккультистских школ. Все это привело к возникновению в последние тридцать-сорок лет различных школ изучения каббалы, точнее – отдельных идей этой мистической традиции, вырванных из контекста иудаизма и приспособленных к восприятию людьми эпохи new age и постмодерна. Эти школы особенно громко заявляют о себе в последние годы, в особенности в США и России. Можно по-разному относиться к этому явлению, явно носящему квазирелигиозный, зачастую сектантский характер, но, на мой взгляд, интерес к каббале привел и ко вполне положительным последствиям: впервые стали изучаться и издаваться тысячи рукописей каббалистических текстов, появляются точные, критические издания основных источников каббалы, в трудах современных ученых раскрывается богатство и многообразие этой интереснейшей мистической традиции... В сущности, можно сказать без преувеличения, что сегодня каббала – это наиболее привлекательная сторона иудаизма, своего рода «визитная карточка» этой религии. При этом каббала начинает привлекать как неевреев, которые теперь лучше знают и с большим уважением относятся к иудаизму (вспомним, что это было совсем не так еще полвека назад), так и евреев, открывающих для себя богатство собственной культурно-религиозной традиции

(интерес к каббале в последнее время возрос даже в ортодоксальных литвацких ешивах в Израиле). Вот, приблизительно, тот комплекс проблем, о которых – обращаясь к различным примерам, вплоть до каббалистических увлечений певицы Мадонны, – говорили участники и гости конференции в Амстердаме. Так выглядит ситуация с каббалой с точки зрения исследователя. Как и всегда, это очень важно – определить ту точку, с которой рассматривается проблема. Так, скажем, с позиции и иудаизма, и христианства, такого явления, как христианская каббала (особый тип интерпретации еврейской мистики в христианской мысли XV–XVIII веков), вообще не существует, потому что ее не может быть! Вместе с тем она существовала, сыграла важную роль в интеллектуальной истории Европы, оставила десятки, если не сотни сочинений, переводов еврейских текстов и тому подобного – и мы их сегодня изучаем. Все эти процессы, происходящие с еврейской мистикой (да и с таковой других религий) в последние два столетия – реальность, непосредственно влияющая не только на современный, во многом уже нерелигиозный мир, но и на сами традиции, эти процессы породившие. Поэтому, на мой взгляд, все это заслуживает тщательного изучения, а от оценок (профанация, сектантство и тому подобное) я бы вообще воздержался.

– Действительно ли исламский суфизм по своей структуре почти повторяет каббалу?

– Я не стал бы ставить вопрос таким образом. Каббала и суфизм – это, прежде всего, эзотерические школы, возникшие в разных религиозных традициях и имеющие весьма несходную историческую судьбу. Но тем интереснее наблюдать значительные, иногда поразительные черты сходства между ними, тем важнее попытаться понять их причины. К сожалению, эта тема до сих пор изучена очень слабо. Как известно, каббалистическое учение складывалось и развивалось преимущественно в мусульманских странах – на территории современной Испании, Северной Африки, на Среднем и Ближнем Востоке, – примерно в то же время, что и суфизм. Как это ни странно, наиболее вероятные случаи взаимного влияния и заимствований затрагивают практические аспекты этих традиций – в частности, это касается практик уединенной медитации и визуализаций Б-жественных имен в форме особых диаграмм, техник мистической каллиграфии или методов доведения до экстаза посредством рыданий, определенного ритмизированного дыхания и поз во время молитвы и тому подобного. Определенное влияние могло быть оказано суфизмом и на каббалистическую теорию. Так, показательным примером может служить школа египетского хасидизма XIII–XVIII веков: основанное сыном Рамбама Авраамом, это движение (тексты которого написаны по-арабски) адаптировало теософию, психологию и этику суфизма и создало своего рода «иудейский суфизм». Вместе с тем я хочу подчеркнуть, что такие контакты и примеры заимствований – явление редкое и маргинальное. В большинстве случаев можно говорить лишь о типологическом сходстве, причина которого, вероятно, кроется в общей природе мистических переживаний и измененных состояний сознания, особенно явно проявляющей себя при сравнении эзотерических школ авраамических религий.

– Экстатическая каббала... Что это такое?

– «Экстатической», или «пророческой», каббалой исследователи называют особую школу каббалы, основоположником которой стал испанский каббалист конца XIII века Авраам Абулафия. Сам он называл свое учение «хохмат а-церуф», «наукой перестановки (букв Б-жественных имен)», или «дереж шемот» («путь имен»), и отделял его от основной школы теософской каббалы, называемой им «дереж сфирот» «путь сфирот». Современный ученый Моше Идель выделяет в каббале особую экстатическую модель, в центре которой лежит идея двекут, «мистического прилепления» к Б-жеству.

Среди адептов этой школы можно назвать самого Авраама Абулафию, его ученика Натана бен Саадью, Ицхака бен Шмуэля из Акко (конец XIII – начало XIV века), в XVI веке ее идеи разделяли Йеуда Альботини, Моше Кордоверо и Хаим Виталь. Целью этой школы было достижение состояния пророчества при помощи особых технических приемов, связанных с комбинированием букв Б-жественных имен (в особенности четырехбуквенного Имени), прежде всего мысленным, практиками визуализации и медитации. В результате выявляется скрытый смысл букв, актуализуется сконцентрированная в них энергия, сама природа человека изменяется и он обретает дар пророчества. Важнейшими для этой школы были также понятия итбодедут (состояние, возникающее в результате особой практики сосредоточения мысли в состоянии уединения) и иштавут (состояние полного бесстрастия). По словам р. Ицхака из Акры, «тот, кто удостоивается тайны общения (с Б-жественным миром), удостоится и тайны бесстрастия, и если он воспринимает эту тайну, то узнает и тайну итбодедут, а как только он познает тайну итбодедут, он приемлет дух Б-жества, а от него – дар пророчества, и будет пророчествовать и предсказывать будущее». Особенно важную роль в этой школе играет язык, а точнее – буквы как элементы, лежащие в основе бытия. Комбинируя и меняя их местами, произнося их определенным образом, каббалист осуществляет трансформацию реальности. Его уже не интересует, как устроен Б-жественный мир и как он был создан (важнейшие темы для обычной, теософской каббалы), главное для него – изменить внутреннюю структуру человека, его души, чтобы подготовить ее ко встрече с Б-гом. В каббале теософской, каббале Зоара, огромное внимание уделяется Торе и познанию ее тайн, в экстатической каббале происходит уничтожение, стирание всякого знания, разрушение слов и смыслов, полное очищение сознания, необходимое для того, чтобы человек мог достигнуть, в сущности, всеведения. Важным моментом является также антиномичность идей этой школы: согласно Абулафии, исполнение признанных в раввинистическом иудаизме ритуалов и норм не имеет значения для достижения высших духовных состояний. Более того, в крайних проявлениях достижение паранормальных состояний могло быть вызвано, в том числе, и антиномичными (то есть нарушающими Закон) техниками. Экстатическая каббала – интереснейшее явление в мире еврейской мистики, привлекающее сегодня наибольший интерес как со стороны ученых, так и со стороны самой широкой публики.

– Можно сказать о каббале, что это явление еще и поэтическое?

– В определенном смысле это так, конечно. Каббала – удивительное учение о языке как первооснове мира и о трансформации мира и человека посредством языка. Каббала и сама построена на очень необычном методе работы с языком – методе, во многом сходном с поэзией. Ключевые понятия для каббалы – символ, метафора, ассоциация. Она насквозь метафорична и наполнена самыми неожиданными аллюзиями и ассоциациями – и в этом похожа на сказки, особенно восточные, на фольклорную традицию, на рассуждения детей, а еще больше – на сновидения... А если говорить о высокой культуре – то именно на поэзию. В европейской культуре эту функцию обнаружения сокровенных, незримых связей и смыслов, существующих за фасадом видимого и общепризнанного, выполняет искусство, прежде всего – поэзия. Но в еврейской культуре, как известно, поэзия всегда занимала очень скромное место, а можно сказать – ее как таковой и не было вовсе, помимо литургической. Поэтому каббала выполняла эту функцию, как бы работая с подсознанием еврейской культуры. Недаром с XVIII века, с эпохи романтизма, именно так ее воспринимают многие европейцы. В последнее время появилось несколько исследований на эту тему, наиболее интересное из них написано немецким ученым Андреасом Кильхером и носит название «Языковая теория каббалы как эстетическая парадигма». Сходным образом понимает ее писатель и семиотик Умберто Эко, а также известный американский литературовед Хэрольд Блум,

назвавший каббалу «коллективным актом психологической защиты тех евреев Средневековья, которые были наделены наиболее ярким воображением, от угрожавших им изнутри преследований и изгнания», а систему сфирот – «рабочей моделью для теории поэтического влияния». Конечно, такой взгляд может вызвать недоумение и даже неодобрение у тех, кто подходит к каббале с позиции нормативного иудаизма, но мне лично он кажется очень плодотворным как еще один способ говорения о каббале – но никоим образом не обучения ее тайнам.

– Не могли бы вы рассказать о молитве шеилат халом («вопросание во сне»), правда ли, что это старинная каббалистическая молитва? В каких случаях ею пользуются каббалисты? Может ли шеилат халом пользоваться просто соблюдающий еврей или эта практика исключительно для посвященных в каббалу?

– Собственно говоря, речь идет об особой практике решения каких-то вопросов или предсказания будущего. Она состоит в том, что перед сном человек, находясь в особом, сосредоточенно-молитвенном состоянии, задает Б-гу некоторый вопрос, ответ на который он предполагает получить во сне. В принципе, это довольно древняя практика, специально к каббале отношения не имеющая. В традиции к таким занятиям всегда было настороженно-отрицательное отношение, особенно если они касаются достижения личной выгоды. Обычным людям делать это не рекомендуется, поскольку это может быть либо бесполезно (но лишь введет в заблуждение), либо опасно. Другое дело, когда к этой практике прибегают благочестивые и ученые люди для решения каких-то важных вопросов, касающихся блага общины и тому подобного. В практической каббале процедура шеилат халом детально разработана и играет важную роль, но здесь мы выходим на более общий вопрос, касающийся роли сновидений, то есть видений, даруемых во сне, в каббалистической традиции. Существовали специальные техники вызывания так называемых пророческих снов (длительный пост в уединенном замкнутом помещении, самоуничтожение, вызывание состояний скорби и рыданий и прочее), сходные с таковыми уже упоминавшихся суфиев, а также в христианской аскетике. В каббале дарованные во снах видения чрезвычайно важны; например, в подобных пророческих или экстатических снах мистики удаивались видения Шхины или восходили в небесные академии, где и получали ответы на волновавшие их вопросы. Среди наиболее известных каббалистов, имевших подобные сны, упомяну р. Шломо Молхо, р. Хаима Виталья и, конечно, р. Ицхака Лурию. Все сказанное имеет отношение к проблеме сна и сновидений в мистике в целом, а шеилат халом – это, что ли, наиболее простая форма ее проявления в каббалистической традиции.

ЗА КАББАЛУ МОЖНО НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ!..

Ишая Гиссер,

раввин, ведущий научный сотрудник Института изучения иудаизма в СНГ, зав. кафедрой иудаики Международного института «XXI век»

– Чем обусловлена разница в написании слова «каббала», как все-таки верно: «кабала» или «каббала»? Почему, к примеру, в издательстве «Гешарим – Мосты культуры» принятая норма написания через два «б», в нашем журнале сначала было принято через одно, а сейчас – вновь через два? Что, по-вашему, символизирует отсутствие устоявшейся нормы написания этого слова в русском языке?

– Тяжело реалисту среди мистиков! Это ничего не символизирует. Проблемы передачи еврейской терминологии связаны с тем, что иудаика на русском языке практически не существовало в трех последних поколениях. А «правильно» или «неправильно» в таких случаях определяется или группой филологов, или частотой употребления. Ну, в крайнем случае, произволом редактора. А что до каббалы, то у меня есть идея, которая наверняка не найдет горячего отклика в сердцах: терминологически разделить тот обильно растиражированный бред, который подразумевают под этим словом неучи и шарлатаны, и святое учение об истинных смыслах Торы. Назвать первое из них «каббалой», а второе – «кабалой». Или наоборот, не принципиально. Как бы было хорошо защитить настоящую каббалу от профанирования уже самим написанием этого слова.

– Соединение каббалы с алхимической символикой породило богатейшую литературу. Как относятся современные соблюдающие евреи, практикующие каббалу, к таким книгам, например, как «Книга Авраама-еврея», популяризованная Никола Фламме, или «Огонь очищающий» Кнорра фон Розенротта? Что думают о розенкрейцеровской каббале, энохианской или суфийской? Эти явления – оккультный опыт, достойный культурологического и исторического внимания, но мало связанный с традиционной каббалой (прошу прощения за тавтологию), или то опыт мистический, в котором классическая каббала, по крайней мере, играла роль истока?

– Современные «соблюдающие евреи», как вы выразились, как правило, просто не знают о существовании таких явлений. Как, к примеру, врачи не обязательно знакомы с практикой шаманов Чукотки. Все дело в терминологической путанице, о которой я уже упоминал: каббала – определенный пласт Устного учения Торы, способ исследования структуры мироздания во всей его полноте через призму ее текста и Откровения, данного через пророков и праведников, высший уровень изучения заповедей Торы. Это вовсе не мистико-эзотерические практики. Упомянутые вами учения и труды представляют несомненный интерес для академического мира, любопытных образованцев и людей с неустоявшейся психикой. Впрочем, для тех, кто честно ищет свой путь постижения истины, это тоже может быть интересно, но полезно – вряд ли.

– Насколько современная традиционная каббала защищена от профанов и людей нечистоплотных, жаждущих наживы за счет этого мистического учения? Какой урон наносит берголайтмановщина современной каббале? По кому в первую очередь бьет?

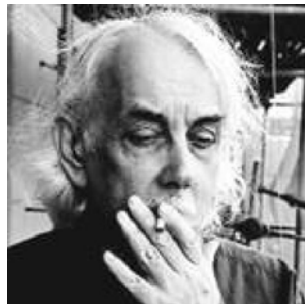
– За каббалу можно не беспокоиться! Она в полном порядке. Есть мудрецы, которые ее изучают и практикуют, есть книги, в которых излагается ее учение. На уровне популярных идей и подходов она используется и изучается сотнями тысяч людей. Как и любая область человеческого знания, профессиональная, серьезная каббала была и остается делом немногих. Опять же, как любая область знания, каббала защищена от

нечистоплотных рук необходимостью отдать многие годы жизни ее изучению. Приложите критерии изучения любой научной дисциплины к каббале, и получите однозначный ответ на первую часть вашего вопроса. Волноваться можно только за людей, искренних и доверчивых. За тех, кто сформирован как личность в нееврейской среде и, не понимая, что он делает, становится легкой добычей проходимцев и серийного маркетинга современного мистицизма. Но, положа руку на сердце, как можно помочь тем, кто «обманываться рад»? С этой точки зрения доморощенные каббалисты ничем не отличаются от поклонников йоги, тантризма, сектантов во всем их многообразии. Моя бабушка говорила: «Там где не лежит кошер, всегда лежит трэф». А по-русски говоря: «Свято место пусто не бывает». Если человек оторван от собственной традиции, то он не останется «tabula rasa» – «чистой доской» – он заполнит внутреннюю пустоту тем, что подвернется ему под руку. Как говаривал мой учитель раввин Штейнзальц: «На пустырях растет только бурьян».

– Блез Паскаль писал: «Евреи привыкли к великим и очевидным чудесам». Когда ортодоксальный еврей практикует каббалу, он чувствует в себе привычку «к великим и очевидным чудесам»?

– Практики и идеи каббалы вплетены в повседневную жизнь любого религиозного еврея. Вся наша литургия и обрядность по сути – каббалистические. А поскольку вся наша жизнь пронизана этим, то и никаких особых переживаний за собой не влечет, в силу обыденности и привычности. Что же происходит с теми немногими мудрецами-каббалистами, кто достиг высоких уровней личной святости и праведности и приобрел глубокие знания в этой области, мне не известно. Поскольку в чужую душу не войдешь.

ОТСУТСТВИЕ ПРОСВЕТЛЕНИЯ ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

Аркадий Ровнер,

поэт, прозаик, эссеист, автор книг по истории русского оккультизма, основоположник Института культуры состояний

– Человеческие языки имеют сходную структуру: наличие гласных и согласных звуков, синтаксическое построение. Это дает основание полагать, что когда-то был один на всех язык. Можно ли в этой связи предположить, что и важный разговор с небом велся поначалу на одном языке? Богатство того или иного языка или, напротив, очевидная скудость его не говорят ли о стремлении их носителей пробиться к истине?

– Вопрос об истоках, сходстве и различиях человеческих языков, а также о семьях языков занимает исследователей не одно тысячелетие. Есть языки, оказавшиеся способными вместить в себя откровение, и есть другие, на которые оказалось возможным перевести эти откровения. Сегодняшние языки – продукты эрозии, которой они

подверглись в последние два-три столетия, – едва ли способны обеспечить их носителей инструментом постижения Истины. Вопрос о современном языке Традиции – открытый вопрос и актуальная задача. Однако подходы к решению этой задачи лежат не только в области лингвистики, прежде всего это дело духовного богатства, если те, кто им обладают, захотят и смогут передать его своим близким.

– У Йеуды Амихая есть стихотворение, в котором говорится о том, как Моисей, увидев лицо Б-га, позабыл его. «Он хотел увидеть, вспомнить лицо Б-га и не мог». Взшел на Синай, разбил скрижали, стер в прах тельца. «И лишь в конце его дней, на горе Нево, Моисея ждало Лицо, и Поцелуй, и Смерть». Простому смертному дано лишь временное просветление, да и оно оказывается столь высокого накала, что становится опасно для жизни, порою даже не одной. Насколько мистические практики способны уберечь человека, спасти не только его, но и других?

– Отсутствие просветления намного опаснее для жизни, и об этом свидетельствуют революции, войны, эпидемии и геноциды последних веков. Никогда раньше они не были столь опустошительны и в материальном, и в нравственном смысле. Произошло сползание человечества к низшим пределам своих возможностей и подчинение его меркантильным интересам низших каст. «Простой смертный» сегодня оказывается намного более опустошенным, чем такой же человек в мире, где сохраняется разумная социальная иерархия, а спонтанное «временное просветление» быстро «затемняется» системой социального предупреждения такого рода «эпидемий». С другой стороны, многообразие доступных сегодня духовных альтернатив также ведет к растерянности и затрудненному выбору, в итоге «простой смертный» остается один на один со слепым обществом и диким государством или примыкает к архаичным религиозным институтам сомнительным спиритуалистическим движениям. Давно назрело время нового высокого духовного синтеза, новой инициативы и отваги, которые, я уверен, единственные (цитирую вас) «способны уберечь человека, спасти не только его, но и других».

– В одном из своих интервью вы сказали: «К сожалению, в современном обществе нет должных условий для духовных практик, но они возможны в среде друзей». Дорога пробивающегося к Истине может ли быть шире его метафизического «Я». Вы верите в коллективное прозрение, в совместное изучение свитка и единовременный прорыв?

– Истина, что бы мы ни называли этим словом, случайно попав в пространство тотального господства низших аффектов и рассудочного мышления, мгновенно превращается в свою противоположность, а духовные практики никуда не ведут, если они не являются частью интегрального пути, основанного на тайном смысле подлинного духовного учения. Буддизм говорит о своих трех жемчужинах: Будде, Дхарме и Сангхе – просветлении, тайном смысле учения и духовной общине. Всякая традиция стоит на этих трех ценностях. Тайный смысл всех учений един, а духовная община – круг эйдотических друзей – создает пространство, где проблески истины в виде особого душевного настроя, особых редких состояний могут сохраняться какое-то время в неискаженном виде. Все великие традиции хранились духовными общинами, никогда не стремившимися «к коллективному прозрению» и «единовременному прорыву».

– В своей лекции «Традиции знания и традиции состояния» вы говорили: «Есть традиции состояния. Есть традиции знания. Все традиции начинаются с состояний. <...> Традиции начинаются как горячие, живые ключи. Заканчиваются – разложением, деградацией, дегенерацией и дроблением... <...> Со временем

происходит подмена высоких состояний невысоким знанием». Можно сказать, что «подмена высоких состояний невысоким знанием» связана еще и с тем, что человек только и делал, что отступал от традиции? Или панрелигиозность способствует вырождению религии?

– Я не удовлетворен знанием, которое опирается на ненадежные постулаты. Я не удовлетворен человеческим умом в его сегодняшней стадии, также как и известными нам метафизиками. Все эти метафизики основаны на пророчествах, противоречащих друг другу. Поэтому нам остается одно из двух: верить одним и не верить другим пророчествам и на этом основании создавать вариант спекулятивного объяснения смысла нашего существования и существования Вселенной или искать более убедительные соображения и новые пророчества. Новые интегральные понятия не дедуцируются из старых – они открываются нашим глубинным «Я» в редких состояниях пробужденности. Меня привлекают высшие состояния. Десять лет назад я создал Школу Состояний, имеющую свои центры в Москве, Париже, Одессе, Вильнюсе... Состояние – это открытость человека тому или иному уровню бытия, тому или совместному пребыванию в общем пространстве. Мы – группа людей, ищущих смысл, борющихся за новые смыслы. У нас нет общей идеологии, застывшей доктрины. Никто никого не подгоняет под одну систему понятий и опыта. В Школе Состояний встречаются и работают люди разных религиозных и иных воззрений, разных духовных практик. У нас сформировалось свое не тесное многонациональное пространство.

ХАСИДИЗМ ДЕЛАЕТ ИЗУЧЕНИЕ КАББАЛЫ БЕЗОПАСНЫМ

Александр Фейгин,

раввин, доктор филологических наук (востоковед), переводчик, главный контент-посланник по образованию Еврейского агентства «Сохнут» в России

– Есть какие-то принципиальные различия между хасидским каббализмом, сефардским и йеменским? Правда ли, что сегодня с помощью учения хасидизма мы имеем относительно понятное изложение системы еврейской каббалы?

– Начну со второй части вопроса. Хасидизм – это не популяризация каббалы, хотя именно в этом учении каббалистическое знание получает наиболее систематизированную и доступную относительно неподготовленному ученику форму. Хасидизм делает изучение каббалы по возможности безопасным. Мы ведь знаем, что мистическое знание может быть опасно для целостности личности. Что касается других каббалистических школ, мне кажется, что обсуждение тонких различий между ними требует изрядной подготовки и невозможно в формате короткого интервью.

– Хорхе Луис Борхес полагал, что учение каббалы возникло раньше, чем *modus operandi* (способ действия), каббалисты испытали влияние гностиков и, будучи связаны с древнееврейской традицией, «изыскивали этот удивительный способ расшифровывать буквы». Как вам такое положение?

– Это типичное высказывание, выдающее полное отсутствие представления о содержании и даже форме учения каббалы. Мысль о том, что каббала занимается расшифровкой букв, подобна утверждению, что медицина – это искусство ставить клизмы. Каббала изучает, точнее, передает и развивает изначальное внечеловеческое знание о Б-ге, мире и человеке. Относительно влияния гностиков: я хожу в двух шапках: ученого и раввина. Как ученый, я могу узнать в вопросе плохо спрятанные уши скучной и почти всегда бесплодной методики поиска: А позаимствовал у В, а тот еще прежде позаимствовал у С. Как раввин, замечу, что каббала изрядно старше гностицизма. Сказанное несколько не умаляет достоинств «Книги вымышленных существ» и, вообще, моего почтения к Борхесу-писателю.

– Недавно в библиотеке нашего журнала случайно наткнулся на открытую книгу, взглянул – хасидские пословицы-поговорки-задачки, иначе не назовешь, как показалось, стимулирующие нерациональное мышление. Они напомнили мне дзенские коаны. Подумал о Джероме Дэвиде Сэлинджере: «А может, не стоило ему, наполовину еврею, ходить так далеко на Восток, чтобы услышать хлопок одной ладони?» И отругал себя по завершении предположения: «Иначе не было бы гениальных “Девяти рассказов” и другой его прозы». Однако вопрос, может ли писатель-иудей воспользоваться каббалой, как Сэлинджер – дзеном, повис в воздухе. Вы не назовете хотя бы несколько имен еврейских писателей, пользовавшихся каббалой в литературных целях?

– Ицхак Башевис Зингер, Шмуэль-Йосеф Агнон – это нобелевские лауреаты, которые вспоминаются с ходу. Кстати, есть интересная книга на иврите, непереуведенная, насколько я знаю, о еврейском не только происхождении, но и культурном бэкграунде Кафки, там тоже есть глава о каббале и хасидизме. Кстати, еврею вовсе не вредно прислушаться к хлопку одной ладони, даже если он раздастся с другого берега реки. Сам я лет десять назад издал сборник переводов суфийской поэзии на иврит. Это первый перевод Руми с персидского на наш язык. Два тиража уже ушли в песок, евреи читают с интересом.

– Что такое «герметическая каббала» и какое отношение она имеет к еврейской? Возможно ли вообще деление каббалы на «еврейскую» и «герметическую»?

– Я не думаю, что два эти явления связаны. Они даже не тезки. Каббала, само слово это, означает предание, бережно передаваемое из поколения в поколение знание, изначальное внешнее для человека. Я полагаю, что Фулканелли ответил бы на этот вопрос иначе. Но я не Фулканелли и потому позволю себе проиллюстрировать свой ответ бородатым еврейским анекдотом о том, что Карл Маркс был экономистом, в отличие от Розы Моисеевны, которая была старшим экономистом. Каббала – часть еврейской мудрости, самая внутренняя и сокровенная. Она не может быть вынесена из здания Торы, как не может рыбка, будучи переселена из реки на дерево, остаться в живых.

Вспоминаются слова Валери, говорившего, что истина/истинное чаще всего принимает какие-то банальные формы, в отличие от заблуждений, которые почти всегда оригинальны и прельщают обилием вариантов. На тернистом пути к Б-гу, встречая множество разного свойства препятствий, люди не раз поддаются искушению сойти с Пути, выбрать что-нибудь пооригинальнее тысячелетних религиозных традиций. Тайные сообщества, мистические учения не спасут ни «рыбку на дереве», ни «человека на асфальте», если он не с Б-гом. В этом смысле у каббалы есть одно несомненное преимущество – и рыбка останется в воде, и человек с Б-гом. Весь вопрос в том, что это будет за каббала и сможет ли человек прельститься неизбежной многовековой банальностью.

ИИСУС ИЗ НАЗАРЕТА В ТРУДАХ ЕВРЕЙСКИХ ИСТОРИКОВ XIX–XX ВЕКОВ

Рִבֵּי הַבַּיִת

Чтобы определить место, которое занимает в современной еврейской историографии тема раннего христианства, необходимо в самых общих чертах указать на специфику того исторического пути, который прошла еврейская историография за почти два тысячелетия христианской эры. Важнейшим рубежом в истории еврейского народа стало разрушение Иерусалимского Храма римлянами в 70 году н. э. Это событие повлекло за собой не только масштабные изменения в социально-политическом статусе евреев, но и в значительной мере изменение ценностных установок в рамках самой религиозной системы иудаизма. Фиксируя этот факт, современные религиоведческие работы выделяют в истории иудаизма два периода: иудаизм до разрушения Храма («религия Израиля») и раввинистический, или «поздний», иудаизм, *spra..t* Judenthum. До сих пор продолжают споры о том, насколько следует противопоставлять эти два периода и насколько радикальный характер носило изменение религиозно-социальных ориентиров еврейства в конце эпохи второго Храма – однако сам факт таких изменений сомнений не вызывает.

Разрушение Иерусалимского Храма. Фрагмент. Франческо Хайес.

1867 год.

Разрушение Храма и последующее становление раввинистического иудаизма внутренне взаимосвязаны со всем комплексом сложнейших и противоречивых событий, имевших место в жизни еврейской общины I века н. э., в том числе и возникновением иудеохристианства – движения последователей Иисуса из Назарета – как одного из многочисленных еврейских религиозных течений. И проблематика еврейской

историографии, в том числе применительно к иудеохристианству, вполне четко укладывается в вышеуказанную концепцию двух периодов. Какие же характерные черты в ее развитии можно назвать?

Религию Израиля всегда отличал ярко выраженный историзм; для каждого последующего поколения евреев положительный и отрицательный опыт их отцов был одинаково важен, поскольку служил фундаментом для формирования ценностных установок настоящего и будущего. Не случайно в последние десятилетия эпохи второго Храма, когда противоречия в еврейской общине достигли наивысшего накала, что выразилось в идеологической конкуренции многочисленных соперничающих течений, наивысшего расцвета достигла и древняя еврейская историография, получившая развитие в рамках самых разных жанров: это библейские исторические книги, произведения Филона, Иосифа Флавия, литература сект ессеяского типа, гностических течений, наконец, материалы, составившие основу новозаветного корпуса.

Вся эта литература была неотделима от иудейской религиозно-культурной традиции. Однако сама традиция претерпела радикальные изменения после разрушения Храма, когда плюрализм и размытость религиозно-ценностных установок были объективно недопустимы и привели бы к размыванию и исчезновению еврейской общины как таковой. Новая ситуация требовала размежевания различных течений внутри иудаизма, закрепления правопреемства на обладание религиозной традицией Израиля за одним из таких течений и вытеснения всех других за пределы иудаизма. Эту задачу удалось выполнить фарисейско-раввинистическому течению, представленному в первую очередь последователями Гилеля. Далее, условия выживания еврейской общины требовали прежде всего жесткой социально-правовой регламентации, и поэтому алахический аспект отбора материалов Устного Закона при составлении Мишны стал определяющим. Кроме того, послевоенный период истории Израиля заключал в себе много сомнительных, с точки зрения главенствующей идеологии, событий (например, кровавые распри в период царствования Хасмонеев), – что требовало от мудрецов-таннаев дифференцированного подхода к историческому наследию как основе выработки необходимых религиозно-социальных ориентиров в изменившихся условиях жизни еврейской общины. В итоге таннаими были сознательно преданы забвению или же реинтерпретированы многие более или менее опасные, с точки зрения их влияния на консолидацию евреев, религиозно-идеологические реалии. Кроме того, еврейская самоцензура стала со временем дополняться цензурой со стороны христианизирующейся Римской империи. Неудивительно, что в этих условиях любые события, связанные с ранним христианством, и прежде всего с фигурой Иисуса, также выпали из исторического рассмотрения – тем более что на ранних стадиях иудеохристианство представляло собой серьезного внутреннего противника для раввинистической идеологии. Последующие столетия, когда евреи представляли собой гонимое меньшинство в христианском мире, а имя Иисуса стало отождествляться со страданиями и смертью, наложили окончательное табу на упоминание этого имени. Помимо редких и довольно неясных упоминаний об Иисусе в Талмуде, исторические события, связанные с его именем, нашли отражение в фольклорном творчестве средневекового еврейства («Толедот Иешу») и в немногочисленных апологетических сочинениях. В период позднего Средневековья ряд крупных еврейских мыслителей (Рамбам, Троки и др.) высказывались об Иисусе в достаточно нейтральном смысле, но опять же систематического освещения эта фигура, как и весь феномен раннего христианства, в еврейской мысли получить не могла.

Эпоха Просвещения стала толчком к эмансипации евреев и способствовала, в том числе, появлению светской еврейской историографии. В XIX веке на усилившийся интерес и внимание последней к феномену раннего христианства повлияли, по-видимому,

и новые тенденции в христианской богословской науке (в частности, труды либеральных протестантских теологов тюбингенской школы): учение Иисуса и идеология раннего христианства все в большей мере стали рассматриваться в контексте иудаизма конца эпохи второго Храма. Интеркультурные процессы привели к определенному изменению стереотипов и в художественном творчестве евреев на рубеже XIX–XX веков, когда в эпоху глобальных потрясений фигура Иисуса и его страданий стала нередко символизировать в идишской культуре обобщенный образ страдающего еврея, а древние христианские архетипы – крест, Голгофа – стали приобретать еврейское содержание.

Все эти обстоятельства привели к тому, что уже начиная с первой половины XIX века стали появляться научные работы об Иисусе и раннем христианстве, где жизнь и деятельность Иисуса рассматриваются как существенная и органическая часть еврейской истории.

А. Гейгер.

Более полутора десятка авторов посвятили свои страницы Иисусу и раннему христианству в XIX веке. Первым еврейским историческим трудом о христианстве можно назвать двухтомное сочинение французского еврейского историка Иосифа Сальвадора «Иисус Христос и его учение: история происхождения Церкви, ее организации и становления в I веке» (1838). Личности Иисуса посвящены страницы трехтомного труда немецкого историка Авраама Гейгера «Иудаизм и его история» (1863). Наконец, Генрих Грец, которого считают отцом еврейской историографии, посвятил Иисусу работу «Синай и Голгофа», впоследствии переработанную в главу третьего тома монументальной «Истории евреев» (1853–1875). В первом издании главу о Христе пришлось изъять из цензурных соображений; она была добавлена во 2-е издание в 1863 году.

Главной чертой работ этих авторов, как и работ их современников, является убежденность в историческом существовании и еврейской принадлежности Иисуса – при том, что это положение оспаривалось рядом немецких христианских ученых, представителей мифологической школы. Большинство из еврейских историков в большей или меньшей степени склонно доверять евангельским повествованиям, не придавая никакой ценности средневековым еврейским изображениям Иисуса (являющимся, по словам Г. Греца, «чудовищным продуктом фантазии»). Авторы относятся к Иисусу без предубеждения: более половины из них цитируют знаменитый пассаж из «Богословско-политического трактата» Спинозы: «Стоит только отказаться от невозможных догматов, и евреи скоро признают Иисуса как великого и благородного пророка!» Немало авторов, в духе Рамбама, отмечают в личности Иисуса пророческие черты: «тот, кто приготовил путь Мессии». Учение Иисуса, целиком или частично, признается ими не выходящим за рамки традиционной еврейской мысли. Но, разумеется, христианские теологические

представления об Иисусе как о Мессии и Богочеловеке однозначно отвергаются и считаются плодом эллинистической мысли. Кроме того, некоторые чудеса Иисуса, рассказы о Рождестве и Воскресении рассматриваются как возникшие в результате влияния эллинистических мистерий и восточных культов.

Но в этот же период начались расхождения в оценках личности и деятельности Иисуса, которые определили круг научных проблем, решаемых последующими поколениями еврейских ученых-историков и во многом близким проблемам христианской библейской науки, в том числе и современной. Так, Сальвадор и Гейгер полагали, что Иисус осознавал себя Мессией и что мессианское самосознание было движущей силой его деятельности. Оба автора полагали, что Иисус не выдвинул ни одного этического принципа, который бы уже не был провозглашен древними пророками или его современниками-мудрецами. Но Сальвадор при этом обнаруживает значительные отличия между общим пафосом фарисейского учения и учения Иисуса: если для фарисеев конечной целью было обеспечить счастливое земное существование людей, при условии непреложного соблюдения нравственно-религиозных принципов, то Иисуса интересовал исключительно религиозно-нравственный аспект жизни в преддверии жизни вечной; он отвергал земные блага и, соответственно, социально-юридические предписания Торы. Это обстоятельство, по мнению Сальвадора, и стало причиной неприятия учения Иисуса большинством евреев.

Гейгер относил Иисуса к фарисеям, близким к кругу галилейских мудрецов-хахамим. Он также полагал, что Иисус на практике придавал меньше значения социально-юридическим предписаниям Торы; однако Гейгер подчеркивает, что Иисус никогда не сомневался в Б-жественном происхождении этих предписаний, которые святы и непреложны. Кроме того, в отличие от фарисеев, Иисус проповедовал бедность и аскетизм, осуждая богатство и комфорт. Однако при этом, считает Гейгер, учение Иисуса не являло собой отказ от фарисейства и тягу к эссеизму и во многом коренилось в тяжелой жизни евреев в условиях римской оккупации. Очевидный вопрос, с которым сталкивались многие еврейские историки, писавшие о раннем христианстве, – что же отличает Иисуса от прочих мудрецов, если он не придумал ничего нового, – Гейгер решает в рамках концепции, получившей впоследствии название «реализованной эсхатологии»: Иисус в своих мессианских притязаниях заявил о «Царстве Божьем», которое он принес с собою. Ученики Иисуса поверили в него как в Мессию и ждали скорого возвращения учителя, однако скоро их вера значительно трансформировалась, заложив основу традиционной христианской христологии. Отметим, что идеи, высказанные Гейгером, довольно близки взглядам многих современных теологов.

Й. Клаузнер.

Иначе оценивали цель и содержание деятельности Иисуса другие еврейские историки. В отличие от Сальвадора и Гейгера, Грец отрицает принадлежность Иисуса к фарисейству; он вообще считает единственным достоверным фактом, который можно почерпнуть из Евангелий, ессеическое происхождение христианства. Грец придает мало значения общеизвестным евангельским эпизодам, уделяя внимание главным образом ессеическому, как он полагает, содержанию проповеди Иоанна Крестителя и деятельности Иакова, брата Иисуса, возглавившего после его смерти Иерусалимскую церковь. Соответственно, самого Иисуса он считает ессеем-аскетом, выдвигавшим радикальные нравственные требования, что в итоге неизбежно привело его к конфликту с еврейским религиозным истеблишментом. Именно из ессеического учения Грец выводит тезисы о любви Иисуса к бедности, общинному владению, неприятию им клятв, исцелению... Вместе с тем Грец отмечает своеобразие учения и поступков Иисуса в сравнении с ессеями: он не старается избегать всего «нечистого», а наоборот, вступает в контакты с «нечистыми» – прокаженными, блудницами; не придает он особого значения и очистительным жертвам, столь важным для ессеев. Однако, как и вышеуказанные авторы, Грец считает, что Иисус никогда не отвергал предписаний Торы; все противоречащие его выводам евангельские тексты он считает поздними добавлениями, сделанными последователями Павла. Решительно утверждая, что Иисус не создал никакого нового учения о Б-ге и не ввел никаких новых нравственных норм, Грец объясняет успех учения Иисуса притягательностью его личности, сравнивая его с Гилелем. Тот, кто уничижительно отзывается об Иисусе, полагает Грец, уничижительно относится и к самому иудаизму, из которого выросло учение Иисуса.

Взгляд, диаметрально противоположный Грецу и Гейгеру, высказали в своих книгах Самуил Хирш, посвятивший Иисусу главу в своей «Религиозной философии евреев» (1843) и М. Фридландер, в частности, в работе «К истории возникновения христианства» (1894). Хирш отрицает мессианские притязания Иисуса и отводит ему роль великого еврейского реформатора. По Фридландеру, Иисус и Иоанн Креститель – «народные пророки» (volkspropheten), представители палестинских апокалиптиков, выражавших чаяния простого народа, «ам-а-арец». Он противопоставляет их учение фарисеизму, которое считает узким и обрядово-мелочным в сравнении с александрийским эллинистическим иудаизмом. Фридландер полагает, что взгляды Иисуса претерпевали изменения в течение его жизни. На первом этапе для Иисуса имело значение соблюдение законов Торы тогда, когда оно было искренним и проникнуто страхом Б-жьем, и он обличает только циничных и лицемерных фарисеев, в духе известных талмудических характеристик семи типов фарисеев. Позднее евангелисты, полагает Фридландер, перенесли критику Иисуса на фарисейство как таковое.

Однако второй период деятельности Иисуса, по Фридландеру, уже отмечен сильным влиянием эллинистического иудаизма. У Иисуса все большее неприятие вызывает буквализм фарисеев, и он склоняется к необходимости замены разветвленной формальной системы предписаний этической системой, близкой палестинским апокалиптикам, Филону и ессеям. Меняется и самосознание Иисуса: если раньше он считал себя последователем Иоанна Крестителя, то теперь он полагает себя Мессией, религиозным реформатором и Спасителем мира. Иисус предельно усилил универсалистский аспект учения древних пророков и спиритуализовал его. Главное значение учения Иисуса состоит, по Фридландеру, в том, что он подчеркивал важность персональных отношений с Б-гом и делал упор на личное благочестие. Иисус обращался с проповедью исключительно к еврейскому миру, но его страшная смерть способствовала распространению учения Иисуса в языческом мире Павлом и его последователями.

Авторы этих и других работ по спектру обсуждаемых научных проблем вполне вписываются в круг библеистов того времени, главным образом немецких протестантских ученых. Практически во всех работах, посвященных Иисусу, разбираются вопросы происхождения и датировки евангельского материала, аутентичности текста, синоптические проблемы. Ими анализируются источники учения Иисуса, его еврейская основа, влияние на Иисуса и евангелистов эллинистических идей, восточных культов, гностических учений. При этом авторы обращаются к работам христианских ученых, соглашаясь с ними или критикуя, но (что представляется очень важным) не с религиозных, а с чисто научных позиций. Однако обратной реакции не последовало: в кругу христианских библеистов эти работы были практически не замечены. Показательно, что Альберт Швейцер в своем обобщающем труде «От Реймаруса до Вреде», посвященном истории библеистики до конца XIX – начала XX века, уделяет И. Сальвадору, опубликовавшему свою книгу почти одновременно с выходом революционной «Жизни Иисуса» Д.Ф. Штрауса и очень близкому по взглядам к последнему, всего несколько строчек и даже фамилию «Сальвадор» пишет с ошибкой (Salvator). Также всего несколько строк в примечаниях Швейцер посвятил и работе выдающегося еврейского историка и филолога Самуила Крауса «Жизнь Иисуса согласно еврейским источникам» (1902), сыгравшей немалую роль в становлении исторической науки о раннем христианстве. Не ставя своей целью воссоздание целостного образа Иисуса и комплекса его религиозных идей, Краус методично исследовал и анализировал на предмет аутентичности все сведения об Иисусе, встречавшиеся в талмудической и раннесредневековой еврейской литературе. Содержащиеся в книге обстоятельные изыскания Крауса, связанные с «Толедот Иешу» и обосновывающие отсутствие исторической ценности последней для исследователей новозаветной эпохи, давно признаны классическими.

Необходимо заметить, что практически все еврейские историки, писавшие об Иисусе, занимали маргинальную, как И. Сальвадор и А. Гейгер, или близкую к таковой общественную позицию в еврейском мире. Это не случайно: как мы уже отмечали ранее, сама фигура Иисуса была для них универсальным символом включенности иудаизма и еврейства в общемировую цивилизацию – то, к чему и стремились радикальные еврейские круги. Однако реформистские течения в иудаизме находились только в процессе становления, и появление трудов евреев-историков об Иисусе оставалось в ортодоксальном еврейском мире либо незамеченным, либо сопровождалось резкой критикой за сам факт их появления. Неудивительно также, что почти все книги об Иисусе были написаны на западноевропейских языках (главным образом, на немецком и английском), – языках образованного еврейства, переживавшего процесс аккультурации.

Эпохальной для еврейской историографии книгой (и по сути, первой серьезной книгой, написанной на иврите) об Иисусе стало исследование Йосефа Клаузнера «Иисус из Назарета», опубликованное в 1922 году в Иерусалиме. Книга предназначалась для еврейского ишува (палестинской еврейской общины) и всем своим пафосом отражала мировоззрение просвещенного еврейского националиста. Однако это обстоятельство не снизило ее научный уровень: в труде Клаузнера подведена черта под многолетними исследованиями еврейских историков, пишущих об Иисусе, и сформулированы их итоги, но одновременно заложены направления всех будущих научных изысканий. Главное ее значение в том, что Клаузнер сделал шаг от либерально-апологетических интерпретаций в сторону полномасштабной исторической критики. Автор широко ссылается в своей книге на талмудические, апокрифические источники, но столь же свободно использует достижения протестантской экзегетики и исторические труды христианских авторов. При этом он четко разделяет поздние и ранние раввинистические писания по их достоверности. По мнению Клаузнера, Иисус – подлинный представитель палестинского

еврейства, цель которого – искупление своего народа. Однако Иисус, считает автор, выхолостил из иудаизма, как цельной религии, некую абстрактную этико-религиозную систему и тем самым нанес вред иудаизму. При этом, с этической точки зрения, учение Иисуса – несомненное достижение еврейской мысли: «Если когда-нибудь придет день, когда этика Назарянина будет очищена от наслоений мифологии, чудес и мистицизма, то книга этики Иисуса станет одним из драгоценнейших сокровищ в литературе Израиля». Книгу резко осудили официальная Католическая церковь, а также многие еврей-ортодоксы: за Клаузнером закрепилось прозвище «защитник Иисуса».

Знакомство. Иисус и еврей. Реувен Рубин.

1919 год.

Наряду с книгой Клаузнера, огромный вклад в процесс сближения еврейских и христианских ученых и, соответственно, развитие еврейской историографии внесли в 1920-х годах два выдающихся еврейских мыслителя – Франц Розенцвейг и Мартин Бубер. Не будучи профессиональными историками, они первыми заявили о самоценности и равном величии «двух образов веры» («Zwei Glaubensweisen» – именно так М. Бубер позже назвал свою книгу, опубликованную в 1950 году), «двух путей» к Б-гу – через иудаизм для евреев и через христианство для неевреев. Оба они отводили Иисусу высокое место в израильской истории веры. Бубер называет Иисуса «великим братом», для которого недостаточно Синайского Откровения, который хочет постичь безусловный радикализм Б-га, утвердить Закон в его первоначальной целостности. По Розенцвейгу, иудаизм и христианство равно истинны для своих последователей, но будут превзойдены абсолютной истиной в конце времен. Если евреи уже с Отцом, то неевреи могут прийти к Отцу только через Иисуса (утверждение, центральное и для традиционной христианской теологии – с тем отличием, что последняя видит и для евреев необходимость принять христианство).

В целом труды ведущих современных еврейских историков, анализирующих период раннего христианства, занимают важное место в научно-исторической литературе – прежде всего благодаря сбалансированному подходу, сочетающему детальный анализ

еврейских источников (недоступный многим христианским исследователям) и использование современных методов историко-филологического анализа. Этот подход отличает значительно большее доверие к евангельскому материалу, чем для представителей протестантской «керигматической» теологии школы Бульмана–Дибелиуса. Вместе с тем такой подход отличается критичностью и отсутствием теологической предубежденности – чего порой очень не хватает многим конфессионально ориентированным исследователям-историкам, представляющим другие христианские конфессии. В настоящее время уже можно говорить о сложившихся школах еврейских ученых-новозаветников (например, в Иерусалимском и Оксфордском университетах), которые плодотворно сотрудничают с либеральными христианскими историками: фактор конфессионально-религиозной принадлежности в таком сотрудничестве практически исчезает, уступая место задачам чисто научного поиска.

Вы читали? Из нашей почты // 2008, № 1

Реакция. Как же похож Леонид Коваль из Юрмалы на писавшего уже когда-то в «Лехаим» Керпеля, гражданина, советовавшего всем нашим собратьям не высовываться, жить тихо-тихо, чтобы, не дай Б-г, не стать шутами. Да сколько ж можно?! Просто какая-то «карающая гильотина» получается, которую мы зачем-то прочим сами себе вновь и вновь!

Леонид Коваль кажется неуравновешенным человеком. К тому же он не понял и одной десятой части Священного Писания. Пошел каким-то «своим путем», создал, как представляется, какие-то ему одному ведомые границы... Не веруя ни во что и решая за Б-га, Коваль тем самым становится разрушителем веры.

Мы благодарим раввина Ишаю Гиссера за его исчерпывающий и предельно компетентный ответ. Компетентность – то качество, которое нам остро необходимо сейчас, чтобы помочь понять таким, как Л. Коваль, что мы были всегда и будем всегда ближе на ступеньку к Б-гу, нежели остальные.

В нашем народе – огромные способности, многовековой опыт и, наконец, – вера в единого Б-га. Вот отличительные черты, которые делают нас евреями, то, что будет светить вечно. И со светом этим мы всегда будем Б-жьим народом.

И вовсе это не порочная мысль, как кажется Ковалю. И нет тут никакой боли вовсе, о которой он пишет. Скорее наоборот – больно за подобные письма. Больно, что встречаются среди наших людей такие, как Леонид Коваль и гражданин Керпель. Где ваша гордость за свой народ? Вы, господин Коваль, просто лишаетесь здравого смысла, когда постоянно сомневаетесь в собственной способности быть свободным и действовать раскрепощенно. О какой физической боли Вы пишете, если словами своими делаете больно другим? Вы полны ядовитого сарказма, и сарказмом своим раните в самое сердце тех, кто верит в Машиаха, в святость Торы и нашего народа. Образумьтесь, поймите наконец его исключительность, вместо того чтобы отстраняться.

Это, должно быть, потому, что Вы малообщительны или общаетесь не с теми.

Как объяснить слепому, что такое слон? Но все же хотелось бы Вас переубедить. Любой человек, решая важные задачи, в своем развитии неизбежно проходит ряд этапов. Надо накопить и усвоить жизненный опыт, правильно обучаться – обучаться по-еврейски. Найти себя и духовно быть с Творцом. Это достойно. Это важно.

Наי וי אדי סו אעי-י איעאיעעו,

י אכ אדאודא

Вы читали? Адин Штейнзальц. Авраамические религии: возможен ли диалог? // 2008, № 2

Реакция. Меня несколько удивило и покорило то место, в котором раввин Штейнзальц говорит об иудаизме как «собственно говоря, не очень-то и религии», но «смеси религиозного, национального и семейного...». Это как же?! Или тут какой-то подвох, или скрытый парадокс, или я отказываюсь понимать раввина. Если иудаизм не религия, то что тогда религия? Если бы иудаизм был только смесью учения,

национального и семейного, разве вышли бы из него христианство и ислам, о возможности диалога с которыми ведется беседа? Есть у меня и еще один вопрос к раввину. Неужели для того, чтобы хоть на время остановить кровавую бойню, затевая диалог между авраамическими религиями, необходимо обладать массивом знаний об иудаизме, равным нескольким Библиотекам имени Ленина? А что, если меньше – уже нельзя? Мотивация будет иной? В подобной ситуации христианин потребует глубоких христианских знаний, мусульманин – феноменального знания Корана и бесконечных комментариев к нему...

Ñ. Oàõí îâè÷,

Î îñèà

Мода на рынке»

Из цикла «Место для жизни – квартирные рассказы»

Бעֵי אֵיִאָד

На вопрос, как дела, Моти неизменно и вполне искренне отвечал – идут. И не только из врожденного оптимизма – экономический спад, который терзал в ту пору нашу страну наряду с террористическими актами арабских самоубийц, затронул его мало. Для своей небольшой одежной лавки на рынке, которая так и называлась – «Мода на Рынке», он безошибочно закупал такой товар, который полностью отвечал вкусам и запросам обитателей рыночного квартала и тех, кто приходил на рынок. А продавал недорого, наценку делал минимальную, брал количеством. Он был умелый торговец, знал, когда сделать скидку, когда дать в кредит, когда пошутить с покупательницей. Барыши были нежирные, зато постоянные.

А раньше дела его шли еще лучше, и за годы Моти сумел не только обеспечить семью, но и подкопить кое-что. У него и бумаг был небольшой пакет, и участок земли в промышленном районе на окраине, и хорошая квартира. Поэтому теперь он сидел в своей лавке не столько по необходимости, сколько по привычке и из чувства торговой чести. Да и что бы он делал, куда бы пошел, если не в лавку? Жена три года назад скончалась от внезапной сердечной болезни, дети были взрослые, обученные и обеспеченные, все они любили и уважали Моти и жили близко, но сильно заняты были своими делами и семьями. А в лавке народ, среди покупателей бывают знакомые, можно перекинуться словечком, узнать местные новости. А нет никого – тоже хорошо, можно почитать газету, а то и книжку, Моти это любил. Любил он и развлечься, в ресторан там, или на природу выехать на шашлыки, или к морю, а то и в Турцию с компанией махнуть на недельку. Но без пары, даже если с компанией, это было как-то не так, все время чего-то не хватало.

Пропосту говоря, женщины. Конечно, женщину найти было нетрудно, вдов и разведенков кругом было в достатке, но, прожив много лет с красивой и веселой женой, Моти стал переборчив.

Он давно уже поглядывал на светлокожих, полных, не по-здешнему тщательно одетых женщин, во множестве наехавших вдруг из России некоторое время назад. У них даже походка была другая, не разболтанная, аккуратная. Еврейки они или нет, было не очень ясно, но это и неважно. Если не еврейки, даже интереснее. Моти никогда не имел дела с нееврейской женщиной, и это манило. Но пока была жена, это была так, фантазия, а теперь хотелось эту фантазию осуществить.

Женщины эти нередко заходили и в его лавку. Моти пытался с ними заигрывать, но безуспешно. На его шутки они то ли не умели, то ли не хотели отвечать, может, и не понимали их, а только смотрели на Моти с обидным удивлением и подозрением, а товары его щупали, как ему казалось, с насмешкой. Однако покупали. Впрочем, со временем они стали понимать лучше, и одна или две отшили его незаслуженно грубо.

– Ты что, – сказала ему одна, которой он сделал особенно цветистый комплимент, – так и поверил, что все русские женщины – бляди? Не возбуждайся, дедок, не обломится.

А он ничего такого и не думал и надеялся только, что эти женщины немного помягче здешних. Странно. Он когда-то читал один русский роман, там женщины были задумчивые, деликатные, говорили своим мужчинам много чувствительных слов и готовы были ради них на все.

Да и какой же он дедок? Шестидесяти нет, в самом соку. Может, их моя борода пугает, подумал он. Бороду он отпустил ради зубов, чтобы прикрывать их, как-то лень было чинить. Но в бороде было уже много седины, она его не украшала, а старила. Моти пошел и подправил зубы, а бороду сбрил и сразу помолодел на десять лет.

– Эх, Матитьяу, и чего тебе неймется? – говорил ему Михаэль, тоже из приезжих, с которым они немного подружились. Он один так называл Моти, говорил, жалко портить такое роскошное имя. – Чего ты с нашими русскими бабами потерял? Ищи среди своих, лучше будет.

– Хочется, – упрямо отвечал Моти. – Что-то в них такое есть, другое...

– Чего другое? Что у них, груди на спине или волосы на пятках? Небось блондинки нравятся, так ведь тоже крашенные.

– Есть и некрашенные...

– Да хоть и некрашенные, все равно. Другое в них только одно – ментальность. Ментальность, предупреждаю, совсем другая. Смотри, нагреешься!

– Э, ментальность. В койке справлюсь, так и ментальность пропадет.

– Да и в койке...

Но Моти не слушал приятеля и продолжал свои попытки. Наконец он преуспел.

Женщина, правда, была не иммигрантка, а приехала сюда как туристка и нелегально осталась на заработки. Зато уж настоящая русская, Инесса. Из маленького

городка в Белоруссии, но это ведь все равно. И образованная, врач, уж очень их там, в Белоруссии, нищета замучила. Она, например, рассказывала, что за десять тысяч долларов там можно купить четырехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Все-таки в малоразвитой стране есть свои преимущества! Вот она и приехала зарабатывать на квартиру недавно женившемуся сыну. Но это ей долго придется тут кантоваться, на уборке не разбогатеешь.

В этой женщине Моти нашел все, что искал. Правда, хотелось чуть помоложе, ей было уже под пятьдесят, но живая, ласковая и нетребовательная. Общаться было трудновато, приходилось по-английски, который оба знали слабо, но и в этом была своя прелесть – у них очень скоро появились свои условные жесты и интимные гримасы, ломаные английские выражения, бессмысленные для других, но понятные и смешные им обоим.

И детям она понравилась, была в меру общительна, в меру стеснительна, лишнего не молчала и лишнего не говорила. Она с радостью принимала участие в семейных и религиозных праздниках, с необидным любопытством расспрашивала про незнакомые ритуалы и обычаи. И внукам понравилась, особенно маленьким, которым показала несколько занятных игр и сама с ними играла. Внуки-подростки наперебой учили ее ивриту, она стала понемногу его осваивать. А старики ценили, что с ней можно посоветоваться насчет болезней. Короче, все обширное марокканское семейство Моти приняло ее с симпатией.

И Моти, который завел этот роман больше из любопытства, чувствовал, что начинает всерьез привязываться к этой Инессе, да и она к нему тоже. Они уже полгода жили вместе, Моти был доволен, что она экономит свои квартирные деньги, и на хозяйство давал ей не скупясь. А она быстро и ловко наладила это хозяйство, начала было кормить Моти незнакомыми блюдами, но увидела, что он не в восторге, и тут же стала учиться готовить, как ему надо. Он из благодарности ел, хотя поначалу выходило не очень. В своей лавке он разрешил ей брать, что она захочет, и в рестораны водил, и на шашлык с приятелями возил, и всем она понравилась. Только в Турцию не съездили, Инессе нельзя было выезжать за пределы страны, потому что она находилась тут незаконно и обратно бы уже не пустили.

Она продолжала убирать чужие дома и посылала теперь сыну все заработанные деньги. И Моти ни слова не говорил, никогда даже не спрашивал, сколько она посылает. Наоборот, он нашел ей очень хорошее место в большой и богатой вилле, где платили по самым высоким расценкам и прямо в долларах, хотя и понимал, что тем самым приближает момент ее отъезда.

– И пусть едет! – убеждал его приятель Михаэль. – Я бы на твоём месте даже из своих подкинул, сколько ей недостает, и пусть уезжает скорее. Ты свое получил? Ее не обидел? Ну и не порти впечатления. Покушал сладкого – и отвали от стола, пока не затошнило.

Моти и сам знал, что надо. Но легко сказать, когда он уже так привязался. А Инесса все чаще упоминала сына, и квартиру, которую тот уже подыскал, и как скучно теперь ей будет дома без сына.

– А здесь тебе тоже скучно? – спросил Моти.

– Без сына? Конечно, скучно. Но тут у меня был ты.

– Был?

– Очень скоро будет «был». Меня вон полиция на той неделе чуть-чуть не застукала. Спасибо, хозяйева сказали, не знают, где я живу. Ох, Мотинька, сердце мое, недолго нам с тобой осталось... Может, в гости когда-нибудь приедешь...

И Моти не выдержал, предложил жениться. Инесса заплакала, сказала, что и надеялась и не надеялась, сказала, что ей страшно... А Моти было страшно только отпустить ее навсегда, а так чего страшно, он уже хорошо ее знал.

– Не знаешь ты ее и не можешь знать, – уверял его русский приятель Михаэль.
– Куда спешишь? Жалко расставаться? Она же сама говорит, захочешь – съездишь к ней когда-нибудь, повидаетесь. Ей страшно, а тебе нет? Эй, Матитьяу, наплачешься!

– Еще бы ей не страшно, страну свою бросить, сына, язык. А мне что?

– А то, что ментальности ее ты не знаешь. А она твоей.

– Знаю, знаю, ментальность у нее самая приятная, всем нравится.

Перед самой поездкой в Минск для оформления брака Моти, как положено, составил у адвоката свадебное имущественное соглашение. И все ей, разумеется, подробно объяснил. Он обязуется полностью обеспечить жену, предоставить ей жилье в своей квартире и вообще все, что необходимо для жизни. В случае его смерти все нажитое им до нее, включая квартиру, отходит, естественно, детям и внукам, на это она не претендует. С тем, однако, что проживание в квартире предоставляется ей пожизненно. Плюс он оставляет за ней право открыть отдельный банковский счет, куда будут поступать все заработанные ею деньги, и это будут ее собственные деньги, его это не касается. Да еще, если он умрет, от него ей десять тысяч долларов. Но я собираюсь жить с тобой долго и счастливо, закончил он, и протянул ей на подпись оба экземпляра бумаги.

– Ты, значит, обязуешься меня содержать? – спросила она с выражением, которого Моти не понял и не обратил внимания.

– Как царицу! – весело воскликнул он.

И она подписала, и они съездили в Минск, с ними поехали трое сыновей Моти с женами, дочка с мужем и два старших внука. Там они красиво, с цветами и шампанским, отпраздновали свадьбу, на которую созвали из разных мест десятка полтора родственников Инессы, и почти всем им Моти оплатил дорогу, да и за свадьбу уж, конечно, не родня Инессина платила. Моти видел новокупленную квартиру ее сына и одобрил, а в подарок сыну купил и сам приладил везде блестящие импортные краны и дверные ручки.

– Ну и где же твоя молодая? – спросил его приятель Михаэль, когда он с детьми и внуками вернулся домой.

– Скоро приедет, осталась документы оформлять.

– А на что побьемся, что не приедет?

– Спятил ты, что ли? – засмеялся Моти. – Ну что я с тебя возьму? На что хочешь.

– На сто долларов?

– Что так мало? Давай уж на тысячу!

– Да хоть на сто тысяч.

– Брось ты, не дури. Как это – не приедет?

– А вот так. Ладно, давай на бутылку, – сказал Михаэль. Вспомнил, что имеет дело с израильтянином, и уточнил: – Водки. Только импортной.

А через неделю Моти получил от Инессы письмо. На таком английском, что пришлось просить сына, чтоб помог перевести. Сложные, длинные фразы и много длинных слов. Видно, и ей кто-то помогал писать. Начиналось оно хорошо: «Мотинька, сердце мое золотое, как я по тебе скучаю...» Но дальше шло такое, что понять это было никак нельзя, не помогал и перевод. И только в конце стояло отчетливо: «...пишу и плачу. Прощай навсегда, мой дорогой и незабвенный, прощай, мой царь Соломон премудрый...»

Русскому Михаэлю очень хотелось позлорадствовать над приятелем и требовать с него бутылку, но он видел, что тот совершенно убит, и стал его утешать:

– Да это все ментальность, я же тебе говорил.

– Нет, невозможно ничего понять! Ты себе, пишет, содержанку покупал, домработницу нанимал, а не жену брал любимую! Ты меня, пишет, оскорбил до глубины души! Да если б я содержанку покупал, я бы себе помоложе нашел и получше!

– погоди, она еще одумается...

– Да я видеть ее не хочу! Чем это я ее оскорбил? Это она меня оскорбила до глубины души! Уж кажется, ничего не жалел, голую-босую ее взял, все обязался ей обеспечить, за подписью и печатью...

– Э, да вы соглашение подписывали, – догадался Михаэль.

– А как же!

– Ну, вот тебе и причина.

– И там все обговорено так, что лучше ей и желать нельзя, да чего, даже в церковь разрешил ходить, просил только Иисуса своего не вносить в дом...

– У нас так не привыкли. У нас, – ухмыльнулся Михаэль, – когда любовь, про деньги не говорят.

– Да она так и пишет! Ты, мол, вырос среди людей, для которых деньги самое главное, а я не так... это, по-моему, уже антисемитизмом пахнет! Зачем же она тогда подписывала?

– А бумага по-английски? Ты ей копию дал?

– Конечно, дал. По-английски.

– М-м... А кому после смерти все завещал?

– Нет, зачем она тогда брак оформляла, ты можешь это объяснить? Голову мне морочила, в такие расходы ввела? Да хрен с ними, с деньгами, еще дешево отделался... Кому завещал? Детям, понятно. Что без нее наживал, ясное дело, должно отойти моим детям и внукам. Ведь не ее же сыну! Думаешь, из-за этого?

– Может, и из-за этого, а может, вообще, почитала на досуге, вникла и пришла к выводу.

– Она, главное, из-за квартиры больше всего. Ты меня, пишет, в случае твоей смерти даже жилья лишаешь, как собаку. А какое лишаю, когда сказано – живи пожизненно.

– То есть ни продать, ни обменять, ни съехать. Привязываешь ее к этой квартире навек.

– Да где же привязываю? Захочет – пусть съезжает! Я же ей выделяю десять тысяч, а за десять тысяч у них там четырехкомнатную квартиру можно купить! Снилось ей такое?

– Да вряд ли.

– И мало того. Прислала это письмо, а теперь телефон обрывает: Мотинька, ты меня не понял, я тебя не поняла, люблю, хочу, давай поговорим...

– Во-во, ты ее не понял, она тебя не поняла...

– Это что же такое, сегодня сюда, завтра туда, послезавтра опять обратно... Можно с такой жить?

– Как тебе сказать. Трудно, но можно, кто привык к ментальности. А тебя я предупреждал.

– Нет, мне мой покой дороже. Это же в любой момент она опять чего-нибудь... Я не мальчишка, чтоб вечно такие переживания.

– Мен-галь-ность!

– А по-моему, это просто лицемерие. Вы, мол, евреи, о деньгах очень заботитесь, а нам, русским, даже говорить об этом неприлично, не то что соглашение подписывать. А на самом деле как раз...

– Ну так это же и есть ментальность.

– Значит, в этом она и заключается?

– И в этом, и еще много чего.

Но Моти про «много чего» знать уже не хотел.

– Что ж ты мне раньше не объяснил? Не ментальность это, а просто антисемитизм.

И два еврея, марокканский и русский, согласились, что, может, так оно и есть.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УВЛЕКСЯ ЙОГОЙ

Окончание. Начало в № 2, 3, 2008

Ī īdī āī Ī āēēād

Сэм прав. Фильм заставил его осознать их мелкотравчатость донельзя остро. И пока они – щеки у них разгорелись, глаза чуть не выскакивают из орбит – накидываются на бутерброды с ветчиной, салями и языком, Сэм ну их поддевать.

– Рослин, – окликает он ее, – как там лампа, уже остыла или еще нет?

Рослин не отвечает: она поперхнулась пивом, лицо ее каменеет, и чтобы ее не подняли на смех, смеется первой.

– Пап, ну а нервничать-то чего? – спешит вмешаться Элинор.

Начинается обсуждение фильма. Интеллектуалы как-никак, они должны показать, что хоть и унизились до его уровня, понимают, что почему. Кто-то заговаривает об актерах, спор снова разгорается.

– Я отказываюсь понимать, – говорит Луиза, – почему, по-вашему, трудно определить, кто они. Порнографией, как правило, занимаются уголовники и проститутки.

– А вот и нет, рядовая проститутка на такое не пойдет, – не сдается Сэм. – Тут нужен особый склад личности.

– Для такого дела требуются эксгибиционисты, – говорит Элинор.

– Все упирается в экономику, – гнет свою линию Луиза.

– Интересно, что они чувствуют, эти девицы? – вопрошает Рослин. – Мне было их жаль.

– А мне хотелось бы быть оператором, – говорит Алан.

– А мне – Фрэнки, – меланхолически роняет Марвин.

Долго тянуться такой разговор не может. Шутки смолкают. Все едят. Когда же разговор снова завязывается, он переходит на другие темы. С каждым проглоченным куском возбуждение от фильма мало-помалу иссякает. Они судачат: перебирают, кто из холостяков на вчерашнем сборище за кем приударял, кто надрался, кого выворотило, кто что сморозил, кто ушел с чужой девушкой. Когда эти темы исчерпаны, кто-то упоминает пьесу, но ее никто не видел. И вот они уже заговорили о книгах, концертах, моноспектакле актера, с которым приятельствуют. Разговор, как и положено, проходит

свой круг. Мужчины рассуждают о политике, женщины тем временем толкуют о модах, школах с передовыми методами обучения, обмениваются рецептами блюд. Сэму не по себе: он знает, что Элинор такое разделение рассердит, она будет обвинять мужчин в предвзятости, в глубинном презрении к женскому интеллекту.

– Но ты же присоединилась к ним, – обороняется Сэм. – Никто не заставлял тебя сидеть с ними.

– Я что, могла оставить их одних? – парирует его выпад Элинор.

– Пусть так, но почему женщины всегда сбиваются в кучку?

– А потому что мужчинам их разговоры не интересны.

Сэм вздыхает. Он говорил с подъемом, но на самом деле он заскучал. Люди они славные, приятные, думает он, но ужас до чего заурядные, и сколько же лет он провел среди таких вот людей, перебрасываясь плоскими шуточками, обмениваясь плоскими сплетнями, живя плоскими будничными интересами, в этом узком кругу, где каждый пестует другого самым фактом своего присутствия. Вот она – колыбель среднего класса, к такому выводу, как ни горько, приходит Сэм. Настроение у него испорчено. Все, что ни возьми, не дает удовлетворения.

Алан присоседился к женщинам. Он обожает потчевать друзей затейливыми блюдами своего приготовления, и сейчас он делится с Элинор рецептом оладушек с черникой. Марвин подсаживается к Сэму.

– Я вот что хотел тебе сказать, – говорит он. – История Алана мне кое о чем напомнила. На днях я встретил Джерри О’Шонесси.

– Где он сейчас?

Марвин отвечает не сразу.

– Сэм, я ошеломлен. Он на Бауэри^[1]. По всей видимости, спился.

– Он всегда был не дурак выпить, – говорит Сэм.

– Угу. – Марвин трещит костяшками пальцев. – В какое гнусное время мы живем, Сэм.

– По-видимому, такое же время переживала Россия после 1905 года, – говорит Сэм.

– Однако у нас революционной партии оно не породит.

– Нет, – говорит Сэм, – у нас оно ничего не породит.

Мысли его заняты Джерри О’Шонесси. Как он выглядел? Что говорил? Сэм расспрашивает Марвина, цокает языком: картина неутешительная. Он тоже ошеломлен. Придвигается поближе к Марвину: как-никак их многое связывает. Что ни говори, столько всего было прожито вместе. В тридцатые оба были членами Компартии, нынче обоим политика опостылела, и хотя оба все еще числят себя радикалами, прежний пыл угас, цель утеряна.

– Для меня Джерри был героем, – говорит Сэм.

– Для всех для нас, – говорит Марвин.

Легендарный Джерри О’Шонесси, думает Сэм. Партийный кумир прежних дней. Все они вышли из среднего класса, и герой из рабочих был им позарез необходим.

Должен сказать, у меня, в отличие от Сэма, Джерри О’Шонесси никогда особого восторга не вызывал. Я считал его показушником, донельзя самодовольным. Сэм же с его зажатостью, жадной путешествий, приключений и романов не мог не преклоняться перед О’Шонесси. Во всяком случае, успехами Джерри Сэм восхищался.

Бедняга Джерри, скатился на дно – какой конец! А ведь чем только он не занимался. И охотничал на Аляске, и шоферил у гангстеров, и воевал в Иностранном легионе, и верховодил в профсоюзах. Нос перебит, подбородок в шрамах. Когда он рассказывал, как был моряком или воевал в Испании, стенографистки и швейники, радиожурналисты и актеры не у дел слушали его развесив уши, точно провозвестника новой романтики, и кровь у них кипела – так завораживали его революционные пророчества. Неслыханного обаяния человек. В ту пору его любовь к себе легко сходила за любовь к угнетенным массам.

– А я думал, он по-прежнему в партии, – говорил Сэм.

– Да нет, – говорит Марвин. – Помнится, его вышибли из партии пару лет назад. По-видимому, он тырил по мелочам партийные деньги, так, во всяком случае, говорили.

– Жаль, что он не стянул их кубышку. – В голосе Сэма горечь. – Сколько лет они его употребляли почем зря.

Марвин пожимает плечами.

– Еще надо определить, кто кого употреблял. – Усы его совсем обвисли. – Дай-ка я тебе расскажу о Сондерсоне. Вот он так и не вышел из партии. Самый передовой дантист в Нью-Йорке.

Оба смеются.

Пока Марвин повествует о Сондерсоне, мысли Сэма витают далеко. С тех пор как Сэм вышел из партии, он много чего прочел. И может много чего рассказать о концлагерях, тайной слежке, политических казнях, московских процессах, эксплуатации трудящихся в СССР, привилегиях бюрократии – все это его мучит. Из-за утраты страны, которую он никогда не видел, и неприятия страны, в которой живет, он впал в раздрай.

–Теперь видно, какой ужас эта наша партия, – вырывается у него.

Марвин кивает. Они пытаются уразуметь, почему между знакомыми им членами партии, попеременно то жалкими, то симпатичными, то неприятными людьми, мало чем от них отличающимися, и масштабной логикой истории, оборачивающейся бесчисленными смертями, – такая пропасть.

– Все это шизофрения, – говорит Сэм. – Современная жизнь шизофренична.

Марвин согласен. Они не раз единодушно приходили к такому выводу и, хотя им самим наскучило их нытье, тем не менее они находят утешение в этих жалобах. Марвин спрашивает Сэма: не бросил ли он работу над романом, Сэм отвечает: «Временно». Ему не удастся найти форму, объясняет он. Писать реалистический роман он не хочет: реальная жизнь уже не реалистична.

– Я сам не понимаю, в чем дело, – говорит Сэм. – Если честно, я, сдаюсь мне, дурачу сам себя. Мне никогда не закончить роман. Я просто тешу себя мыслью, что когда-нибудь напишу что-нибудь стоящее.

И так они и сидят – в унынии дружеская поддержка необходима. Разговор иссяк. Алан и женщины тоже замолчали.

– Марвин, – спрашивает Луиза, – который час?

Все собрались уходить. И Сэму – ничего не попишешь – вместо того, чтобы подобраться к цели окольным путем, приходится идти напролом:

– Я что хотел спросить, – шепчет он Росману, – ты не против, если я задержу фильм на день-другой?

Марвин смотрит на него.

– О чем речь, Сэм, да ради Б-га. – Голос у него скорбный. – Я что, не понимаю. – И треплет Сэма по плечу в знак того, что передает ему право собственности. Они ощущают себя заговорщиками.

– Если тебе понадобится проектор... – предлагает Сэм.

– Да нет, – говорит Марвин. – Это мало что изменит.

5.

День, что ни говори, был хуже не придумаешь. Сэм и Элино́р прибираются: выбрасывают окурки из пепельниц, моют немногочисленные тарелки; они недовольны, как собой, так и друг другом.

– Пустая трата времени, – бросает Элино́р, и Сэм не может не согласиться.

Он ничего не написал, проторчал весь день дома, и вот уже и вечер наступил, а он слишком много трепал языком, слишком много ел, к тому же просмотр фильма его разбередил. Он знает: перед тем, как лечь спать, они с Элино́р посмотрят его еще раз: Элино́р дала согласие. Но, как часто в последнее время случается с Сэмом, предвкушение близости не приносит радости. Как знать, будет Элино́р в настроении или нет – от него тут ничего не зависит. И это угнетает; Сэм знает, что он, как водится, будет виться вокруг Элино́р, точно нашкодивший пес. Но обижайся не обижайся он на нее, сердись не сердись на себя, существенно он ничего изменить не может. В такие моменты память язвит их своим жалом. Ведь так было не всегда. Когда они поженились, да и в те полгода, что до женитьбы прожили вместе, все было иначе. Их тянуло друг к другу, и каждый говорил другому – слегка преувеличивая, но не кривя душой, – что ни с кем еще ему не было так хорошо.

Я, сдаётся мне, романтик. Я всегда считал, что нет лучшего времени в жизни человека. В конце концов, нам так мало чего удастся достичь, а это короткое время, когда нас любят, когда мы одерживаем любовные победы, даёт нам блаженное сознание своей силы. В эту пору нас крайне редко занимает, что мы так мало значим: так много мы значим. В случае Сэма разочарование было особо тяжким. Как и многие молодые люди, он втайне мнил себя любовником хоть куда и тешил тем свою гордость. В это трудно верить, если в то же время – тоже втайне – не пребывать в убеждении, что любовник ты никудышный. И, что бы там ни говорил Сергиус, та самооценка более волнующая и оттого более лестная, чем тот трезвый взгляд, с которым Сэм по зрелом размышлении вынужден согласиться: мужчина в постели полностью зависит от великодушия женщины. Как я уже сказал, Сэм этот взгляд разделяет: ведь как-никак он свидетельствует о зрелости; однако в глубине души, пусть и замороченной психоанализом, не может избыть обиду на Элино́р: она и сама не оценила по достоинству этот его сокровенный дар и не дала ему благодетельствовать других женщин. Я насмехаюсь над Сэмом, но он и сам насмехался бы над этой своей слабостью. Впрочем, никакого значения это не имеет – насмешками делу не поможешь, а Сэма корезит затаенная, саднящая боль: быть отвергнутым миром еще куда ни шло, куда хуже быть отвергнутым твоей подругой; или, что одно и то же и точнее характеризует случай Сэма: никогда не знать наперед, когда Элино́р его оттолкнет.

Возможно, я слишком много внимания уделяю этому обстоятельству, но только потому, что оно так много значит для Сэма. Отношения у них с Элинором на самом деле вполне сносные – мне знакомы пары, которые мало что связывает, а то и вовсе ничего не связывает. Но сравнение с ними Сэма не утешает: мерки у него высокие. Как и у Элинора. Я убежден: тяжелее всего тем, для кого любовь – искусство. У них не остается сил ни на что другое. Из всех творцов они самые злосчастные.

Продемонстрировать образчик? Сэм и Элинором на диване, проектор, запущенный на самую малую скорость, воссоздает пантомиму с тремя персонажами. Если бы можно было оживить эти тени... впрочем, ведь им и впрямь дарована жизнь, такого рода жизнь. Сэм и Элинором напротив – всего лишь позыв, томление, предвкушение, не более того: они чуть не полностью переселились во Фрэнки, Магнолию и Элинором, персонажей фильма. Разнообразие поз невероятное. Редкое по разнузданности действие в исполнении пяти призраков.

Самокритичный Сэм! Пленка крутится, и не то чтобы у них с Элинором получилось кое-как, но и не то чтобы получилось как нельзя лучше. Это грязь, откровенная порнуха, это взмах поганой метлы, похабно вклинившийся между семейными неурядицами и яичницей на завтрак. Такая грязь, что Сэм лишь наполовину – цельность ему не свойственна, – может хоть как-то участвовать в этом действе. Другая его часть, то есть ум, бьется в истерике, точно бургер, которому наставляют рога. Свою тревогу он контролирует – щупает ее пульс. Продержится ли он достаточно долго, чтобы Элинором была довольна? А что, если дети вернутся домой? От него ничего не зависит. Посреди цирковых кунштюков ему вдруг мерещится, что в комнату врываются дети. «Пап, ну а нервничать-то чего?»

Так оно и идет. Сэм, любовник, понимает: он на пределе. Вот он Фрэнки Айделл, растлитель девиц: «На, получай! Так тебе и надо, шлюха!», а вот тело его вздымается, опускается, руки ласкают – и он уже не более чем пример из учебника по психоанализу. Чувствительность его мошонки – вот что сейчас занимает Сэма. Он читал, что так у мужчин проявляется женское начало. Насколько сильна в нем латентная гомосексуальность, тревожится Сэм, врезаясь тем временем в Элинором, и струящийся с него пот холодеет. Уж не отождествляет ли он себя с Элинором из фильма?

Технически все получилось вполне неплохо. Они лежат бок о бок в темноте, фильм закончился, в затихшей комнате гудит проектор, лишь он никак не уймется. Сэм встает, выключает проектор, снова ложится в постель, целует Элинором в губы. По всей видимости, ей было лучше, чем ему; она нежничает – чмокает его в кончик носа.

– Знаешь что, Сэм, – говорит Элинором, она чуть отодвинулась, – по-моему, я уже видела этот фильм.

– Когда?

– Ты знаешь когда. В тот раз.

Сэм с тоской думает, что женщина всего к тебе добрее, когда предается воспоминаниям о своих изменах.

– В тот раз! – повторяет он.

– Вроде бы.

Отталкиваясь от воспоминания, которое, как падающая звезда, сначала видится точкой где-то в мозгу, потом разрастается – и до того оно мерзкое, что зрачок чуть не лопаются. В темноте Сэм ворошит прошлое, и его охватывает расслабленность. Тому уж лет десять, если не одиннадцать, они еще не поженились, но уже сошлись. Элино́р еще тогда ему об этом рассказала, но в детали никогда не вдавалась. Участвовали в том действе вроде бы двое мужчин и еще одна девушка, все были пьяны. Смотрели один фильм за другим. Сэма, хоть он и противится, влечет эта картина. Как она его ранит, как возбуждает. Сколько лет он об этом не вспоминал, а вот помнит же. В темноте он дивится тому, как безрассудны муки ревности. Ту ночь он больше не в состоянии представить, – и оттого она еще более реальна; Элино́р, его пухленькая женушка, чья пышная грудь распирает халат, позабытая героиня разнузданных оргий. Чистой воды глупость, уверяла его Элино́р: она и тогда любила Сэма, а тот, другой, – лишь фантазия, от которой ей хотелось избавиться. Так ли было и сегодня, думает Сэм, или Элино́р любил Фрэнки, Фрэнки из других фильмов, Фрэнки в лице тех двоих, с которыми после той давнишней ночи она никогда больше не виделась?

Какое наслаждение дает мне эта боль, думает Сэм, – он вне себя.

Ничего особо извращенного тут нет. Если Элино́р причиняет ему страдания, значит, она жива, жива для него. Я часто замечал, что для нас существуют лишь те, кто может причинить нам страдания; Элино́р, грозная, не имеющая конкретного облика фигура, ничуть не похожа на ту теплую Элино́р под боком у Сэма, ту притягательную Элино́р, которой дано ранить его. Значит, наслаждение страданием – родной брат куда более острого наслаждения, наступающего вослед страданию. Сэм, вконец обессиленный, лежит в объятиях Элино́р, и они разговаривают, сыплют сподручными особыми словечками закоренелых профессионалов, уговариваются, что никогда больше не станут перед экраном, что оно, конечно, возбуждает, но в то же время и несколько отчуждает, что в общем и целом было недурно, но как-то это не того, что вот то у него здорово получилось, а вот насчет другого она точно не скажет. Такие разборки у них давно в ходу, это означает, что они открыты друг другу и друг к другу добры. В тех случаях, когда дело швах, они не обсуждают, что и как, а засыпают молча. Но сейчас Элино́р было хорошо, и оттого Сэму, хоть ему хорошо и не было, не так досадно, и они разговаривают, то виняся, то нахваливая друг друга, как водится у старых товарищей. Элино́р засыпает, Сэм еще не совсем заснул, прижавшись к ее теплой спине, он положил руку на ее округлый живот и испытывает при этом такую гордость, точно сам его изваял. Он дремлет и дремотно думает, что в таких редких минутах животной радости, таком недолгом сродстве с телом, доверчиво забывшимся сном подле него, таком покое, который дарует ему ее тепло, – в этом и есть смысл жизни, чего еще можно требовать? Что из разочаровывающей, опустошающей череды тусклых лет рождаются редкие минуты, когда она так близка ему, и в годах, пройденных вместе, заключается награда, более весомая, чем все то, что в них вложено.

Потом мысль его перескакивает к роману, который он хочет написать, и снова сна ни в одном глазу. Так бывает, когда примешь снотворное, а оно не подействует, и ты мечешься в постели, и беды, от которых ты спасался снотворным, пугают еще пуще. Сон, обещанный опустошающей близостью, не наступил, – и что в итоге: разбереженные чресла, растравленная ревность к поступку десятилетней давности, невыносимая до такой степени, что в пот бросает, неприязнь к женскому телу, мешающему расправить руки-ноги. День ухлопан впустую, говорит он себе, ухлопан так же, как многие, ох как многие дни его жизни, а завтра в своем кабинете что он такое – всего-навсего десять пальцев, колотящих по клавишам машинки, и печатают они диалог Брамбы, жителя Венеры, и Лили Дидс, звезды Голливуда, в то время как огромный труд, которым он обманывал

себя, держа его перед собой, как залог своей ценности, этот великий роман, который одним рывком должен был выдернуть его из того тупика, где он задыхается, в чьих многочисленных героях он раскроет невероятное в своей сложности видение жизни, безнадежно разлагается на берегу бесплодных усилий. набросок тут, несколько страничек там, он развалился бесформенной грудой ничем не скрепленных случайных мыслей и незаконченных эпизодов. Главного героя и того нет.

Да и откуда сегодня взяться герою, думает Сэм, человеку действия и мысли, способному и в грех впасть, и добро сотворить, крупной личности, человеку масштабному. У нас же разве что современный герой, и за душой у него ничего, кроме гадостных желаний, осуществить которые ему не дано. А нужен тот, кто мог бы предъявить себя миру, кто-то – неважно кто, – только не он. Кто-то, думает Сэм, кого, по здравом размышлении, быть не может.

Романист, думает Сэм, обливаясь потом под одеялом, должен ополчаться против мира и стремиться быть с ним заодно; должен бояться жизни и жаждать жить полной жизнью; считать себя ничтожеством и верить, что он выше всех. Женское начало в нем требует подтверждений, что он мужчина; он мечтает о власти, но не в силах добиться ее; любит себя превыше всего и оттого презирает все, что собой представляет.

Он такой и есть, думает Сэм, он – то, что доктор прописал, а поди ж ты, писателем не стал. Запала, убежденности – вот чего ему недостает. Ему только и остается написать когда-нибудь статью о том, что собой представляет настоящий писатель.

В темноте воспоминания встают, поднимаются как на дрожжах. Из богемного, такого далекого прошлого всплывает фигура подруги Элинора, эта девушка заболела, и ее поместили в сумасшедший дом. Сэм и Элинора навестили ее, поехали к ней на пригородном поезде, расположились на лужайке в саду сумасшедшего дома, а пациенты тем временем ходили около них кругами, выпевая какой-то лишь им ведомый перечень сетований или сглызду шарахаясь от севшего на руку комара. Подруга молчала. Улыбалась, до крайности немногословно отвечала на их вопросы, потом снова принималась разглядывать солнечные лучи, голубое небо. Когда они уже собрались уходить, она отвела Сэма в сторону:

– Они насилуют меня, – зашептала она. – Каждую ночь, когда запирают двери, они врываются в мою комнату и снимают фильм. Я играю главную роль, и меня подвергают чудовищным надругательствам. Скажи им, чтобы они оставили меня в покое: иначе мне не уйти в монастырь.

И пока она говорила, ее трясло от ужаса, руки царапали одна другую. Бедная, страдавшая подруга. Они навестили ее еще раз, она уже гугнила что-то невнятное, лицо ее уродовала идиотская улыбка.

Сэм весь в поту. Он мало что знает, а узнать надо так много. Молодость его пришлась на годы депрессии, тогда первостатейно важными были вопросы экономические. Что он может знать о безумии или о религии? Он так далек от них. Он – полукровка, думает Сэм, рос, не зная религии, он – плод союза матери, наполовину протестантки, наполовину католички, и отца, наполовину католика и наполовину еврея. Еврей он лишь на четверть, но, несмотря на это, он – еврей, во всяком случае, ощущает он себя евреем, ничего не знаящим ни о Евангелии, ни о скинии или литургии, евреем по случаю, по складу ума. Что... что он знает о покаянии, самопожертвовании? умерщвлении плоти? любви к ближнему? Заботят ли меня мои отношения с Б-гом? – размышляет Сэм, кисло ухмыляясь в темноте. Нет, это никогда не заботило его, думает он, ни в горе, ни в радости. «Они снимают фильм, – нашептывает в ухо его памяти та девушка, – поэтому я не могу уйти в монастырь».

До чего же страшен сумасшедший дом. Прямо-таки концентрационный лагерь, заключает Сэм. А что, если настанет время, когда весь мир станет концентрационным лагерем, хотя такое умонастроение у него может быть и от сознания безвыходности своего положения. «Не старайтесь решить мировые проблемы», – слышит он голос Сергиуса и молотит кулаком по сбившейся подушке.

Сможет ли он построить роман? Какую форму ему придаст? Это так сложно. Слишком роман его рыхлый, думает Сэм, слишком разбросанный. И заснет ли он когда-нибудь? Он устал, мускулы напряжены, его пучит, он снова затевает старую игру: пытается убаюкать себя.

– Я не чую ног, – уговаривает себя Сэм, – мои ноги замлели, икры онемели, икры онемевают...

На полпути от бодрствования к дреме, в апатии, навалившейся на него под одеялом, я подаю Сэму мысль:

– Одолей время, и хаос придет в порядок, – говорю я ему.

– Одолей время, и хаос придет в порядок, – повторяет он вслед за мной и, отчаявшись забыться, бормочет в ответ: – Я не чую носа, мой нос онемел, мои веки отяжелели, мои веки отяжелели...

И так Сэм, человек, вознамерившийся жить, не зная боли, и в результате не знающий радости, вступает в мир сна.

Какой скучный кошмар эта наша жизнь!

1952

Í áðíáíä þáí äëéñéíä Éaðeñü Ááñí äéíáíé

^Ш Бауэри – улица в Нью-Йорке, где расположены многие ночлежки, своего рода нью-йоркское «дно». – Здесь и далее примеч. перев.

ГОЛОС ВОЙНЫ

Г'וֹלֵס הַמִּלְחָמָה

Крайне неотчетливое и заключающее в себе отчаянное количество противоречий понятие «русско-еврейская литература» существует, является ходовым, и непохоже, чтобы его мог вытеснить и заменить какой-либо другой, более удачный термин. Самый, пожалуй, тонкий знаток этой дефиниции покойный Шимон Маркиш предлагал в свое время укрепить ее теоретическими подпорками (см. его статью «Русско-еврейская литература: предмет, подходы, оценки», НЛО, 1995, № 15), но инициативных продолжателей идей ученого не нашлось, и они, идеи эти, как кажется, массами не овладели. «Тоска по теории» тем не менее осталась, и становится она все острее и острее по мере того, как возрастает сложность русско-еврейских культурных феноменов. В особенности досаждают явления смежные, пограничные, содержание которых «темно и непонятно», как «история мидян», по классическому выражению российского историка. К одному из таких феноменов относится творчество Осипа Дымова (1878–1959), русского писателя с еврейской кровью. Осип Исидорович Перельман (его настоящая фамилия до принятия чеховского псевдонима), кажется, был специально рожден доказать слабость и ограниченность эксплицитных ресурсов для русско-еврейских культурных интеракций и инверсий. Ведя себя достаточно непоследовательно с точки зрения схематического представления о русском и еврейском, он, добившись в начале XX века пусть не славы, но, по крайней мере, широкой известности и популярности как русский литератор – прозаик и драматург, делал неожиданные крены от «вселенского» в сторону «родного». Так, по воспоминаниям близко знавшего его К. Чуковского, Дымов тяжело переживал Белостокский погром, в котором потерял близкого ему человека (писатель был родом из Белостока)^[1].

Свой жуткий рассказ «Погром» он написал, однако, раньше знаменитого Белостокского погрома, произошедшего в начале июня 1906 года. «Погром» был опубликован в первом дымовском сборнике прозы «Солнцеворот», увидевшем свет в 1905 году и выдержавшем три издания: в том же году – повторное и третье – в 1913-м. Белостокский погром мог отразиться, пожалуй, и в пьесе «Слушай, Израиль!» (1907)^[2], с которой начинается Дымов – еврейский драматург, – линия в его творчестве, ставшая, спустя несколько лет, когда он в 1913 году переехал в Америку, не боковой, а магистральной.

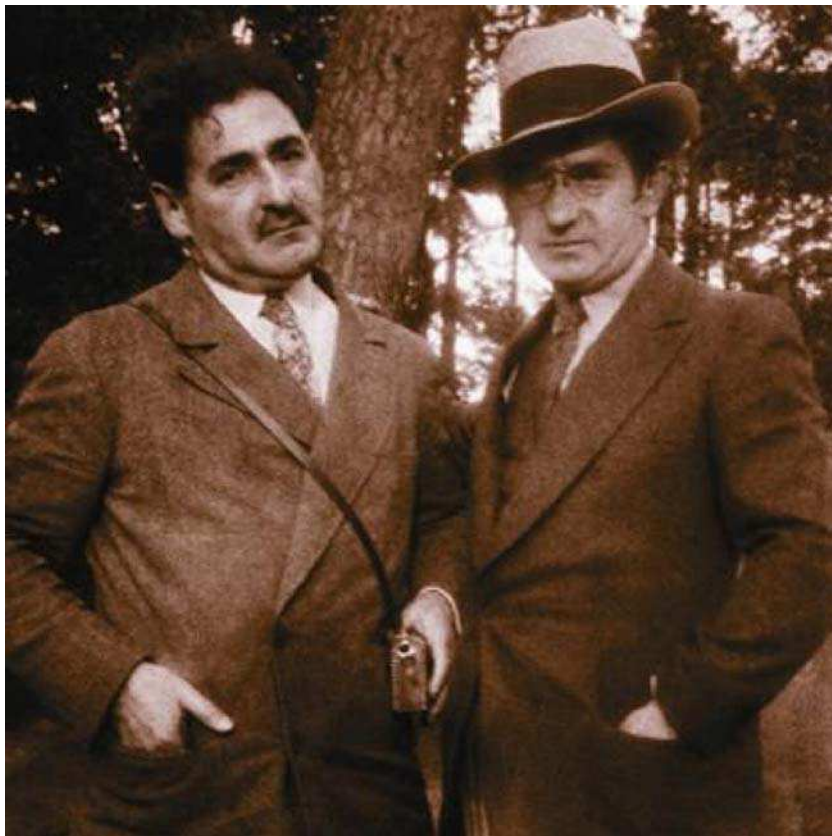
В Америке Дымов почти полностью перешел на идиш, написал сотни текстов – романы, новеллы, пьесы, рассеянные по многочисленным идишским изданиям всего мира – от Польши до Америки, так что не только описать их, но даже просто собрать и перечислить представляется задачей архисложной. Как в Петербурге Дымов не стал «еврейским Чеховым», так в Нью-Йорке он не превратился в «еврейского Метерлинка» или «еврейского Ибсена», тем не менее он вошел в историю того и другого театра – русского и американско-еврейского – как явление в высшей степени яркое и заметное. Дымов сделался своим человеком в мировом кинематографе – немецком, английском, американском, по его сценариям поставлено несколько десятков фильмов. Ограничусь упоминанием лишь некоторых: вместе с А. Ланцем и К. Линзем сценарий к немецкому фильму «Rasputin, Damon der Frauen» (1930; реж. А. Трощ; главную роль в нем сыграл знаменитый немецкий актер Конрад Вейт, который когда-то играл в фильме «Ню» по пьесе Дымова); к американскому фильму «Sins of Man» (1936; реж. О. Брауэр и Г. Ратов); к фильму Э. Дж. Ульмера «The Singing Blacksmith» (1938) – по пьесе Д. Пинского «Янкель дер Шмидт» (1909); вместе с И. Берне, режиссером картины, писал сценарий к «Миреле Эфрос» (1939) – по одной из самых известных пьес крупнейшего еврейского драматурга Я. Гордина; сценарий к ленте, снятой М. Носсеком «Overture to Glory» – по пьесе М. Анштейна и др.

Завоевал Дымов славу как публицист и мемуарист: в 1943–1944 годах на идише вышли его двухтомные мемуары «Вос их геденк» («То, что я помню»). С детства неплохо рисовавший, в 1950-х годах он увлекся скульптурой и в этой области также добился значительных успехов: выставлялся и имел сочувственную критику. Совершенно особая область среди многочисленных талантов этого человек – дар ясновидца, графолога и экстрасенса, о чем он рассказывал сам^[3], что подтверждали знавшие его люди^[4] и о чем нужно было бы поговорить особо, в особенности в связи с мистическими нотами, то и дело звучащими в дымовских текстах.

Рассказ Дымова, предлагаемый вниманию читателя, написан в первые годы его американской иммиграции. Впрочем, строго говоря, никакой эмиграции, в сущности, не было. Известный еврейский антрепренер, режиссер и актер Борух Томашевский (1866–1939), гастролировавший в Европе в 1913 году, предложил Дымову поставить в своем нью-йоркском театре его пьесу «Вечный странник». Дымов согласился и в сентябре – начале октября 1913 года отправился в Новый Свет – так началась его вторая, более длительная жизнь как американско-еврейского драматурга и прозаика.

Безусловно, его отъезд в США не походил на обычное беженство, да и, судя по всему, первоначально он не собирался оставаться там навсегда. Он продолжал печататься в популярной газете «Биржевые ведомости», в которой ранее был постоянным сотрудником. Сюда он прислал несколько своих новых рассказов и очерков, написанных уже в Америке. Рассказ «Голос войны», опубликованный в этой газете (1916. № 15503. 17 апреля. С. 2), одно из тех произведений Дымова, которые были написаны по-русски, еще

как бы русским писателем, но уже в новом биографическом контексте и в определенном смысле на переходе в новый статус писателя сугубо еврейского.

Осип Дымов и актер Людвиг Сац.

США. 1920-е годы.

Тематически рассказ связан с первой мировой войной, на которую Дымов, живущий в далекой от театра военных действий Америке, активно реагировал как публицист – в это время он был плодовитым автором нью-йоркской русскоязычной газеты «Русское слово» (позднее «Новое русское слово»), самой старой в эмиграции, издающейся с 1910 года по сегодняшний день. Первая мировая война отразилась в его пьесе «Мир в огне» (1917), ставшей дебютом Дымова как идишского драматурга. Пьеса была поставлена в нью-йоркском еврейском Grand Theater, которым руководил выдающийся актер и режиссер Яков Адлер (1855–1926), сыгравший в спектакле главную роль доктора Исэрлиса. «Великая война», как ее тогда называли, осмысливалась в этой пьесе как величайшая трагедия еврейского народа, стоящая в одном историческом ряду с чередой других его национальных драм и бедствий – римское владычество, костры испанской инквизиции и пр. Евреи западных окраин России, включая родной Дымову Белосток, не просто оказались между молотом и наковальней – между немецкой и русской армиями – и в полной мере испили горечь страданий мирного населения, попавшего в военную мясорубку. Они были обвинены русскими властями в шпионаже и в массовом порядке выселены с территорий, примыкавших к театру военных действий.

В рассказе «Голос войны» избран неожиданный географический ракурс: действие происходит не в Европе, а на турецком фронте, и рассказывается не об ашкеназском юноше – что было бы для Дымова объяснимо и понятно, а о несчастном восточном еврее, сыне торговца лесом и льном, вздернутом турецкими жандармами на дереве по тому же в точности подозрению в шпионаже, по которому на противоположной стороне, в русской армии, по первому наговору, без суда и следствия вешали его единоверцев. Поистине слепая ненависть к евреям и отношение к ним как к потенциальным шпионам и предателям не имеет географических границ. Дымов, без сомнения, учитывал, что, перемещая место действия рассказа из центра на периферию войны, он тем самым усиливает его художественный эффект. Примелькавшиеся в бесконечном количестве газетных повторений европейские топосы получают как бы неожиданную подсветку из глубины. Как опытный рассказчик, он, кроме того, верно рассчитал, что еврейская тема, пронизывая дух и плоть повествования, остается, однако, полускрытой, не названной с внешней, формальной стороны. Самих слов «еврей», «еврейский», «еврейство» Дымов упорно избегает: он не употребляет их ни там, где речь идет о повешенном юноше-еврее, ни там, где описывается шествие евреев по дорогам войны. Взамен используется лишь выразительный эвфемический парафраз «люди-пасынки», по которому трудно не догадаться, о ком идет речь. Все это усиливает поэтическую силу и эмоциональное воздействие дымовского рассказа.

Поскольку «Голос войны» после своей первой публикации нигде и никогда не перепечатывался, имеет смысл познакомить с ним современного читателя.

Àéääèì èð Õàçàí

Осип Дымов (крайний справа), возле него писатель Л. Андреев, крайний слева – певец Л.В. Собинов.
1905 год.

1.

Турецкий фронт отступал от границы южнее в глубь страны. Вместе с войсками бежало и население. Отходили поезда, переполненные стариками, женщинами и детьми. Несколько матерей в суматохе и в давке потеряли своих детей. Бежали, не увязав вещей, в летних платьях, захватив с собой немного хлеба и молока для детей.

Потом из окрестных деревень, сел и местечек потянулись люди на подводах, телегах, бричках. Изнуренные лошади с трудом подвигались вперед. Мычали коровы, лаяли голодные собаки, кричали дети.

А когда умчался вдаль на юг последний поезд, взвизгнув при подъеме на мост, точно вскрикнув от боли, когда проехали мимо последние жалкие телеги с наваленными на них подушками и разным хламом, когда отзвучал вдали последний надрывающийся плач голодного ребенка, наступила тишина. Спустился вечер и розовое молчаливое зарево мягким бархатом стало на севере. Это горели города.

На месте, где много сотен лет жили и работали люди, теперь рождалась пустыня. Исчезали люди, сгорали города, уничтожались дороги. Пустыня была населена только голодными собаками, которые быстро начинали дичать. В несколько дней они становились похожими на своих предков – волков, живших здесь тысячи лет тому назад.

И пустыня эта дышала. Она дышала железными вздохами тяжело и гулко, так что содрогался воздух. Из завесы розового бархата, обнявшей полнеба, доносились эти тяжелые смертельные вздохи стальных пушек.

Сгущалась темнота, пошел мелкий дождь, и вдали у поворота дороги, которую перемесили колеса орудий, шаги солдат и копыта животных, – у поворота грязной дороги показались странные существа, непонятная процессия. Издали еще нельзя было определить, что это: животные или люди? Точно мистические призраки войны родились они в зареве городов и в грохоте дальних пушек. Они шли, топча ногами размытую осеннюю дорогу...

Вот они ближе... Их можно уже рассмотреть. Можно различить их язык и гортанный говор, в котором ухо слышит те самые слова, которые раздавались сотни и тысячи лет назад, когда предки этих людей в такие же страшные ночи скитались по безлюдным дорогам и красное зарево пожаров было позади их.

Это шли люди-пасынки, люди, жившие с коренным населением много лет и теперь выброшенные из их гнезд. Они шли толпою, подгоняемые невидимым бичом войны. Шли голодные, грязные, больные, по размытым дорогам, по опустевшим полям. Над ними свистел ветер, дышала холодная ночь.

Низко над их головами носились вороны, которых в эти дни стало очень много: они размножились на свежем человеческом мясе.

Эти люди-пасынки были последними, которые прошли по дорогам. Больше никто не проходил. Стало пустынно и тихо. Дождь продолжался, и дорога была залита. Обычный ночной поезд не прибыл с востока. Мост был взорван, и металлический скелет его торчал из воды изломанными частями. В оставленном городе среди развалин торчали почерневшие, осыпавшиеся трубы сгоревших фабрик, точно гигантские щупальца надвинувшейся пустыни.

2.

В ту ночь, когда последние обитатели маленького городка покидали свои дома, турецкий крестьянин Мухмет остался. Это был маленький, пришибленный жизнью и тяжелой работой человек лет двадцати четырех. Его отец и два брата уехали на телеге, когда еще было светло. Они запрягли последнюю лошадку и взяли с собою последнюю меру картофеля...

Мухмет остался. Он видел, как скрылась из глаз последняя повозка. Он слышал, как, молясь, причитая и плача, собрались в путь местные жители-пасынки. Старый торговец лесом и льном, тот самый, сына которого вчера утром повесили турецкие жандармы, постоял бессильно на крыльчке своего дома и пошел, не оглядываясь. Седая голова его тряслась от горя или от голода – этого не мог знать Мухмет. Но он знал, что старик несколько раз в течение дня ходил к офицеру и просил выдать ему тело повешенного сына для погребения. Но офицер прогонял старика. Так тело осталось висеть на большом дереве, которое росло около старых казарм.

«За что повесили сына старика? – думал молодой человек. – Жандармы говорили – за то, что он был изменником». Этому трудно было поверить, но жандармы, верно, лучше знают. Мухмет вырос вместе с сыном торговца, вместе играли детьми, вместе иногда дела делали. Старик-торговец часто посылал сына за границу, которая была близка, по торговым делам. Там он получал заказы на лен и лес. Эти заказы были записаны у него в книгах; жандармы нашли эти книги, ничего в них не поняли или не хотели понять и решили повесить за измену.

«Да ведь многие в городке торговали с русскими, значит, всех их перевешать? – думал Мухмет, шатаясь по опустевшим улицам. – Ну да не мое дело. Жандармы, верно, лучше знают».

На фоне розового горящего неба строения покинутого города казались черными, мертвыми. Ни одно окошко не светилось светом, ни один человеческий голос не прерывал тишины. Мокрый ветер хлопал ставнями и полусорванными дверьми. Непрерывно слышались звуки дальней пальбы, и с сердитым криком в розовом небе проносились черные вороны.

Страх охватил Мухмета. То, ради чего он остался, уже не казалось теперь легким делом. Дождь усиливался. Становилось поздно.

Он спешил к старым казармам, к дереву, на котором повесили его приятеля – сына торговца. Он справедливо полагал, что солдаты, торопясь уходить, вероятно, оставили тело и не похоронили его. Впрочем, его не интересовало тело. Он остался затем, чтобы получить веревку, на которой повесили его приятеля. Мухмет твердо знал, что веревка повешенного приносит счастье. Это все говорили. С такой веревкой в кармане ничего не страшно: за что ни возьмешься – все удастся. В карты много денег выиграешь, подойдешь к девушке – она полюбит. Выбирай тогда самую красивую и богатую и живи в свое удовольствие...

Он вышел на базарную площадь. Здесь утром жандармы протащили сына торговца. Он, Мухмет, стоял у своей телеги и видел это.

Сын торговца был бледен, точно его лицо посыпали мукой. Его руки были связаны, и большие черные глаза в смертельной тоске смотрели на людей, мимо которых его вели.

– Куда вы ведете меня? – бормотал он. – Я не изменник. Меня здесь все знают. Спросите кого хотите.

Мухмет вспомнил, как черные горящие глаза приятеля взглянули на него.

– Спросите его. Он меня знает. Он турок. Мухмет, друг, ты ведь знаешь меня? – сказал он умоляюще.

– Я не знаю, – ответил Мухмет, отвернувшись. – Иди.

Он ответил так не потому, что желал зла приятелю, а потому, что не хотел связываться с турецкими жандармами. Он не думал раньше, что поступил плохо, но теперь, ночью, в черном мертвом городе, ему как будто стало жалко сына торговца. Хороший, в сущности, был парень, хотя и другой веры. И невеста, говорят, была. И отец его сколько лет дружил с отцом Мухмета. Не надо было говорить:

– Я тебя не знаю. Иди.

Мухмет миновал базарную площадь и увидел старые казармы. Стены их вырисовывались в розовом небе, точно вырезанные из черной бумаги. Он обошел здание и сзади него, около сада, увидел то дерево, которое искал. Здесь было очень темно, но все же он рассмотрел, что ветви его были голы и что тело повешенного исчезло.

3.

Злоба охватила Мухмета: какие-то чужие люди перехитрили его, обманули, украли у него счастье... Напрасно, значит, он остался ночью в этом страшном мертвом городе, рискуя каждую минуту попасть в руки русских. Усталый, голодный, промокший, стоял он под деревом, вглядываясь в нижний сук: не осталась ли веревка, и вдруг, споткнувшись о мешок, упал.

Резкий визг у самого уха оглушил его страхом. Что-то шарахнулось в сторону и скрылось. Сердце его забилося; он стал подниматься и сразу понял, что мешок, о который он споткнулся, и было тело его несчастного приятеля, – собака, возившаяся у свежего трупа, убежала, испуганная тем, что ей помешали.

Значит, жандармы, уезжая, сняли труп с дерева. Но оставили ли они веревку? Мухмет, стоя на коленях перед трупом своего приятеля, принялся его ощупывать. Вот ноги, грудь, шея... Мухмет радостно вздохнул: он нашел мокрую веревку. Благодарение Б-гу: веревку оставили! Она шла вокруг шеи, туго стянув ее. Мухмет трясущимися от страха и радости руками принялся развязывать ее. Он нечаянно дотронулся до щеки умершего, и она показалась ему очень холодной, холоднее мокрой земли, на которой он стоял.

– Б-же, спаси меня! – прошептал он в страхе.

От дождя веревка распухла, и трудно было развязать узел. Он дернул раз и другой, но веревка не поддавалась. Тогда он просунул левую руку снизу между шеей и веревкой и опять дернул. Узел сразу ослабел, и в ту же секунду Мухмет почувствовал, как острые клещи с невероятной силой схватили пальцы его левой руки и сжались.

Он не закричал: кто-то другой закричал в нем отчаянным голосом человека, которого топят. И в ту же секунду близко в кустах, точно эхо, завывала собака, которую он прежде отогнал от трупа.

Железные клещи не разжимались. Мухмет понял, что это укусил его сын торговца, невинно повешенный. Страшная боль и ужас от мысли, что мертвый кусается, разом отравила его мозг. Сознание его потускнело.

Ему представилось, что мертвец только притворялся мертвым и ждал его, Мухмета, чтобы тот пришел красть веревку с его шеи. И он отомстил ему за то, что Мухмет сказал, будто не знает его...

– Отпусти меня, – попросил тихо Мухмет, наклонясь к земле, и, так как мертвец не слушался и не отпускал, то крикнул на помощь воронов и собак:

– Отпусти-и-и!

И собаки пришли на его зов. Они вылезли из подвалов, из помойных ям и нор, и одна за другой медленно подходили ближе и ближе с взъерошенной, мокрой шерстью. Дикий вой, которого они никогда прежде не слышали, привлекал их с неодолимой силой. Они приползали на брюхе с поджатыми хвостами, с раскрытой голодной пастью, точно загипнотизированные дьявольским призывом... По всему брошенному городу, из конца в конец, разносили этот сумасшедший вой, которому издали вторили гулкие разрывы стальных пушек. И слабый розовый отсвет, точно тень Войны, падал на черное дерево, на старые стены, на силуэты крадущихся собак и на бледные лица двух людей, искаженных смертью и страхом.

...Рано утром к покинутому городу подъехал передовой отряд русских. Кавалеристы были очень изумлены странным воем, который разносился по городу. Они остановили лошадей и, приготовив ружья, прислушались. Выла и редела целая стая собак. Сначала лаяла одна собака особенным образом, точно давала сигнал, точно запевала – и сейчас же диким хором отзывалась вся стая. Подъехали ближе, к стенам казармы, и увидели странную картину.

Человек стоял на коленях перед раздувшимся трупом и кричал собачьим голосом. Пальцы его были зажаты мертвыми зубами повешенного. В расстоянии десяти шагов, высунув языки, уселись в круг два десятка собак и выли, подняв морды.

– Отпусти-и-и! – лаял человек.

– У-у-и-и! – тотчас же отзывались эхом собаки.

Казалось, что это странное сборище собак с человеком посередине пело приветственную песнь Войне.

Кавалеристы прогнали собак и сошли с лошадей. Когда им удалось освободить руку Мухмета от смертного укуса мертвеца, крестьянин ничего не понимал. Он сошел с ума и уж не поправлялся.

Аעדא יאזיא יאזיא יאזיא יאזיא. 1916. 17 אי דאע

[1] См.: Чуковский Корней. Собр. соч. в 6 т. Т. 2. М., 1965. С. 708.

[2] Между прочим, именно эту пьесу, переведенную на иврит (переводчик Песах Каплан, 1870–1943), поставила в Вене в 1913 году группа Габима (или, как она тогда называлась, Габима Гаиврит); режиссер Н. Цемах. См.: Citron Samuel J. Yiddish and Hebrew Drama // A History of Modern Drama / Ed. by Barret H. Clark and George Freedley. New York; London, 1947. P. 636.

[3] См.: О. Дымов. Шестое чувство // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1958. № 16332. 16 марта.

[4] Н. Логунова. Об Осипе Дымове // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1959. № 16768. 15 февраля.

АНАТОЛИЙ НАЙМАН

Ī āāēēēāōēē ĭ ĭāāō ĭāēē Āāāō Ÿ ĭ āēū

Я начинал в Ленинграде полстолетия назад в компании с такими же, как я, молодыми людьми, осознавшими в себе поэтический дар. Стихи – вещь скоропортящаяся, но при этом необычайно живучая. Тридцать лет, до конца советского режима, их не печатали, я привык. С тех пор печатают и перепечатывают, в периодических изданиях и отдельными сборниками, переводят, записывают на компакт-диски, я опять привык, и все равно минутами прихожу от этого в изумление. Асар Эппель предложил мне сделать подборку для журнала «Лехаим», я выбрал дюжину из разных лет.

* * *

Ī ū āēāāī āēāāō Ÿ āōāā āāōŸ.

Книга Исхода

Что бы там ни возникло,
ни разгорелось, ни сгнило,
где бы ни проканалло,
мы хотим это знать.
Пусть с полногтя, с полмига,
с тень декрета и мифа,
с проблеск воды в канаве –
мы, плебеи и знать.

Мы хотим это видеть.
Что, понять, это значит.
Кто, решить, этим правит.
Верить, что всё не зря.
Мы не дадим похитить
нас просто так, без правил.
Кто вы, чтоб нас дурачить?
Видеть хотим царя.

2007

Еврейский сонет

Одно надорванное сердце стоит больше,
чем тридцать шелковых раввинских
сюртуков
на территории ясновельможной Польши
под пеплом бархатным ашкеназийских
слов.
Ты что же не прорек, а, пятикнижный
Мойше,
про племя, в списках чьих не числится

ни вдов,
ни сирот? Чей и сам язык умолк?
На кой же
нам знать, что значило когда-то
мазл-тов?

Один я помню, как в те дни у деда
пахнул
сюртук, позднее на нем распоротый
металлом
под левым лацканом. Теперь я тоже дед.

Забвению все равно, где тлеть,
в большом или малом.
Вся выветрилась гарь. Я сосчитал и ахнул:
еще не минуло семидесяти лет.
2007

* * *

Сицилийского он не глотнет,
наслаждаясь, вина,
ни кифара, ни пение птиц не вернет
ему сна,
потому что он болен смертельно.
Точней, умирает.
Но сама по себе продолжается с жизнью
игра:
веселее, чем хочет он, дети кричат
со двора,
на углях у старухи вздремнувшей кефаль
подгорает.

Скоро век, как про это на русском писать
языке
научил нас еврей, проносивший слова
в узелке,
как улитка свой дом. Узелок завязавший
на память
о таких дословесных, как «солнце», «вода»
и «земля», —
дал обет каковые он веточками миндаля
в честь свою и во имя, хоть звался иначе,
обрамить.

Здесь проехался шинами дутыми велосипед,
распоровший дорогу, как плуг
реактивный торпед,
прочертивший прямую одну по песку
и по глине —
клинописную строчку со словом
разборчивым «был».
Про кого неизвестно. Письма
сохранившую пыл —
непонятно зачем. И не в буквах,
а в зубчиках линий.
2007

* * *

Последним блюдом подают пирожное
здесь на поминках, полагая, что оно,
как лак, покроет натюрморт, поскольку
прошлое
усопших не блестяще. Но

евреям умирать в Германии
хоть и привычно, а совсем несладко. Им
в общественном внимании род мании
мерещится. Увы, пекарен горек дым,

кондитерски дурманящий купечество,
чей нос торчит крючком и в обрамлень
астр,
на их пути в небесное отечество,
где Нибелунг, и Зиг, и Фриц, и Зороастр.
2003

СТИХИ О ВЕЧНОЙ ЮНОСТИ

И. Б.

Отставая от суток на треть,
уступив эту треть сновиденью,
привыкаю к сознанию, что впредь
я сюда проберусь еще тенью,
не умеющей делать вреда,
так как призрак, не знающий боли,
безопасен и сам – и тогда
ты моей позавидуешь доле.

Отставая пока что на треть –
и чем дальше, тем больше – от жизни,
должно будет теперь умереть
где-то здесь, но уже не в отчизне;
показалось, наверное, нам,
что тоску мы вдыхаем охотно,
словно воздух оттуда, а там –
ничего, только спишь беззаботно.

На закат, на закат, по стерне
спотыкается шаг постояльца,
чтоб, оплавившись в жидком огне,
жизнь повисла на кончике пальца;
сокращая на треть через лес
расстоянье без помощи зонда,
так как здесь много больше небес,
чем везде, – и чуть-чуть горизонта.

В окоеме терновый венец –
это изгородь с мертвой хребтиной.
Распустившийся лист, как птенец,
над замерзшей порхает осинкой.
И твой голос относит, как дым,

от скворечника правды житейской,
сбитый воем глухонемым
и трехсложником речи библейской.
24 мая 1965

* * *

Памяти Л. Г.

Теперь он мертв. А был, поверьте, жив.
О нем я вспомнил, засвистав мотив
из Брехта, «Мэкки-Нож», творенье Эллы.
В те дни он извлекал его из недр
могучего магнитофона «Днепр».
В те дни шел в окнах счет на децибелы.

То было время незабвенных игр,
и жизнь сама была бумажный тигр.
В «Восточном» появился новый повар.
В. Алексеев модным стал портным.
Физтех играл в гандбол по выходным.
По вечерам мур-мур стонал Коновер.

Он ростом был со стул, но очень горд.
Жил тем, что продавал в журнал
кроссворд,
обыгрывал салаку на бильярде,
толкал бобины – четвертной за две,
его подозревали в воровстве –
он вывернул карманы, крикнув: «Шарьте!»

Он остро ставил половой вопрос,
в чем помогал ему туберкулез
(забыл сказать: он умер от чахотки),
он клялся, будто ублажал один
двух питерских тогдашних мессалин,
их в чувство приводя ударом плетки.

Но это для людей. А для души
он тщательно точил карандаши
и над столом прикнопливал портреты
Суворова, покойного отца,
Армстронга, неизвестного лица,
Бен-Гуриона, Чехова, Бабетты.

Ну, вот и все. Как будто бы похож.
Рост... одинокость... плетка...

«Мэкки-Нож»...

Теперь он мертв. И грустно мне и тошно.
Неужто все, как написал я здесь?
Неужто в этой жизни был он весь?
Ведь ничего исправить невозможно.

1971

* * *

Кузнечика чеканное лицо
в воронках толчеи нет-нет и видишь,

и сразу на кинжальное словцо –
какое-то ази-аза на идиш.

И с папоротником ломким наравне,
растворы форм кристалликом тревожа,
напоминает вдруг о третьем дне,
дрожа, его виссоновая кожа.

1973

* * *

Êâêêâ î â: âëïïï ùá èèöâ

Иванов

Китайским фонариком номер,
скворечником. Где ж управдом?
Где снег прошлогодний – да помер
не позже как в тридцать восьмом.

Гнездовье покинули птицы,
жильцы, квартиранты, отцы,
жестоких романсов певицы,
художественные чтецы.

Последний колбасник и заяц
попал под трамвайный вагон,
повесился прачка-китаец,
который басмач и шпион.

Былое – забавная пьеса,
дешевый, но милый обман!
Клейнмихель, прораб с Днепрогэса,
полол и пахал Казахстан,

а Ротшильд, прораб с Беломора
пас чернощетинных свиней.
А моды-то, клеши, умора.
И что ни кино – Колизей.

Какое веселое ретро,
особенно съемка рапид:
эпоха бежит против ветра,
кокетничает и хрипит.

1983

По мысли древу

Исайе

Как луч по стволу, как жар сквозь золу,
как пар
от губ, на бегу к другим обратившихся
с речью,
так мысль о коре, толпе и костре –
в театр
вещей ускользнет, чтоб встать
в реквизит вещью.

Взлетев на ольху, металась вверху мысль
о том, что внизу держу на весу я хворост

Река времен, в своем стремленье
бурля, становится нетленной
среди мира, не среди пустоты,
несет вчерашние газеты,
в которых вздувшиеся зеты
твердят, что с вечностью
на «ты».

В ней зыбью прыгает минута,
в ней есть энергия закута,
животный дух кровей и чувств,
которых теплоту и косность,
как время, производит космос
домашним способом искусств.

1 января 1995

9 МАЯ

Бабка моя, именем Соня,
не похороненная в блокаду,
духом муки и дров в межсезонье
вдруг пролетает по Ленинграду –

в сторону Луги и дальше на Ригу,
в атомах кремния, серы, железа,
к вою смотревшего ту корриду
глухонемого юрода-леса,

к выцветшим пятнам, к атомам угля,
к дюнам, где дождь – мулине рукоделья,
а облачка – взбитые букли
бабки моей, именем Бейля,

не похороненной после расстрела.
Так я, по крайней мере, увидел
их, когда «в землю отыдешь» подпела
хору старушка на панихиде.

1995

* * *

Я знал четырех поэтов.
Я их любил до дрожи
губ, языка, гортани,
я задерживал вздох,
едва только чуял где-то
чистое их дыханье.
Как я любил их, Б-же,
каждого из четырех!

Первый, со взором Леля,
в нимбе дождя и хмеля,
готику сводов и шпилей
видел в полете пчел,
лебедя – в зеве котельной,
ангела – в солнечной пыли,
в браке зари и розы

несколько букв прочел.
Другой, как ворон, был черен,
как уличный воздух, волен,
как кровью, был полон речью,
нахохлен и неуклюж,
серебряной бил картечью
с заброшенных колоколен,
и френч его отражался
в ртути бульварных луж.

Третий был в шаге легок,
в слоге противу логик
летуч, подледную музыку
озвучивал наперед
горлом – стройней свирели,
мыслью – пружинней рыбы,
в прыжке за золотом ряби
в кровь разбивающей рот.

Был нежен и щедр последний,
как зелень после потопа,
он сам становился песней,
когда по ночной реке
пускал сиявший кораблик
и, в воду входя ночную,
выныривал из захлеба
с жемчугом на языке.

.....

Оркестр не звучней рояля,
рояль не звучней гитары,
гитара не звонче птицы,
поэта не лучше поэт:
из четырех любому
мне сладко вернуть любовью
то, что любил вначале.
То, чего в слове нет.

1996

* * *

В автомобиле с тихим двигателем
в лес послеливневый еловый
пусть бы проселком шины выкатили
меня под марш высоколобый
Шопена в исполнении Горовица,
заряженного мной в кассетник,
чтоб с мирозданьем пособороваться
в сверканье игл – из сил последних.

2000

НЕМЕЦКО-ЕВРЕЙСКАЯ ПРАГА: ВЗГЛЯД ИЗ ПАЛЕСТИНЫ

Ėāī ēā Ėāōēī

Выход в свет русского перевода книги Макса Брода «Пражский круг»^Ш продолжил знакомство российского читателя с той стороной творчества этого летописца немецко-еврейской межвоенной Праги, которая практически полностью заслонила его собственные художественные, философские и музыкальные произведения. Что, впрочем, немудрено. Ведь именно Брод сохранил и издал творческое наследие своего ближайшего друга, Франца Кафки, и написал его биографию, напечатанную практически на всех мировых языках, в том числе дважды на русском.

Книга о пражском круге, куда входили и Кафка, и Брод, – это взгляд на свою центрально-европейскую юность из далекого Израиля. Такую возможность автор получил, покинув Прагу буквально в день начала ее немецкой оккупации, унесшей впоследствии жизни слишком многих его друзей. Отчасти позиция Брода напоминает позицию Ильи Эренбурга в книге «Люди. Годы. Жизнь». Тот буквально забросал советского читателя, изголодавшегося за годы «борьбы с космополитизмом» по европейской культуре, неизвестными именами и названиями.

«Пражский круг» производит такое же впечатление. Ведь по огромному, занимающему треть книги библиографическому указателю, в том числе по списку книг о самом Броде и его литературном окружении, ясно видно: русскому читателю знакома едва ли десятая часть не произведений даже, а просто имен упоминаемых писателей, издателей, журналистов, деятелей культуры. Казалось бы, книга эта – сугубо для читателя немецкоязычного.

Однако в статье-послесловии израильского исследователя Андреаса Брахеера «Макс Брод между культурой немецкой Праги и сионистским национал-гуманизмом» отмечается:

«Как самостоятельный автор Брод исчез не только из общественного сознания <...> но также и из сознания сугубо литературной общественности. Он сошел на нет вместе с Центральной Европой, симптоматический образ которой он собой представлял. Ее политическое устройство <...> было разрушено первой мировой войной, ее культурная жизнь погибла во вторую мировую, а тлеющие останки были окончательно погребены во время «холодной войны» и под игом коммунистических режимов <...> будучи немецким (немецкоязычным) писателем, живущим в славянском окружении, он (Брод. – Л. К.) принадлежал к той немецкой культурной стихии, которая вплоть до 1945 года действовала на пространстве между Германией и Россией, но после ужасов второй мировой войны была почти полностью истреблена с помощью ряда насильственных мер...»

Именно специфическое положение славяно-германо-еврейской Праги – точно посередине между Россией и Германией – и периодическое нахождение ряда районов Австро-Венгрии в составе России создает особую оптику восприятия работы Брода и позволяет одновременно увидеть в проблемах евреев Австро-Венгрии отражение

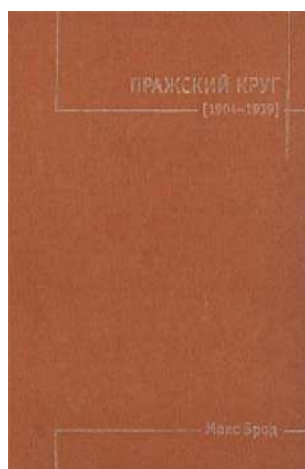
аналогичных проблем хорошо нам знакомых русских евреев, ставших непререкаемыми классиками русской культуры XX века. Это Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Илья Эренбург, или философы Арон Штейнберг, Лев Шестов и их современники, или прозаик, публицист и сионистский мыслитель Владимир (Зеэв) Жаботинский. Ни завершать, ни продолжать этот список мы не будем. Он у каждого свой.

Что же касается собственно членов пражского круга, то сегодня, не зная Кафку или Майринка, считать себя европейцем невозможно. Впрочем, у нас вполне допустимо различать еврейскую или каббалистическую составляющую в творчестве европейских писателей. А вот искать потенциальную связь с еврейской культурой, мистикой у их российских ровесников и писателей, питавшихся из этих же духовных источников, или ориентироваться на соответствующие синхронные европейские образцы – если не предосудительно, то, по крайней мере, не принято.

Именно поэтому так важно читать книгу Макса Брода по-русски. Ведь в ней чуть ли не походя решаются вопросы, до сих пор мучающие исследователей русской и русско-еврейской литературы: проблемы бикультурности, национального творчества на ненациональном языке, места и удельного веса еврейской и иудейской составляющих в творчестве писателя или поэта, степени осознанности именно национально-религиозной проблематики, отношения к сионизму и т. д.

Прежде всего Брод довольно подробно рассказывает, как формировалась та особая духовная среда, которая дала миру будущих немецкоязычных классиков-евреев.

И начинается он с круга Генриха Гейне. Жена поэта, госпожа Матильда, долго не могла поверить, что окружавшие ее остроумцы – евреи. В то время как друг Гейне Альфред Мейснер (причем его самого считали в этой компании евреем, хотя он-то им как раз не был) со смехом относился к рассуждениям о том, насколько можно судить по этому кругу остроумцев о характере немецкого юмора, и раскрывал Матильде происхождение одного за другим Вейлей, Конов и прочих: «“О нет, вы ошибаетесь, они не евреи! – вскричала госпожа Матильда. – Вам меня не обмануть. Чего доброго, вы еще скажете, что Кон [Коэн] тоже еврей? Но Кон в родстве с Анри (Гейне. – Л. К.), а ведь Анри протестант...” Я вдруг замолчал <...> Совершенно случайно я обнаружил нечто, казалось бы, невероятное, а именно: что касается своего происхождения, Гейне ничего жене не сообщил и что она, наивная, как дитя, ничегошеньки об этом не знает».

Такова была первая стадия – внешне полный уход от еврейства. Однако мы хорошо знаем: Гейне в итоге счел, что крещение не дало ему билета в европейскую культуру, для которой он так и остался евреем.

Пражское объединение Брода – «группа из четырех связанных тесной дружбой писателей», «узкий кружок», как называет его Брод. Туда входили он сам, Франц Кафка, Феликс Вельч, Оскар Баум, а после смерти Кафки – Людвиг Виндер. Следует отметить: Вельч и Брод учились в пиаристской монастырской школе, где для мальчиков-евреев были организованы специальные уроки религии, которые вел раввин. Остальные присоединились к «кружку» позднее и шли к сионизму своими путями.

И еще двое учеников пиаристской школы, в будущем – важнейшие фигуры межвоенной европейской культуры. Это, во-первых, все дальше уходивший от еврейства Франц Верфель, который практически предсказал Катастрофу в романе «Сорок дней Муса-Дага», посвященному турецкому геноциду армян. В СССР это произведение было опубликовано лишь в начале 1980-х годов, да и то в Ереване. И не случайно. Параллели, и не только с турецким или немецким режимами, приходили в голову читателя без всякого труда...

Второй персонаж – Макс Штайнер, ставший символом еврейской самоненависти, или, проще говоря, еврейского антисемитизма. Он в итоге обратился в католицизм и покончил с собой. А всего за три года до прихода Гитлера к власти и до начала конца той культуры, о которой мы ведем речь, вышла в свет знаменитая книга Теодора Лессинга «Еврейская ненависть к себе», одна из глав которой посвящена Штайнеру.

Скрывавший даже от жены свое происхождение Генрих Гейне и самоубийца католик еврей-самоненавистник Штайнер представляют собой два полюса ухода из еврейства. А вот Макс Брод и Франц Кафка – уже другая крайность, на сей раз – еврейская. Оба они были сионистами. А этот полюс противостоит тем ассимилированным евреям, которые готовы таковыми оставаться, однако ни культурной, ни политической связи с еврейством поддерживать не желают. Подобное многообразие не только потенциальных, но и реализованных жизненных позиций позволяет Максиму Броду со всей решительностью заявить, что каким-то специфическим гетто, отгороженным от мира тройной стеной (иудейской религией, немецким языком и принадлежностью к буржуазии), пражский круг не был.

Рассматривая старшее литературное окружение, Брод касается фигур типа Фрица Маутнера, которые «не раздумывая, почти без всякого усилия причислили себя к немцам и фанатично утверждали немецкий национализм». Вершину этого периода Брод видит в поколении 1819 года, захваченном жадной ассимиляцией: «Это была вершина пути, на который в 1819 г. в Берлине ступила молодежь – студенты и выпускники университетов, интеллигенты, – создав “Общество еврейской культуры и науки”. Среди них были Цунц, Генрих Гейне, Эдуард Ганс и др. Дерзкая молодежь желала объединить еврейство и ассимиляцию. <...> Из двух задач... одна – еврейство – осталась за флагом. Историк Залман Рубашов (З. Шазар, третий президент Государства Израиль) совершенно справедливо спрашивает: “Не кроется ли причина неуспеха в двойственном характере самой задачи, который делает ее неразрешимой?” (1918)».

Нетрудно видеть, что аналогичные процессы начались в России лет через 80–85 после германской вершины ассимиляции. Маутнер в 1919 году отказался участвовать в создании памятника убитому в Мюнхене Густаву Ландауэру, социалисту и сионисту.

Итоги не менее болезненного процесса на русской почве: призыв к евреям раствориться в других народах и христианстве, прозвучавший в «Докторе Живаго», и жесткое неприятие создания Государства Израиль. Однако этот путь радикальных русских ассимиляторов был на три четверти века короче, чем у их немецких предшественников. Поэтому неудивительно, что именно немецко-австрийский пример стал базой и образцом для Пастернака.

Эта глобальная перверсия привела к тому, что некоторые евреи и в Советской России были готовы приветствовать победу Гитлера над Сталиным и СССР. Естественно, таких людей порождали и Прага, и другие города. Брод вспоминает: «Облик ассимиляции карикатурно исказился. Когда нацистские войска заняли Париж и все мы в Тель-Авиве горевали, тревожились о будущем планеты, я на улице, случайно оказавшись за спиной двух иммигрантов (судя по выговору, оба они были берлинцы), услышал, как один радостно и гордо сказал другому: “Здорово наши ребята провернули это дельце”. Затертое выражение “не поверить своим ушам” стало для меня непостижимой реальностью». Это явление автор объясняет боязнью, паническим ужасом у таких людей перед всем еврейским и еврейством, к ценностям которого они не причастны.

Сам Брод сформулировал иной, очень интересный принцип отношения между народами и культурами. Он называл его «любовью на расстоянии». Это, с одной стороны, позволяло сохранять еврейскую самость и в писаниях на немецком языке в Германии или Австро-Венгрии, а с другой – уже в Израиле, в разного рода Мошава Германит («Немецких деревнях», как назывался район немецких евреев в Иерусалиме), по-прежнему симпатизировать немецкой культуре и осознавать свое место в мире после Катастрофы, не исключая полностью немецкий элемент из еврейского и уже израильского культурно-национального сознания в первом поколении немцев-олим.

Книга Брода была издана в 1966 г., то есть почти через 10 лет после выхода в свет «Доктора Живаго» Пастернака. Романа, который вызвал острый скандал в Израиле^[2]. В нем писатель сравнил еврейский народ с пустой оболочкой, лишенной сердцевины (выделено мной. – Л. К.).

В чисто религиозной традиции соотношение сердцевины и оболочки представляется Рамбаму или Йеуде Галеви соотношением между пророческим ядром Израиля и оболочкой народа. Сионист Хаим-Нахман Бялик говорил о создании новой еврейской нации из языка иврита, назвав свою статью «В оболочке языка» (выделено мной. – Л. К.). Эта терминология вообще была довольно развита в еврейских идеологиях второй половины XIX – начала XX века.

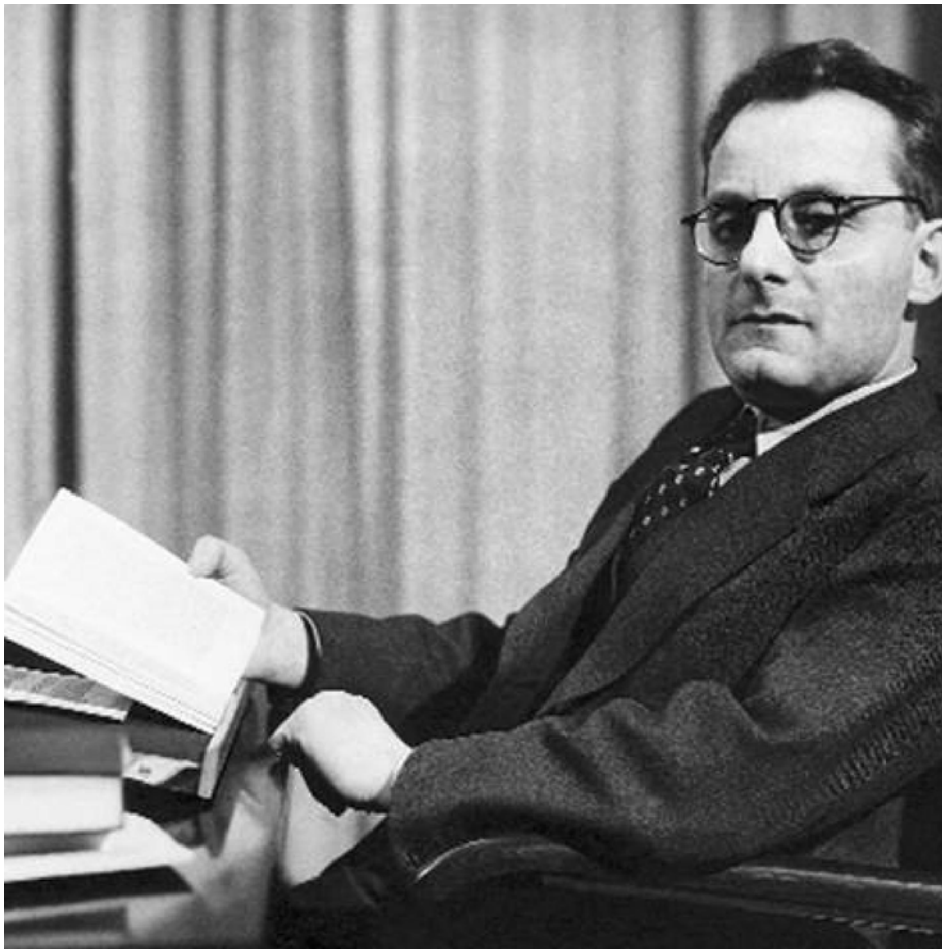
Тем интереснее, как описал это соотношение Брод, ссылаясь на еврейского просветителя и религиозного реформатора Мозеса Мендельсона, который пытался разделить еврейскую религию на две части. «Он полагал, что разделил их объективно на ядро и оболочку. Ядро носило общечеловеческий характер, являло собой кладезь философских познаний, который демонстрировал заметное, но в известном смысле истораживающее, то есть обусловленное эпохой рационалистическое сходство с тем, что выявила современная Мендельсону философия <...> По мнению Мендельсона, этого “ядра” было достаточно, чтобы оправдать почетный прием во всеевропейское сообщество. Остаток иудаизма как жизненного уклада – оболочка (выделено автором. – Л. К.), от которой можно постепенно, в течение лет или веков, освободиться, хотя сам Мендельсон в частной своей жизни держался за древние обычаи, вполне осознанно и всерьез. Тем не менее объявлял он их (по крайней мере, в теории, а не на практике) второстепенными, и последствия этого проявились в его же собственной семье, в его детях. (Которые,

напомним, поголовно крестились. А Мозес Мендельсон Младший в специальном письме приветствовал крещение своей дочери, специально им воспитанной в христианском духе. – Л. К.) Ведь “оболочка”, сравнимая с оболочкой плода, содержала жизненно важные витамины, национальное, историческое, мистическое наследие еврейского народа, то, что “не именем хранимо”, что “зреет молчаливо”».

Важно для нас и рассуждение Брода о грани между (в его случае) немецким и еврейским, а в нашем – между русским и еврейским. Точнее – по крайней мере для Осипа Манделштама и Бориса Пастернака – между русским, немецким, немецко- и русско-еврейским. «Я упомянул столько еврейских авторов не затем, чтобы вынести каждому в отдельности хорошую или плохую нравственную оценку. Эти авторы важны для меня скорее как представители многих, как символы еврейского отношения к немецкому духу и характеру».

В сущности, в России еще не проведены анализ и типологизация разного рода еврейских позиций по отношению к русской и европейской культуре. И эта статья, естественно, не ставит перед собой подобной задачи. Мы лишь обращаем внимание всех заинтересованных читателей на то, как подобная работа была проделана нашими предшественниками. Хотя надо отметить: оценить соотношение Москвы или Петербурга с Прагой не всегда просто. Ведь среди несколькихсоттысячной чешской Праги было около 20–25 000 так называемых немцев. А евреев среди них – чуть больше половины. Поэтому они в любом случае ощущали себя меньшинством в славянском городе, с одной стороны, и, да будет нам это прощено, провинцией немецкого культурного мира – с другой.

В то же самое время Петербург и Москва были однозначными центрами русской культуры, куда из немецких интеллектуальных центров возвращались русские евреи, создатели того русско-еврейского наследия, которое привлекает сейчас к себе все большее внимание. Другое дело, что далеко не все творцы русской культуры ощущали себя находящимися в центре событий, поэтому стремились в Париж, Вену и Берлин. Но не в Прагу. А знаменитый «Голем» Майринка стал одним из культовых текстов в России лишь в конце 1920-х, то есть когда родившиеся в 1890-х уже прошли первый этап становления и национально-культурного самоопределения.

Макс Брод. 1937 год.

Трудно сказать, насколько объективен Брод в следующем воспоминании, ведь он знал и итоги Катастрофы, и судьбы, свою и своих пражских друзей. Однако слова его о предвоенной Праге звучат подобно громовым, но никем не услышанным призывам Зеэва Жаботинского к срочной эвакуации польских евреев в Палестину в самом преддверии Холокоста. Брод пишет: «Я видел приближение беды. <...> У меня оставалось все меньше времени на споры, так как я работал в первую очередь ради того, чтобы спасти все возможное, иными словами, все, что желало быть спасенным в Страну Израиля. Думаю, я словом и примером помог многим тысячам».

Отсюда и острота споров Брода с теми, кто утверждал (да и утверждает сегодня), что друг и биограф Кафки «фальсифицировал» его сионизм. Между тем, Брод спокойно парирует: в письмах к возлюбленной писатель предлагал ей в 1912 году отправиться в Палестину, но то была не страна туризма 1960-х, а место, куда ездили только сионисты. И чуть ниже приводит свою речь о Кафке, произнесенную в Праге 23 июня 1964 года по случаю открытия выставки, посвященной покойному другу: «Истинный сын города Праги, Кафка был глубоко укоренен в пражской почве. Его поэтическая душа была околдована магией старой Праги и многоликости ее обитателей. Истинный сын Праги, он был укоренен в чешской и немецкой культуре, но равным образом – и в древней культуре евреев».

Брод продолжает: «За долгие века изгнания и еще более долгие – полудобровольного полуизгнания евреи достаточно хлебнули и боли, и противоестественных вывихов отверженного бытия. <...> Как справедливо отмечает Гейне в своих “Признаниях”, загнанный еврей, скиталец и бродяга, “сражался на всех

полях духовных битв” и всегда (если был преисполнен подлинной идеей еврейства) испытывал солидарность с бесправными, угнетенными, страждущими. И никогда не терял мессианской перспективы на вселенское человечество, на службе которого полагал себя состоящим.

Вот в чем значимость религиозного социализма Кафки, огромного региона его гуманистического еврейского духа, заявляющего о себе со всей искренностью, в исконном смысле – как требование справедливости. Стремиться к этому исконному смыслу в полную силу может лишь еврей, внутренне цельный, нашедший свою родину, свой “замок”; ущербный, ассимилированный еврей на это не способен».

В рассказе о друге Брод завершает сюжет о трагических предчувствиях сионистов перед второй мировой войной, до которой Кафка не дожил: «...интеллект его странствовал сложнейшими путями, нередко запутанными и загадочными. Мой добрый незабвенный друг Георг Мордехай Лангер, автор бессмертной книги “Девять врат” (Devet bran), преподавал ему (и мне) древнееврейский язык, обычаи хасидского мира, и от этого учения тянется нить прямым к вечным поискам справедливости, что мы обнаруживаем и у Кафки, и в знаменательной пьесе “Окраина” Франтишека Лангера, брата Георга. Мир Кафки простирается далеко, мы только-только начинаем его познавать. Он был пророк. Чуткой своей душой он предощущал кошмар нацистских зверств».

Образ хасидского учителя двух пражских писателей требует особого внимания, какое и уделил его фантастической фигуре сам Брод. Послушаем же благодарного ученика, минимально вторгаясь в его рассказ: «Еще одно яркое пятно в шумной, бурлящей жизнью Праге: Георг (или Иржи Мордехай) Лангер, брат знаменитого драматурга; среди нас он был фигурой броской, нередко вызывающей протест, но для того, кто смотрит глубже, приглашающей к волнительным исследованиям. Коренной пражанин и тем не менее приверженец восточноеврейского хасидизма, он не довольствовался одним лишь книжным знанием. Много лет он провел среди хасидов в Венгрии, при “дворе” галицийского цадика-чудотворца. Вернувшись домой, он, к ужасу давно ассимилированной среди чехов солидной буржуазной семьи, некоторое время ходил в хасидской одежде – шелковом кафтане и широкополой меховой шапке, вроде тех, какие на оперной сцене носят мейстерзингеры <...> В этом наряде Лангер, словно пережиток Средневековья, бродил по улицам современной Праги...»

Читаем дальше: «Лангер писал на чешском, немецком, древнееврейском – подлинный сын Праги и соединяющихся здесь культур трех народов. Слегка беспомощный немецкий язык его книги “Эротика Каббалы” я стилистически подправил, а затем передал книгу в печать <...> Позднее на чешском языке вышла основополагающая работа “Девять врат” (о жизни и обычаях хасидов), которая имеется теперь в немецком переводе Тиббергера, а также по-английски. Она займет свое место в ряду посвященных той же теме работ Дубнова, Бубера, Шолема и др.»

Здесь можно с радостью отметить: к сегодняшнему дню хотя бы основные произведения всех трех авторов переведены на русский. А характеристика Лангера поразительно совпадает с уже упомянутыми словами Брода о Кафке. Но судьба учителя сделала еще один кульбит: «Георг Лангер являет собой историческую веху: по всей видимости, он последний (или надолго останется таковым) пражский поэт, который писал и публиковал стихи на древнееврейском... За слиток чистого золота он купил себе место на нелегальном корабле и тайно пробрался в Палестину. После немислимых перипетий этого путешествия, уже в Тель-Авиве, он в скором времени смертельно захворал. Одно из

последних его стихотворений (на древнееврейском) посвящено смерти Кафки, бракосочетанию чистой души с бесконечностью».

Однако советские евреи – и хасиды, и сами коммунисты, – даже за слиток золота не имели возможности сесть на корабль, плывущий в Палестину...

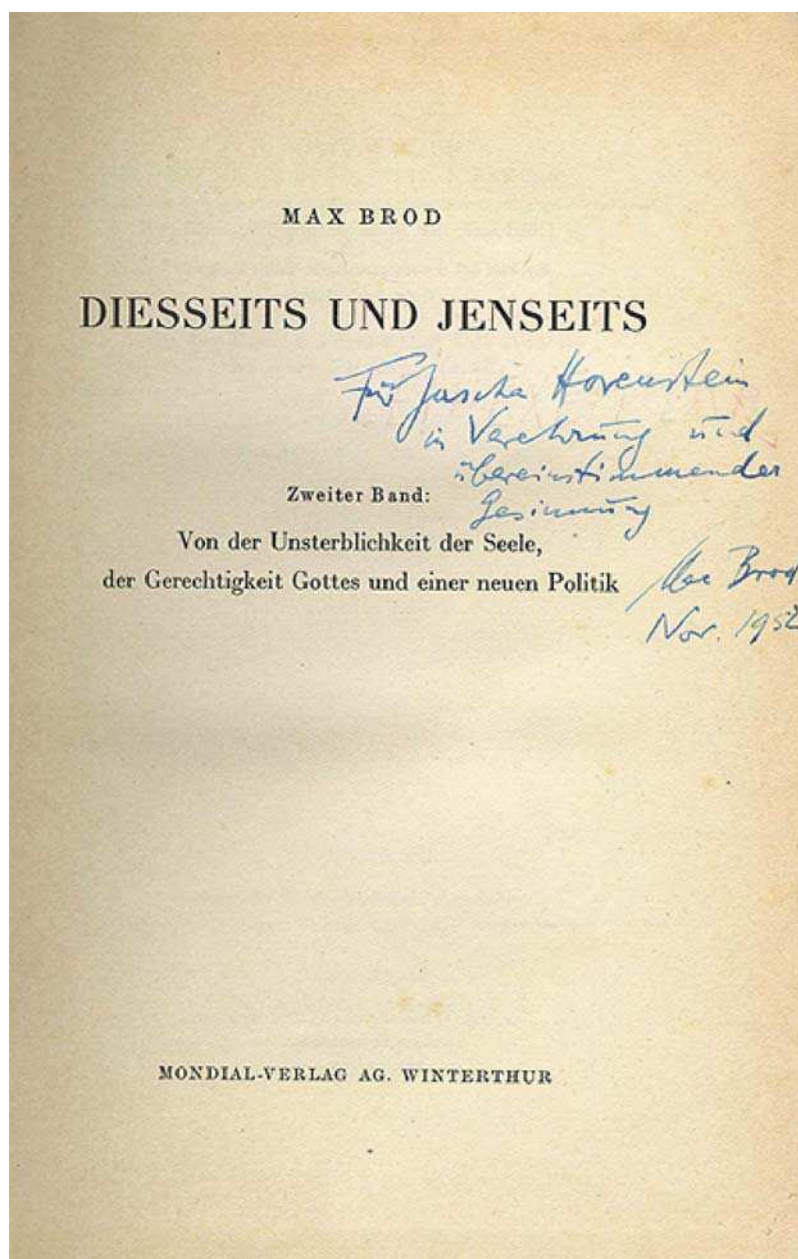
И это еще одно отличие еврейской судьбы в Чехии от советской. Брод то тут, то там цитирует чешские газеты середины 1960-х годов. И по этим отрывкам видно, что у чешских читателей уже в те годы была удивительная возможность слушать доклады, подобные бродовским, и читать о еврейских судьбах своих классиков. А в СССР имена убитых Гитлером и Сталиным писателей возвращались к нам вплоть до перестройки.

Кроме того, советский читатель был лишен возможности полноценного чтения Кафки. И не имел такого проводника, как Макс Брод, по еврейскому культурному миру первой половины XX века в России. Если бы такой проводник был, у ценителей творчества Пастернака, Мандельштама, Бабея и многих других писателей и художников-евреев не возникало бы вопроса о том, что знал или не знал о еврействе, иудаизме, хасидизме, сионизме и т. д. их любимый автор, чей духовный опыт они могли сопоставлять лишь со словами насмерть запуганных старших родных или с собственным опытом тотальной ассимиляции.

А теперь мы хотя бы представляем себе ту литературную германоязычную Европу, на которую ориентировался, к примеру, рецензент иностранных редакций советских издательств, прозаик и переводчик, поэт и теоретик Осип Мандельштам. Теперь мы видим, как на этом фоне выглядит список любимых европейских авторов Бориса Пастернака, начиная с героя «Пражского круга» – Райнера Марии Рильке (которого, как и Густава Майринка, Брод называет «пражанином в изгнании») и до Якоба Вассермана или норвежского писателя Якобсена. Становятся понятными литературные предпочтения и отталкивания у названных выше антиподов, казавшиеся раньше загадочным и невосстановимыми в своей духовной глубине. Вот откуда любовь к еврейской прозе у Мандельштама и презрение к Гейне-поэту у обоих авторов.

Казалось бы, можно лишь порадоваться рассказам чешских мемуаристов, которые были недоступны советским читателям, однако этому мешает одно очень грустное обстоятельство. До входа советских войск в Чехословакию со времени издания «Пражского круга» оставалось чуть менее трех лет. И неудивительно, что просоветские идеологи незамедлительно стали выпускать в СССР книги о сионистских происках антисоциалистических сил в ЧССР. К тому же живущий в Израиле с 1939 года Брод, который явно хотел поддерживать связь со своей бывшей страной, все же не стремился сопоставлять свои впечатления от произведений Кафки с антисемитскими процессами в Чехословакии, которые шли параллельно или последовательно за кампаниями по борьбе с космополитизмом или «делом врачей» в СССР.

Такая жесткая ориентация предчувствий, и своих, и Кафки, исключительно на нацистские зверства понятна и исторически оправданна. Тем более если помнить, что Брод написал свою книгу до Шестидневной войны, когда отношение социалистического лагеря к Израилю еще не претерпело необратимо антисемитских изменений. Однако этого контекста в книге нет. А жаль.

Титульный лист издания теоретического труда М. Брода «По ту и по сю сторону» (1942–1947) с автографом.

Между тем, в статье преподавателя Еврейского университета в Иерусалиме Лоры Найдич (недавно завершившей издание двухтомника о Пауле Целане) перед читателем открывается богатейший идейный мир самого Брода, отражающий и мир пражского еврейства, о котором, к сожалению, мы по-прежнему мало знаем. Вообще удивительно, что такой писатель даже в три предвоенных десятилетия не привлек к себе внимания советских издательств. Мы говорим именно о первой половине творческого пути Брода. Ибо живущего в Тель-Авиве сиониста и еврейского философа никакой советский читатель и знать не должен был. Не забудем, что в год бегства Брода из Праги в Советском Союзе после подписания пакта Молотова–Риббентропа начались запреты на книги писателей-антифашистов – а к их числу относились и многие герои «Пражского круга». По-видимому, сегодня стоит обратиться наконец и к собственному художественному творчеству Брода: романам и философским трактатам, мемуарам и публицистике.

И еще один момент. Макс Броду действительно повезло прожить так долго (кстати, почти столько же, сколько и упомянутому в начале нашей статьи Илье Эренбургу), сохранить в памяти и передать читателям будущих поколений духовный опыт ушедшей от нас эпохи. Подобные слова в еврейском мире обычно обращают к писателям на идише, которых сегодня без перевода практически никто не читает. Однако «мир, который исчез», как говорил о мире европейского еврейства прокурор на процессе Адольфа Эйхмана, – это еще и высокая еврейская, а порой и космополитическая культура Центральной Европы. Отделить одно от другого очень трудно – настолько часто эти миры пересекались. Как в случае Кафки, национальному самоопределению которого во многом способствовали артисты небольшого идишского театрала, который гастролировал в дни его взросления в Праге.

Вряд ли сегодня кто-то из молодых израильтян, российских или американских евреев вздрогнет, услышав идишскую речь, как Брод – ощущая, что это чем-то похожий на его родной немецкий, но еврейский язык. И вряд ли сегодня вообще возможна тяга к германскому культурно-языковому самоопределению. Хотя, вероятно, для детей тех евреев, что живут в германском мире и ищут себя, опыт писателей типа Брода и его друзей может оказаться важным. Впрочем, рассуждая о том, что в его доме в Тель-Авиве заканчиваются последние немецкие литературные чтения, начатые в предвоенной Праге, Брод, безусловно, надеялся на то, что книги пражского круга, и его собственные в том числе, найдут свое место в будущем. И это время приходит даже в России.

^[1] Макс Брод. Пражский круг / Пер. с нем. Н.Н. Федоровой. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2007.

^[2] Кацис Л. «Доктор Живаго» Б. Пастернака: от Гершензона до Бен-Гуриона // Еврейский книгоноша. 2005. № 8. С. 63–74.

НЕСКОЛЬКО НОВЫХ ШТРИХОВ К «СЛОВУ О ПОЛКУ»

Âëààèè èð Õàçàí

В издательстве «Гешарим» – «Мосты культуры» готовится новая книга В. Хазана «Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту». На материале многочисленных документов, с которыми читатель познакомится впервые, раскрываются новые страницы жизни и деятельности известного русского революционера-террориста, убийцы попа Гапона, ставшего впоследствии одним из лидеров международного сионизма, основателем электрической компании в Эрец-Исраэль и, по существу, ключевой фигурой в торгово-промышленной, финансовой и политической жизни страны. Предлагаем вниманию читателей фрагменты из книги.

П. Рутенберг (второй справа) в Палестине. 1930-е годы.

1. ЦАРСКАЯ ОХРАНКА И ЕВРЕЙСКИЙ ЛЕГИОН

После казни попа-расстриги Георгия Аполлоновича Гапона (1870–1906), возглавившего шествие многотысячной толпы рабочих к царю 9 января 1905 года («Кровавое воскресенье»), а после этого ставшего провокатором и агентом царской охранки, Пинхас Рутенберг был вынужден бежать за границу. Он поселился в Италии, где произошло его сближение с сионистскими кругами и вызрело решение посвятить себя борьбе за независимость еврейского народа. Главной акцией на этом этапе жизненных трансформаций вчерашнего революционера-террориста стало участие в создании Еврейского легиона, которому предстояло сражаться в составе Британской армии.

Политический сыск, который глаз не спускал с Рутенберга в России, продолжал вести за ним наблюдение и за границей. При этом секретных осведомителей Иностранного отдела Департамента полиции интересовал не только Рутенберг-революционер, но вся его деятельность в полном объеме. Это – с одной стороны. С другой же – уже безотносительно к самому Рутенбергу охранка не могла быть равнодушна к

процессам, которые происходили за пределами России, но – пусть и косвенным образом – оказывались тесно с ней связаны. Одним из таких внешних процессов была организация еврейских колоний в Палестине, о которых зарубежная агентура исправно информировала петербургское начальство. Этот интерес сысского управления к тому, что происходило за тридевять земель, в далекой Палестине, мог бы показаться чрезмерным, если не учитывать того, что большинство колонистов составляли евреи из России. К их взглядам и настроениям политическая полиция не могла быть безразлична, поскольку речь шла о русских подданных, проживавших на территории государства, с которым Россия находилась в состоянии войны. После того как евреи Палестины отвергли предложение принять турецкое подданство и вступить в турецкую армию, они были выдворены в Египет и оказались в положении изгнанников. Но даже и тогда, опрошенные англичанами, под чьим протекторатом Египет в то время находился, они не захотели возвращаться в Россию, полагая, что попадут под еще более тяжелый гнет.

Офицеры турецкой кавалерии разрабатывают план боевых действий в Палестине. 1917 год.

Обо всем этом и о том, что данные события привели к формированию Еврейского легиона, сообщалось в донесении агента Департамента полиции от 10/23 ноября 1915 года, отправленном из Парижа в Петербург. Донесение любопытно тем, что содержащаяся в нем информация, несмотря на то, что сообщает о «врагах отечества» – палестинских евреях-сионистах, беглеце-эсере Рутенберге, о требовании создания еврейского государства – словом, о вещах для российских властей предрержащих малопривлекательных и малосимпатичных, в общем-то лишена откровенно негативных рефлексий: ведь речь все-таки идет о военном формировании, пусть еврейском, однако сражающемся на стороне союзников.

Печатается по копии, хранящейся в архиве П. Рутенберга (Хайфа, Израиль).

Совершенно секретно

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Директору Департамента Полиции

Вследствие предписаний от 30 июля с<его> г<ода> и 3 сентября с<его> г<ода> за №№ 171753 и 172910 имею честь доложить Вашему Превосходительству, что, по полученным от агентуры сведениям, под влиянием палестинофильских и сионистского движений среди евреев в последние годы в Палестине организовались целые сети еврейских земледельческих колоний и в некоторых городах, особенно в Яффе, выстроились целые кварталы в европейском стиле. Сионистское движение, которое в последнее время перешло на практическую почву, казалось, медленно, но постепенно достигало своих целей: процент еврейского населения в Палестине увеличивался; еще более увеличивалось общественное значение его в Палестине ввиду сильно развившегося уровня его культурного развития (среди эмиграции было много людей с высшим образованием). Сионисты благодаря этому значению в стране надеялись в будущем принять управление краем в свои руки и даже образовать автономное государство или, по крайней мере, автономную провинцию в Турции. Но война разрушила все планы. В Палестине, где влияние и симпатии Франции и Англии весьма значительны и где среди русских евреев (а их большинство среди эмиграции), из-за борьбы с немецким влиянием в культурных еврейских учреждениях в Париже, отношение к Германии было неприязненное: общественное мнение склонилось к уверенности в победе тройственного согласия. Уже это одно настроение евреев в Палестине возбудило против них турок. Когда же в войне решила принять участие и Турция, то турецкие власти предъявили всем русско-подданным евреям требование принять турецкое подданство и поступление еврейской молодежи в ряды турецкой армии. Русско-еврейское население почти сплошь отказалось, что и послужило началом изгнания русско-подданных евреев из Палестины и разгромления их имущества как турецкими властями, так и местными арабами.

Вмешательство посла американских Соединенных Штатов, также еврея, спасло евреев от массового избиения, и благодаря его же помощи многие тысячи русских евреев были перевезены в Порт-Саид и Александрию. В пользу еврейских беженцев были устроены сборы в Египте, Англии, Италии, Франции и России. Итальянские евреи оказали особенно сильную помощь, и в несении этой помощи объединились в Италии и сионисты, и противники таковых. Английские власти в Египте облегчили несение этой помощи и энергично занялись устройством беженцев, среди которых было много женщин и малолетних детей. Когда же английские власти опросили, кто из беженцев желает отправления в Россию, то оказалось, что, несмотря на их отчаянное положение, они от поездки в Россию отказались, объясняя свой отказ тем, что в России обхождение с евреями, своими же подданными, еще хуже, чем в Турции. Среди беженцев было много молодежи, уклонившейся от воинской повинности, которая также отказалась идти в ряды русских войск.

Повлияла ли жажда мести к туркам <sic> и желание отнять у них свое имущество, действовало ли, с другой стороны, чувство признания к Англии, но среди этой молодежи распространилась пропаганда в пользу поступления добровольцами в

английскую армию, действовавшую на востоке. Отчаянное и растерянное положение среди беженцев облегчило эту пропаганду, и число еврейских волонтеров быстро росло. Образовались еврейские легионы, к которым сочувственно отнеслись английские власти. В настоящее время эти легионы уже участвуют в сражениях.

Образование еврейских легионов вызвало новое движение среди сионистов, особенно в Италии. Оно характеризуется следующим лозунгом: образовать еврейские легионы в английской армии, усиливать таковые с целью поражения Турции и освобождения Палестины. Взамен за это их отношение и содействие евреи (сионисты) надеются получить впоследствии по крайней мере автономные права в Палестине, будет ли таковая принадлежать Франции или Англии. Эта идея, которая часто приводит к мечте о самостоятельном еврейском государстве под эгидой Франции или Англии, распространилась и среди некоторых несионистов и даже неевреев в Италии и Франции, например, идею о возрождении еврейского государства сильно пропагандирует редактор французской социалистической газеты «La Guerre Sociale» Эрве.

В Америке сторонником этой идеи стал известный социалист-революционер Пинхус (Петр) Рутенберг¹¹.

Вообще все это движение, хотя и сильно захватило еврейских беженцев, сумело охватить более широкие сферы лишь в Италии, и то, по мнению агентуры, лишь временно. Опасение, что победа может быть на стороне германцев, делает это движение менее популярным и несвоевременным.

Ñààòíèé ñáàòíèé

Íàðèæ

10'23 íîÿáðÿ 1915 ããã

Британские солдаты в Иерусалиме.

1917 год.

2. ПИНХАС РУТЕНБЕРГ И ОРГАНИЗАЦИЯ ЕВРЕЙСКОГО ЛЕГИОНА

История создания Еврейского легиона, или, как его еще называли, Отряда погонщиков мулов, давно стала хрестоматийной. Прибавить что-то новое к событиям, основательно и подробно описанным самими их непосредственными участниками, включая книгу командира еврейских легионеров полковника Д. Паттерсона «*With the Zionist in Gallipoli*» (1916) или воспоминания В. Жаботинского «Слово о полку» и «Повесть моих дней», вроде бы невозможно. Тем не менее инициатива Пинхаса Рутенберга в этом отношении, как кажется, до конца недооценена, хотя она была, по всей видимости, более ранней, чем инициатива самого Жаботинского. Существует, пожалуй, только одна статья израильского историка М. Минца, в которой дается серьезный анализ деятельности Рутенберга как одного из главных инициаторов и создателей Легиона – «Йозмат Пинхас Рутенберг ле-акамад гдудим ивриим им протц милхемет а-олам а-ришона» («Инициатива Пинхаса Рутенберга в формировании еврейских военных отрядов в начале первой мировой войны»)^[2]. Статья написана на труднодоступном для широкого читателя иврите и в России почти неизвестна. Публикуемые далее письма Рутенберга Д. Гольдштейну в ней упоминаются, но сами по себе, написанные на русском языке, не приводятся. На самом деле рутенберговских писем гораздо больше, но для иллюстрации тех проблем, которые волновали их автора, мы выбрали лишь два.

Проблемы эти сводились к тому, чтобы в связи со вспыхнувшей первой мировой войной евреи – из тех, кто пассивно мечтал о Палестине или добивался ее по

дипломатическим каналам, – превратились бы в тех, кто способен завоевать ее с оружием в руках. «Параллельно с дипломатической активностью, проявленной сионистами в союзных столицах, – писал по этому поводу далекий от сионизма М.В. Вишняк в книге о Х. Вейцмане, – в более молодых, но не менее энергичных головах русских сионистов за границей возникла мысль подкрепить еврейские притязания на Палестину физической силой. Владимиру Жаботинскому, Иосифу Трумпельдору, Пинхасу Рутенбергу пришлось в голову образовать особый отряд или легион из евреев-добровольцев, которые бились бы на стороне Антанты за еврейскую Палестину. Эта идея шла в прямой разрез с традиционной для сионизма, еще с герцлевских времен, политикой нейтралитета во внешних и внутренних делах различных государств»^[3].

Рутенберг, живший как политический эмигрант в Италии, которая должна была вступить в войну, но еще не сделала свой окончательный выбор, на чьей стороне она выступит – то ли стран тройственного согласия, то ли Германии, стремился сделать все от него зависящее, чтобы предотвратить итало-германский союз. Пока же итальянцы сохраняли нейтралитет, нельзя было рассчитывать на поддержку официальными кругами еврейского военного формирования, которое выступило бы на стороне Англии. Да и сами эти «официальные круги», в которых основной расчет Рутенберга был естественным образом связан с представителями еврейства, в целом не оправдали его надежд. Имевшие какой-нибудь вес на политической арене итальянские евреи были, как правило, далеки от сионизма и равнодушны к нему, как, например, Луиджи Люццатти (1841–1927), депутат и сенатор, возглавлявший в 10-х годах Министерство финансов (а затем сельского хозяйства). В ноябре 1914 году Рутенберг, посредством сочувствующего сионизму Анжело Сюллама встречался с Л. Люццатти в Генуе^[4]. Несмотря на то что обильных результатов эта встреча не принесла, Рутенберг в будущем, когда отправится в Америку, воспользуется рекомендательными письмами, данными ему Люццатти^[5].

Рутенберг именно с Италией связывал будущие широкие планы строительства еврейского государства в Эрец-Исраэль. Во втором из публикуемых писем, написанном из Генуи в Милан, он просит своего корреспондента Д.Р. Гольдштейна отправиться в Швейцарию и привезти оттуда Х.-Н. Бялика, чтобы с его помощью повлиять на еврейскую общественность Италии в ожидании решающих событий. Первое же письмо отправлено из Англии, куда он отправился располагать европейское общественное мнение к идее создания Еврейского легиона. Там, в туманном Альбионе, где далеко не все сочувственно относились к этому проекту, он был даже арестован за излишний агитационный энтузиазм, пришедший в столкновение с суровыми английскими законами.

Не станем излишне идеализировать политическую дальновидность и реалистическое мышление нашего героя. По первоначальному плану военное еврейское формирование виделось Рутенбергу более чем туманно. В рамках нового – еврейско-сионистского – проекта он действовал неловко, как новобранец, без глубокого знания той реальности, которую декларировал как свою кровную, но которую на самом деле понимал с трудом. Основная ставка в мобилизации участников замысленного им отряда делалась на русских евреев, студентов итальянских и швейцарских университетов. Эта идея оказалась почти полностью неосуществимой по той простой причине, что данная категория молодежи, далекая от сионистских идеалов, вовсе не собиралась проливать кровь за крайне далекие и абстрактные для них цели. Судьба Эрец-Исраэль, мало волновавшая студентов-евреев из России и почти не находившая сочувствия у итальянских евреев, тем более была чужда итальянскому правительству, не спешившему ввязываться в военные действия: Италия до определенного времени сохраняла нейтралитет и вступила в войну на стороне Антанты только 23 мая 1915 года.

Несмотря, однако, на все разочарования и неудачи, деятельность Рутенберга по созданию Еврейского легиона никак нельзя назвать бесполезной или бесплодной. Напротив, в скором времени она принесла свои плоды, пусть и с «поправкой» на реальные жизненные условия и обстоятельства.

О создании Еврейского легиона знали и в России, и вовсе не только в еврейских кругах. Живший в это время в Италии и друживший с Рутенбергом писатель А.В. Амфитеатров, который был корреспондентом одной из крупнейших российских газет «Русское слово», сообщал телеграммой из Рима:

Из Милана мне сообщают дополнительные сведения о движении евреев в пользу создания Палестинского государства.

Образуется особый еврейский легион для будущей экспедиции англичан в Палестину. Ядро легионеров образуют американские евреи, эмигрировавшие из России, и к ним присоединяются добровольцы из всех европейских стран. В Милане русские студенты-евреи почти все записались в легион и ждут только для открытия действий нарушения Италией нейтралитета.

Из Каира мне также пишут об образовании еврейского легиона как о деле решенном, вполне одобренном английскими военными властями.

То же самое сообщил мне и инженер Рутенберг, который отложил свою поездку в Америку и недавно приезжал в Рим. Он рассказывал много интересного о симпатиях, которые встречают еврейские надежды в нейтральных странах, в особенности в Италии.

Из всех этих разнообразных сведений можно, видимо, заключить, что дело действительно на ходу¹⁶¹.

Американские и канадские добровольцы в учебном лагере Еврейского легиона.

Новая Шотландия, Канада. 1918 год.

К сожалению, о корреспонденте Рутенберга Давиде Рафаиловиче Гольдштейне известно до обидного мало. Мы знаем, что это был один из видных деятелей движения Поалей-Цион, в котором идеи сионизма теснейшим образом переплетались с социалистической идеологией. Наряду с теоретиком и вождем Поалей-Цион Б. Бороховым (1881–1917) Гольдштейн являлся одним из самых горячих сторонников и единомышленников Рутенберга в деятельности «Pro causa Ebraica» – базировавшейся в Милане сионистской организации, которая осуществляла всю разнообразную работу по созданию Легиона. Известно, что через него и Борохова Рутенберг пытался привлечь к этой работе членов Бунда, которые в качестве беженцев жили в это время в Италии и Швейцарии, но данные попытки не принесли никакого результата.

Письма приводятся по оригиналам, хранящимся в Центральном сионистском архиве (Иерусалим) АК 80/1.

Дорогой Давид Рафаилович.

О моих приключениях при приезде в Англию, включая арест, Вы, вероятно, знаете. Просил сестру Вам написать¹⁷.

Видел вчера Зангвилла¹⁸. Он «территориалист», но не «сионист»; «моралист», а поэтому не видит возможности изгнать из Палестины арабов, которые там в большинстве. Его интересует равноправие евреев в России, и сэр Грей ему «обещал»

сделать, что сможет... В территорию еврейскую не верит. Через 2–3 поколения русским евреям будет так же хорошо, как и английским.

Спорить с ним не время, конечно. И переубедить его, конечно, не удалось бы все равно ни в чем.

Сегодня у меня свидание с Ms Cowen – душеприказчиком Герцля, видным сионистом. Вид его магазина готового белья не говорит за большую воинственность его. Самого мистера еще не видел. Вообще настроение у меня здесь скверное. А сидеть приходится и, может быть, не на что будет уехать, не только не с чем.

Не унывайте. Желаю добра.

Крепко жму руку,

П. Рутенберг

Genova 1/11

/<1>914

Дорогой Давид Рафаилович.

Я не смогу двигаться отсюда до среды. Времени тратить ни в коем случае невозможно. Необходимо поехать Вам немедленно, с ближайшим поездом в Швейцарию, разыскать Бялика и привезти его сюда. Во что бы то ни стало и как можно скорее. Считаюсь с тем, что каждый день очень дорог.

Придется огромную работу сделать здесь, в Италии. Придется поехать опять в Лондон. Надо кому-нибудь поехать в Россию и в Америку. Нам вдвоем этого, конечно, не сделать. Поэтому привезите Бялика, если найдете еще кого-нибудь из главарей сионизма, и его. Объясните, в чем дело. Скажите о поездке моей в Лондон, о положении здесь, в Италии. Я в среду или четверг буду в Милане, а оттуда с Б<ороховым> поеду в Рим получить от пр<авительства> разрешение объявить в Италии, в месте, которое разрешат, сборный пункт еврейских волонтеров. Разумеется, когда Италия не будет нейтральной. А это случится на этих днях, очевидно. То же придется сделать в Англии, Америке, России. Если можете, поручите Драбкину собрать немного денег. Хотя к среде рассчитываю, что деньги у меня будут свои. Потом денег достанем. Возьмите с собой достаточно денег, чтоб иметь возможность привезти с собой двух человек. На всякий случай.

Посылаю Вам рекомендательное письмо сестры и ее подруги в Женеву. Жена сиониста. Я им сегодня утром телеграфировал, чтоб разыскали адрес Бялика. Это будет Вам зацепка. Адрес ее: Фея Николаевна Ниежсевижский (Nieswisky), 5 rue Grands Philosophes, Genève. Пишется ли точно так фамилия, не знаю. Пишу на почте. Но найдете, конечно.

Каждый день телеграфируйте, где Вы, что успели сделать. В случае надобности буду телеграфировать poste restante Вам в город, куда будете <sic>.

Посмотрите на этих Ниежсевижских <sic>, нельзя ли и их привезти.

Рядовых людей с собой не везите. А условьтесь телеграфным адресом вызвать их. Условьтесь подпись <sic> русской или итальянской лучше фамилии. Я буду подписываться Metsola, а Вы подписывайтесь Давидов (Davidoff), а то с немецкими фамилиями нашими телеграммы несомненно будут задерживаться.

Ну, всего лучшего. Надеюсь еще завтра поговорить с Вами по телефону.

П. Рутенберг

^[1] Из Италии Рутенберг отправился в США для сионистской пропаганды, а также мобилизации денежных средств и человеческих ресурсов. В США он приехал в конце мая или начале июня 1915 года.

^[2] А-ционут: Меасеф ле-толдот а-тнуа а-ционит ве-а-ишув а-иеуди бе-Эрец-Израэль <8>, Тель-Авив, 1983. С. 181–194 (иврит).

^[3] Вишняк М.В. Доктор Вейцман. Париж, 1939. С. 119.

^[4] См. об этом: Minerbi Sergio I. L'Italie et la Palestine: 1914–1920. Paris: Presses Universitaires de France, 1970. P. 40.

^[5] Яри-Полескин Я. Пинхас Рутенберг: А-иш ве-пеула. Тель-Авив: А-ткуфа, 1939. С. 110.

^[6] <Амфитеатров А.В.> Еврейский легион // Русское слово. 1915. 2/15 апреля.

^[7] Сестра Рахиль (Роза) сопровождала Рутенберга в его итальянской, а затем и нью-йоркской эмиграции.

^[8] Израэль Зангвил (1864–1926) – еврейский писатель, публицист и общественный деятель. Руководствуясь принципом «Лучше сионизм без Сиона, чем Сион без сионизма», поддерживал идеи территориализма – создания еврейской национальной автономии, где евреи составляли бы большинство независимо от географического расположения данной территории. Основатель в Лондоне Еврейского территориального общества, которое занималось проблемой расселения евреев в любой части земного шара.

ЛОЛИТА» НАИЗНАНКУ И ДРУГИЕ НОВИНКИ

Î adé Ài ôîèí

Мы продолжаем следить за израильскими русскоязычными журналами. К сожалению, тенденции в 2007 году наметились удручающие: два издания – «Время искать» и «Nota Bene» – по-видимому, окончательно закрылись. Это соответствует печальной, хотя и естественной закономерности: пышному цветению русскоязычных печатных СМИ в Израиле, характерному для 1990-х, приходит конец. Уменьшается число не только журналов, но и газет – очевидно, вместе с количеством читателей.

Начнем с нестареющего ветерана – журнала «22». Он по-прежнему следует классическому образцу «Нового мира» 1960-х: разнообразие жанров, сочетание «фикшн» и «нон-фикшн», тематическая «всеядность» публицистики (что не обязательно плохо) – конечно, с упором на еврейскую проблематику. Перед нами два выпуска журнала (№ 145, 146).

Из прозы первого отмечу эмоционально насыщенную повесть Анны Соловей «Йорик». Материал и тема – рискованные: больница, тонкая грань между бытием и небытием; смертельно больной подросток, готовый проклясть жизнь, внезапно узнает на этом краю любовь и обретает более зрелое понимание себя и мира. Рядом – медсестра-возлюбленная, мать и отец, соседи по палате, врачи, школьные приятели. Пестрый сор и метафизика жизни. Сложную мелодию повествования ведут несколько голосов, удерживаясь от фальши, излишней сентиментальности и псевдотрагизма.

В следующем номере центральное место занимают тексты Нины Воронель «Светка-нимфетка» и Михаила Юдсона «Власть тьмы, или Регистрация». «Светка-нимфетка» – отрывок из нового романа «Черный маг», фрагмент нескончаемой саги о броуновском движении сексуально заряженных человеческих частиц в погоне за счастьем. Это «Лолита» наизнанку: рассказ ведется от лица такой же нимфетки, только израильско-русскоязычной. Способность Воронель бесконечно длить нить бойкого, изящного и совершенно необязательного рассказа вызывает уважение, смешанное с недоумением.

Повесть Юдсона о путешествии из Тель-Авива в Москву, кроме пребывания там и чудесном спасении-возвращении – тоже вариация на темы и манеру книги «Лестница на шкаф». Так же, как там, российские реалии с трудом проступают сквозь марево богатого и возбужденного авторского воображения. Хотя и не в них дело. Повествование Юдсона – неудержимый поток словотворчества. Хмельное и блудное, оно бесстыдно в проявлениях физиологического удовольствия от самого себя, не нуждается ни в резонах, ни в сюжете. Литературная эрудиция, амбиция и прочая амуниция – все при нем...

Александр Мелихов из России и Эдуард Бормашенко из Израиля рассуждают в 145-м номере на актуальную тему: об экзистенциальных корнях терроризма. Мелихов видит их в потребности человека (всякого? но почему тогда не все мы террористы?) укрыться от своей бытийной мизерности, обрести почетное место в иерархии мироздания. Бормашенко усматривает причину в распаде связей между словами и вещами и утверждает: Каин затаился в каждом из нас.

В 146-м номере те же авторы спорят о смысле человеческого бытия вообще. Мелихов развивает свою патентованную концепцию «иллюзий», главенствующих в коллективном и индивидуальном сознании, и ставит задачу: заменить иллюзии агрессивно-разрушительные столь же искренними, но безвредными, благородными. Его оппонент отвергает такой подход как атеистический и потому заведомо неверный: лишь сознанию религиозному под силу постичь подлинный трагизм бытия. Вообще надо сказать, что петербургский «варяг» Мелихов почти «княжит» в публицистическом разделе: в двух номерах опубликованы сразу четыре его материала. И по-моему, к пользе и украшению журнала.

В том же «департаменте» отмечу статью Александра Кустарева «Золотые семидесятые» (№ 145), нетривиально анализирующую феномен дефицита в советской жизни, да мини-трактат Владимира Идзинского «Израильское общество – временный кризис или начало распада?». Автор пытается – довольно сумбурно – приложить концепцию Тойнби к израильской истории и современности, совмещая энтузиазм дилетанта с очевидным политическим экстремизмом.

Интересен проект Александра Бродского «Гойески» – автор сопровождает репродукции мрачнейших офортов Гойи выразительными поэтическими комментариями.

«Иерусалимский журнал», как всегда, избегает скучновато-мрачных философских, политических, идеологических материй и позволяет себе существовать «в мире прекрасного», в основном художественной литературы. В толстом (сдвоенном – № 24–25) выпуске царит гостеприимная атмосфера. Иерусалимские ворота – страницы журнала открыты для всех желающих. Имена, названия и жанры сменяют друг друга словно в калейдоскопе. В прозаическом разделе выступают Леонид Левинзон и Владимир Ханан, Давид Маркиш и Илан Рисс, Татьяна Азиз-Лифшиц и Тамара Дубина. В поэтическом – Семен Гринберг и Геннадий Беззубов, Александр Верник и Борис Камянов, Зинаида Полванова и Рената Муха.

Звучат тосты и поздравления – прежде всего, по случаю юбилеев Игоря Губермана и Юлия Кима, двух звезд стольного града. А что за люди держат речи! О Киме говорят Юрий Ряшенцев и Дмитрий Сухарев. Второго юбиляра величают Дмитрий Быков и сам Губерман – в освежающе-многострочных и матерных, самоироничных виршах.

Но это праздники. Остальное – и основное – все же будни. В выпуске два стержневых прозаических текста. Первый – переведенный Светланой Шенбрунн фрагмент старого уже романа Давида Гроссмана «См. статью “Любовь”» (см. рецензию Давида Гарта на этот роман, вышедший в серии «Проза еврейской жизни» издательства «Текст»: 2008, № 3). Глава называется «Вассерман». Это история-притча о пожилом еврее, который попал в нацистский концлагерь и... не взяли его ни пуля, ни газ. Так, нетрадиционно, в сложной повествовательной перспективе с элементами сказочной фантастики, решается здесь тема Катастрофы.

Еще одно центральное произведение номера – историческое повествование Алекса Тарна «Дом». Дом здесь – вполне конкретное строение: Кельнский собор. В нескольких новеллах перед нами предстают картины из долгой жизни этого уникального памятника архитектуры, от века тринадцатого до века двадцать первого. Тарн – опытный мастер, сочетающий знание исторических реалий с непринужденным слогом. Но чересчур тенденциозный. В «Доме» ясно просматривается упрощенная двухполюсная картина мира: евреи, вечно и жестко противостоящие гоим. Причем первые обобщенно благи, а вторые – будь то средневековые христиане, немецкие националисты девятнадцатого столетия или современные мусульмане – в массе своей либо тупые погромщики, либо изощренные гонители.

В журнале представлены и два мемуарных текста. Это воспоминания экасиониста Юлия Марголина «Дорога на Запад», в которых описывается его путешествие из «глубины сибирских руд», из сталинского лагеря через Польшу, Германию, Францию – в Палестину. Записи кратки, выразительны, настояны на драматическом опыте автора и его напряженных размышлениях о прошлом и будущем. Другой текст – «Жиденок» Игоря Шнейдермана – образец безудержного словесного самовыражения, переходящего в эксгибиционизм. Автор полагает, и, по-моему, безосновательно, что его сексуальные созревание, опыт и фантазии заслуживают всеобщего интереса. А кроме них в этих воспоминаниях нет ничего.

Журнал «Зеркало» (№ 29, 30), также по традиции, уводит нас от политики и быта, от «трепета забот иудейских» на безграничные просторы авангардного искусства.

Особое впечатление производят тексты (точнее жанр не определить) Ирины Солганик-Гольдштейн, вдовы покойного Александра Гольдштейна. При чтении их возникает ощущение диковинное и жутковатое. Напечатанное в 29-м номере «Отвращение» – попытка продолжения самого Гольдштейна в рефлексии о его исчезновении из мира и дрящемся отсутствии в нем. Это фактография умирания и погребения, выдержанная в болезненно-возбужденной тональности, плач со сложными риторическими модуляциями. Сквозь густые стилевые узоры и наслоения, яркую образность проступают душераздирающие детали последней борьбы Гольдштейна. В номере 30-м опубликован второй текст, «Воля Ауробиндо» – жизнеописание индийского общественного деятеля и эзотерического философа, опять же мастерски приближенное к манере и мировидению Александра Гольдштейна.

В том же выпуске читаем «Рассуждение» Саши Соколова, довольно вязкую пародию на философствование белым стихом, и повесть Николая Бокова «Времени вечность» – несколько претенциозно рассказанную историю из эпохи «кошачьих игр» «Софьи Власьевны» с диссидентами. Далекий северный полуобитаемый остров, отшельник, беглец и девушка – треугольник «под сенью» органов, игра Любви и – не Смерти, а Несвободы. Вадим Россман в своей «Книге пересечений» в рамках модного нынче жанра представляет свод рассуждений, афоризмов, цитат и ассоциаций на всевозможные темы, иногда любопытных, всегда произвольных. Михаил Гробман в статье «Второй русский авангард» создает очередную систему координат, определяющую положение официальных, полу- и вовсе неофициальных авангардных течений в художественном мире Москвы начала 1960-х.

А рядом Дмитрий Сливняк – и это единственное прямое обращение к израильским реалиям – занят деконструкцией текстов и поступков небезызвестного Израиля Шамира, антиссиониста и отчасти юдофоба. Вывод автора: в основе провокационных выпадов и выходок Шамира лежит вполне различимый еврейский психологический субстрат.

30-й номер «Зеркала» открывается поэтическими подборками Александры Петровой, Александра Скидана, Михаила Гробмана. Повесть «Демоны Амастриана» Сергея Юдина – еще одна вариация на тему продажи души дьяволу, на этот раз в византийских исторических декорациях. Свободное владение топонимикой и терминологией эпохи – не более того.

«Скачки на морских коньках» Любы Юргенсон и Леонида Гиршовича, по словам самих авторов, «смесь пародии с мистификацией», отвязный киносценарный бурлеск об однополой любви, правах сексменьшинств, виагре, а по сути – о конце западной цивилизации.

Завершают номер две миниатюрные «американские трагедии». Рассказ Леонида Сторча «Жизнь прекрасна» – о «мертвых среди живых», а их в условиях современного (не)существования становится все сложнее отличить друг от друга. Валерий Айзенберг в «Квартиранте» талантливо воссоздает поток сознания американского еврея-иммигранта из бывшего СССР, который явно тронулся рассудком на почве стрессов, культурных различий, когнитивных диссонансов, а проще говоря – на почве жизни.

СЕМЕЙНЫЕ СТРУКТУРЫ И ДУШЕВНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ

По эту сторону Иордана. Рассказы русских писателей, живущих в Израиле

Сост. Д. Маркиш

М.: Текст, 2008 (Серия «Проза еврейской жизни»). – 219 с.

Сразу предупреждаю, что последующий анализ не идеально беспристрастен, но при этом достаточно показателен. Итак, какова еврейская семья в изображении современных русско-израильских прозаиков?

Старая Голда, измученная родами, и ее муж, бестолковый сапожник Шимон. Четверо дочерей и пятеро сыновей, один из них – любимчик матери – Айзик. Голда умирает, Шимон умирает, остальные погибают в гетто, Айзик переживает Холокост, но становится отнюдь не великим раввином, как всю жизнь мечтала мать, а пациентом дурдома.

Прапрабабушка – умалишенный инвалид 95 лет. Прабабушка – 75-летняя старуха, тянущая на себе весь дом, устающая уже с утра, совершенно изнемогающая к вечеру и мечтающая об одном – умереть. Бабушка – большая, нескладная, пожилая женщина, вялая и унылая. Мама – активная, но обозленная одинокая женщина. Дочка – обычная, малопривлекательная эгоистка. Все орут друг на друга, задыхаются в однокомнатной квартире, думают о смерти, планируют самоубийство.

Истероид, завистник, лгун, дурак и позер. Живет с мамой. Был женат четыре раза, получившихся детей и жен не помнит за исключением четвертой, которую люто ненавидит.

Муж, жена и двое детей. Муж одержим навязчивой идеей построить яхту. Семейная жизнь, подчиненная этой идее, катится под откос. Жена погибает, дети отправляются в детдом, отец – в психушку.

Муж, жена и семеро детей, ультраортодоксальная семья. Муж тает и истлевает, становится угрюмым и раздражительным, поскольку, оказывается, пятнадцать лет изо дня в день занимается тем, что роет подземный ход под Храмовой горой, где в результате и погибает, под завалом.

Мать, вдова, и сын. Мать – истеричка, окруженная врагами: и арабы, и прорабы, и ветеринары, и мужики – все стремятся ее обидеть, надуть, ограбить, убить. Мучается нервами, пытается держать себя в руках, с отчаяния ударилась в мистику. Сын – бледное, чахлое растение, слабак, дразнят девчонкой, все врачи-психиатры-знахари не помогают.

Вот такие семейные портреты в интерьере – в интерьере «вечного горемыки» еврейского народа. И это не антисемитская книга. Это критическое отношение к действительности, к современной действительности. Но, слава Б-гу, есть еще прошлое и будущее. И только в них возможны счастье и подвиг, яркие цвета, сильные чувства. Только в эпоху Храма были бесстрашные мужи и нежные красавицы, могучие воины и их гордые жены, и жили они в прекраснейшем Иерусалиме – прекраснейшем, а не пыльном, жарком и враждебном. Только в мавританской Испании бедные евреи были веселы, любили своих жен и детишек, наслаждались сочным мясом и терпким вином и что Б-гу, что Дьяволу, что Ангелу Смерти могли дать достойный ответ. И только в будущем несчастная мать-одиночка найдет себе нового мужа, ее хилый сынок возмужает, а государство построит новую трассу и избавит героических поселенцев от контактов с жестокими и неразумными соседями.

Подобная установка – на критику настоящего при идеализации прошлого и надеждах на будущее – характерна для индивидуальной памяти, индивидуального сознания, применительно к личному прошлому («трава была зеленее, небо голубее») и личному будущему («завтра будет лучше, чем вчера»).

Nāḏāōā ā āōōōīāī æēāō,

Ī āōōīyūīāāōīūēī.

Āñī ī āīāāīīī, āñī īōēāāō.

xōī īōēāāō, oī āōōāō ī ēēī.

Такая же модель свойственна и памяти коллективной, национальной – по крайней мере, у некоторых наций, – и некоторым же национальным литературам. Вспомните Николая Васильевича, с его поэтизацией героического прошлого, оптимистическими планами «как нам обустроить Россию» и сатирой на унылую «крепостническую» действительность.

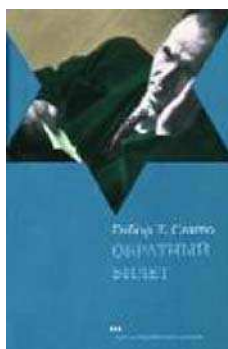
Āāāēā Āāōō

САТМАР НЕ ЗАДУШИШЬ, НЕ УБЬЕШЬ

Габор Санто

Обратный билет

М.: Текст, 2008 (Серия «Проза еврейской жизни»). – 265 с.

Габор Санто, венгерский писатель и главный редактор еврейского журнала «Шабат», пишет вполне добротную, хотя и преимущественно вторичную прозу. Его рассказы построены на типовых конфликтах – отцов и детей, разных идентичностей, детства и взрослости, родины и второй родины, маленького человека и государства. Фабульная типичность усугубляется клишированностью нарратива: все герои время от времени ослабляют узел галстука, потирают виски и покрываются холодным потом. Местами концентрация штампов превышает приемлемую:

Но его и теперь иной раз охватывает гордость, когда он думает о жене, которая своими незаурядными данными: гибкой, стройной фигурой, вызывающе пышной, при тонкой талии, грудью, длинными белокурыми волосами, небесно-голубыми глазами, а также, конечно, хорошо подвешенным языком и взрывной энергией <...> воплощала собой в его глазах идеал женщины.

Если не своеобразие, то, по крайней мере, особенность творчества Санто состоит в работе, тоже довольно трафаретной, с еврейской темой. Его герой – венгерский еврей XX века. Авторское перо застает его либо во время Холокоста, на нарах, либо сразу после, когда он хоронит на сельском кладбище полторы тысячи кусков немецкого мыла R.I.F. (в его расшифровке – «чистый израильский жир») – в память о погибших соплеменниках со всех окрестных деревень. Или оплакивает погибшую в Освенциме семью, женится второй раз не по любви, а чтобы не сойти с ума и уходит из школы раввинов – в университет. Либо еще позже, в эпоху подспудного антисемитизма и государственного замалчивания еврейской темы, когда он случайно узнает о своем происхождении, а потом всю жизнь старается об этом забыть. Слово «еврей» для него как удар бича, сама тема – запретна и крайне неприлична, и он уверен, что хасиды – нелепый пережиток прошлого и никогда не моются.

Впрочем, эффективно замолчать и задушить свое еврейство героям главреда журнала «Шабат» не удастся, что и неудивительно. То, по прошествии тридцати лет доблестного атеистического существования, неодолимо захочется яблока с медом на известный осенний праздник. То некий заботливый раввин поведает его сыну про родство

с Тетельбоймами, знаменитыми сатмарскими ребе, и станет его Андраш Авроомом с длинными пейсами, и жить будет не в Будапеште, а где-нибудь в Бруклине...

Еще одна особенность малой прозы Санто, особенность, которую с равным успехом можно счесть и недостатком, и достоинством, – это нестандартная композиция: отсутствие сюжетной завершенности, ожидаемой от рассказа или повести, открытый финал, оставляющий читателя с вопросом «А что же дальше?» и создающий ощущение фрагментарности нарратива и, за счет этого, его реалистичности. Перед нами не сочиненный рассказ, с продуманными завязкой, кульминацией и развязкой, а произвольно прорубленное, с неровными краями, окно в жизнь героя. Окно в жизнь венгерского еврея второй половины XX века.

Áááéä Ááðò

А ДЛЯ ИСПАНЦА ЧТО ДОРОЖЕ ЧЕСТИ?

Даниэль Клугер

Мушкетер

М.: Текст, 2007. – 253 с.

Некоторые книги – необязательно самые толстые или лучше написанные – предоставляют мощную базу для дальнейшего творчества и обладают афродизиакальной притягательностью для сочинительских умов всяких рангов. Это книги, проповедующие новую Идею и/или создающие свой мир. К числу таких книг относятся Евангелия и Гарри Поттер. А также «Три мушкетера».

По мотивам этого романа – или, точнее, серии «мушкетерских» романов – создаются разнообразные фанфики и римейки. Как сам Дюма переписал историю, чуть прибавив к одному, чуть убавив от другого, так креативные поклонники его *opus magnum* переписывают любимую книгу юности – кто стремясь к большей исторической правде, кто предлагая новые смелые интерпретации. Оставим за пределами наших рассуждений киноверсии – будь то прекрасный мультфильм про котов и пуделей или не менее прекрасный, но и не менее далекий от романа Дюма фильм Юнгвальда-Хилькевича – и упомянем сравнительно недавние литературные римейки «Трех мушкетеров»: «Д’Артаньян – гвардеец кардинала» А. Бушкова (2002) и «Да, та самая миледи» Ю. Галаниной (2005). Юлия Галанина, не отходя далеко от исходного нарратива, а точнее – ничтоже сумняшеся копируя его страницами, фокусируется не на Д’Артаньяне со товарищи, а на миледи Уинтер, превращая ее из злого демона в блестящую *self-made woman*, которая, главное, отнюдь не была казнена благородными мстителями, а таки обвела шовинистских подонков вокруг пальца. А вот Даниэль Клугер в своем приквеле к приключениям четырех друзей решил поведать о юности Портоса; как и Галанина, он выводит на первый план второстепенного персонажа и тоже пересматривает оценки, данные великим романистом. Своей повестью Клугер вбивает клин в щель между буквальным прочтением образа Портоса – недалекого толстяка и добряка – и рядом деталей, как-то: неожиданно остроумные реплики и тщательно скрытое прошлое, сообщающих этому образу загадочную глубину. Для тех, кто обеспокоен кажущейся неуместностью анализа мушкетерской литературы в еврейском журнале, сразу скажу, что Клугер объявляет Портоса (он же – Исаак де Порту) сыном португеза, португальского маррана, бежавшего от инквизиции в земли французской короны.

«Мушкетер» Клугера, снабженный стилизованным подзаголовком «Подлинная история Исаака де Порту, служившего в мушкетерской роте его величества Людовика XIII

под именем Портос», – это добротная историческая повесть, без ненужных претензий – фабульных, историко-реконструкционистских или стилистических – и при этом без бесстыдных натяжек в сюжете, без фактических ошибок, без штампов, столь частых, увы, в сочинениях подобного жанра, чьи авторы, видимо, заняты вещами более важными, нежели самостоятельное описание природы или внешности героев. Читать «Мушкетера» легко и приятно. Отдельное спасибо за то, что невыносимый Д’Артаньян появляется лишь в последнем абзаце книги, да и то анонимно.

В качестве компенсации за отсутствие бешеного экшна и сильных страстей тут есть определенная проблематика. Описывая, как Портос узнал о своем происхождении, как последовательно испытал страх, неприятие, ненависть к родителю, стыд, а потом, услышав о его героической борьбе с инквизицией, – и гордость, Клугер затрагивает сложную тему «еврейской идентичности», а конкретнее – еще более сложное, тройное понятие чести, присущее марранам – беженцам с Иберийского полуострова, в эмиграции вернувшимся в иудаизм. Эти люди гордились своим еврейством, гордились своим испанским или португальским происхождением и блюли кодекс дворянской чести – ведь многие из них, будучи христианами, успели получить дворянский статус. Это специфическое групповое самосознание, одновременно этноконфессиональное, географическое и сословное, и в данном сочетании – глубоко маргинальное, до сих пор, насколько мне известно, не освещалось в русскоязычной беллетристике. И вот, пожалуйста, причем в такой неожиданной связи с героическими мушкетерами Людовика XIII, и, надо сказать, очень выгодной связи: ну кто, право слово, стал бы читать про каких-то португальских евреев – другое дело старина Портос!

Анна Аидо

ЯЗЫК РЕВОЛЮЦИИ – ИВРИТ

Бенджамин Харшав

Язык в революционное время

Пер. с англ. Л. Черниной

М.: Текст, 2008 («Чейсовская коллекция»). – 477 с.

Недавно стартовавшая серия научно-популярной литературы по иудаике «Чейсовская коллекция» продолжает стремительно прирастать новыми книжками. Не прошло и месяца после выхода сборника очерков Дениса Соболева о европейских евреях (см. Лехаим, 2008, № 3), как на прилавках магазинов появилась монография Бенджамина Харшава, посвященная «еврейской революции» XX века и роли в ней возрожденного иврита.

Харшав (до ивритизации его фамилия звучала как Хрущовский), профессор сравнительного литературоведения Йельского университета, в аннотации к русскому изданию назван «лингвистом и культурологом». Впрочем, здесь нет особой ошибки – лаконично сформулировать область научных интересов Харшава простому смертному не под силу. В его активе труды по семиотике, теории метафоры и стиховедению, исследование американской поэзии на идише, несколько монографий о Шагале, книга о гибели Виленского гетто и прочее, а также многочисленные поэтические переводы с европейских языков на иврит и с иврита на английский. Это звучит как описание подвигов дилетанта, одержимого гигантоманией, однако более пристальное знакомство с деятельностью Харшава не дает поводов для обвинения в дилетантизме: он основатель факультета поэтики и сравнительного литературоведения Тель-Авивского университета, лауреат высшей израильской награды в области искусства, науки и культуры «Эмет», редактор нескольких международных научных журналов, его собрания сочинений выходили на иврите (в пяти томах) и на английском (в двух).

Окончательно развеивает опасения знакомство с переведенной на русский монографией Харшава (по-английски она вышла в 1993 году). Это довольно популярно написанное, но тем не менее вполне солидное исследование, в котором информационная насыщенность сочетается с изяществом и оригинальностью концепции. В центре внимания автора – феномен ускоренной модернизации, пережитой мировым еврейством в конце XIX – XX веках, когда за несколько десятилетий еврейское общество превратилось

из религиозного в секулярное, а на смену традиционному образу жизни, не менявшемуся в своих основах на протяжении веков, пришли поливариантность и возможность выбора.

На внешний взгляд выбор этот казался весьма ограниченным и сводился к двум принципиально противоположным решениям: растворение в русском (немецком, польском, американском и т. д.) социуме или возвращение к корням. На самом деле и сионизм, и ассимиляционизм были явлениями куда более сложными: внутри каждого из течений существовали самые разные «фракции» и шла острая идеологическая борьба, так что перед евреем, выходящим на рубеже XIX–XX веков из местечка в «большой мир», открывался целый веер возможностей. Все это достаточно очевидно, но Харшав идет дальше, кладя в основу своего исследования парадоксальный, но, кажется, верный тезис, согласно которому ассимиляционистский или сионистский выбор были двумя вариантами единой протестной установки: «не так, как здесь, не так, как сейчас». Возникновение этого ощущения в местечковой среде автор связывает с погромами 1881–1882 годов, а дальнейшие события лишь способствовали его «массовизации».

Отказываясь от резкого противопоставления сионизма и ассимиляционизма, Харшав акцентирует их психологическую близость. Например, оба варианта сопровождалась резким разрывом с галутным прошлым и декларативным отторжением привычного образа слабого, забитого еврея – «торговца воздухом». Таким образом, «превращение» еврея в израильтянина на деле представляло собой такую же смену субъектной идентичности, как и «превращение» его в немца или русского.

Заменой религии в новом секулярном еврейском обществе, скрепой, структурировавшей ишув и сообщившей ему единство и целостность, стал возрожденный иврит. Победы в свое время в Эрец-Исраэль идишистская партия – и Государства Израиль, по крайней мере в его нынешнем виде, не существовало бы, убежден Харшав. В то же время он демистифицирует и демифологизирует историю возрождения иврита и роль Элиэзера Бен-Йеуды в этом процессе.

Возможно, автор несколько преувеличивает специфику «еврейской революции», приписывая уникальность типичным для просветительства явлениям (так, переводческая стратегия Ш. Черниховского или А. Шлэнского немногим отличается от аналогичной деятельности М.Ф. Ахундова в Азербайджане или К. Стамати у молдаван). Но Харшав прав в главном – пережитая еврейским обществом стремительная модернизация привела к результатам поистине удивительным. Итогом ее стало не только не имеющее аналогов в истории возрождение мертвого языка и «мертвого» государства, но и та исключительная роль, которую сыграли «евреи»¹ практически во всех общественно значимых сферах жизни в прошедшем столетии.

Î eöäëë Ýäüüöòäéí

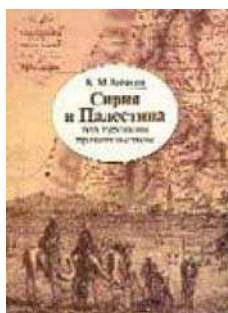
ПАЛЕСТИНА БЕЗ ЕВРЕЕВ

К.М. Базили

Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях

Подготовка текста и предисловие И.М. Смилянской

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2007. – 608 с.

Константин Базили родился в 1809 году в Стамбуле, но после греческого восстания 1821 года его семья бежала в Одессу. Он учился в знаменитой Нежинской гимназии, где познакомился с Гоголем, и в Ришельевском лицее. Поступив в 1830 году на русскую службу, Базили несколько лет состоял при эскадре, крейсеровавшей по Средиземному морю, и по итогам плавания выпустил ряд очерковых книг, благожелательно встреченных критикой, в том числе Белинским.

Но дипломатическая карьера Базили развивалась еще успешнее, чем литературная: пробыв несколько лет в Петербурге, а затем на Кавказе, он в самом конце 1838 года был назначен российским консулом в Яффу. До Яффы, впрочем, новоназначенный консул так и не доехал: еще до его прибытия консульский пост было решено перенести в Бейрут, так что он отправился прямо туда. Но и став в 1843 году генеральным консулом, Базили не оставлял литературных занятий и не прекращал работу над главным своим сочинением – книгой «Сирия и Палестина под турецким правительством».

Труд этот был закончен к 1847 году, однако издать два толстых тома удалось лишь 15 лет спустя. Еще через сто лет последовало переиздание, переводы на арабский, интерес и признание востоковедов. И вот теперь издательство «Гешарим» выпустило том, куда кроме самого фундаментального труда вошли «Статистические заметки о племенах сирийских и о духовном их управлении» и еще ряд подготовленных Базили приложений, опущенных в издании 1962 года.

Надо сказать, что для еврейского читателя «Статистические заметки» представляют особый интерес: включенный сюда раздел о «талмудистах, самаритянах и караитах» – единственное в книге целостное изложение взглядов Базили на еврейский вопрос применительно к Ближнему Востоку. Увы, взгляды эти не слишком оригинальны – российский консул дает довольно объективный очерк жизни евреев на Земле обетованной, описывает структуру их духовного управления и финансовое положение, с очевидным сочувствием говорит о жертвах цфатского погрома или дамасского кровавого навета, но

стоит ему перейти к обобщениям, как шаблоны оказываются сильнее непосредственного восприятия: «Роковое влияние мистических бредней Талмуда пребывает во всей силе, и в них-то черпает народ свое изуверство и свою ненависть ко всем другим племенам». «Пагубное влияние Талмуда на иудеев» автор доказывает тем, что ставит самаритян и караитов (караимов), Талмуд не признающих, «несравненно выше талмудистов (т.е. собственно иудеев. – М. Э.) в моральном отношении».

В основном тексте автор уделяет евреям не слишком много места. «Благоговейные предания и упования иудейства» он вспоминает только для того, чтобы противопоставить их «безумным» друзьям. Единственный еврей среди персонажей – банкир Хаим, выдающийся финансист и интриган, первый министр могучего Джаззар-паши, который, впрочем, однажды шутки ради отрубил своему советнику нос и ухо. Но и лишившись носа, Хаим продолжал верой и правдой служить своим господам и сыграл решающую роль в назначении следующим пашой Абдаллах-бея – в благодарность тот велел удушить банкира и забрать его миллионы в казну.

Однако, как ни парадоксально это звучит, именно фактическое отсутствие в книге евреев помогает сделать главный «еврейский» вывод из сочинения Базили. Междоусобицы, резня, мятежи, интриги, бесконечная война всех против всех – таковы Сирия и Палестина, увиденные русским консулом. Страна Израиля без своего народа неприглядна и безвидна, как земля в первый день творения.

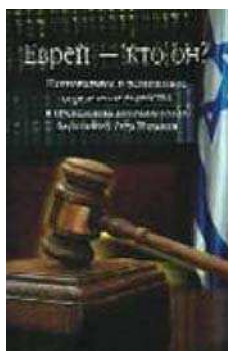
Что до взглядов Базили на еврейский вопрос применительно к России, то они изложены в докладе на сессии Одесского уездного собрания 1881 года (по выходе в отставку бывший дипломат служил земским гласным), тогда же вышедшем отдельным изданием. Жаль, что «гешаримцы» не включили это небольшое, 39-страничное, сочинение в том в качестве приложения. Любопытно было бы ознакомиться и сравнить.

Ī èōàèë Ýääüüò àéí

ОБСТОЯТЕЛЬНО О ЗАГАДКЕ ЕВРЕЙСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Еврей – кто он? Национальное и религиозное определение еврейства в прецедентах постановлений Верховного Суда Израиля

Jerusalem: Gesharim; М.: Мосты культуры, 2007. – 510 с.

Абсолютно своевременная и необыкновенно важная книга, ибо в ней обсуждается с разных точек зрения вопрос, кого можно считать евреем. В самом деле, вроде бы еще мудрецы Талмуда определили несложный механизм: еврейская принадлежность передается по материнской линии, либо посредством перехода в иудаизм – гиюр. Но реальность всегда сложнее теории: с тех же талмудических времен прозелиты (обращенные в иудаизм неевреи) хотя и считались евреями, но «не совсем евреями». На них налагались и некоторые ограничения: в выборе профессии судьи, в брачном законодательстве. Да и отношение в еврейской среде к ним колебалось: от «прозелиты любимы Б-гом; Он в них видит часть Израиля» до «прозелиты – короста на теле Израиля». Создание Государства Израиль как родины евреев галута и потенциальной алии добавило неизбежных проблем: исходный текст Закона о возвращении носит сугубо светский характер и принимает во внимание лишь этническую составляющую понятия «еврей». Но как быть, например, с евреем, принявшим христианство? С одной стороны, по Алахе такой еврей продолжает оставаться евреем, хотя и «плохим», с другой – в народном еврейском сознании «выкрест» – уже вроде бы и не еврей. Судьба одного такого еврея описана в книге Л. Улицкой «Даниэль Штайн – переводчик». А судебное разбирательство по иску прототипа этого героя – Освальда Руфайзена – подробно приведено в рецензируемом сборнике, как и опирающееся на это прецедентное дело другое знаменитое разбирательство: иск еврея Биньямина Шалита, требующего признать евреями его детей, рожденных в браке с нееврейкой.

Помимо прецедентных судебных дел с евреями-христианами, в книге обстоятельно анализируются вопросы о возможности репатриации евреев с уголовным прошлым и общетеоретические вопросы – что такое еврейство и, в конце концов, может ли нееврей все же стать евреем?!

Поистине замечательным обстоятельством для читателя является многослойность содержания книги: ведь судьи, разбиравшие упомянутые иски, в своей аргументации многократно и детально разбирали соответствующие алахические положения разного времени. Таким образом, читатель знакомится еще и с обширными

историко-юридическими представлениями евреев предшествующих поколений – книга содержит ценный исторический материал.

В приложении приводится первоначальный текст Закона о возвращении 1950 года и текст того же закона с поправками. В начале книги ее составитель адвокат Зеэв Фарбер поместил в высшей степени содержательную статью об израильском конституционном праве.

Другое дело, что вопросы, разбираемые в книге, не могут быть окончательно разрешены – в силу парадоксальности самого понятия «еврейство». Впрочем, главное, как известно, процесс, а не результат. Увлекательного чтения!

Рдее Оааае

РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ АМЕРИКА

Русские евреи в Америке. Книга 2

Иерусалим – Торонто – СПб., 2007. – 338 с.

Книги подобного рода обречены на благодарность интеллигентных читателей, поскольку вводят в научный оборот и в оборот человеческой памяти забытые и полузабытые имена, события, письма – все то, что составляет память культуры. Новая книга научно-исследовательского центра «Русское еврейство в Зарубежье» не является исключением. Благодаря интенсивной работе центра и его руководителя Михаила Пархомовского, а также составителя-редактора Эрнста Зальцберга мы получили еще один том свидетельств о многообразной культурной и научной деятельности русских евреев-эмигрантов в Америке.

Можно понять трудности составителя: многочисленные русские евреи внесли огромный вклад в американскую культуру. Чтобы в полной мере рассказать о трудах каждого из них, понадобится не один том. И составитель отмечает в предисловии, что недостатком сборника является стилистическая и тематическая пестрота, как «неизбежный спутник всех подобных изданий». Однако качество сборника, безусловно, повышается за счет дополнительных критериев отбора материала. Так, например, это открытие неизвестных имен. Разумеется, можно и нужно писать о Романе Якобсоне и Соле Юроке, и статьи общего характера о них, помещенные в сборник, вполне добротные. Но об этих выдающихся фигурах написан не один десяток книг и статей, в то время как существует множество малоизвестных или вообще забытых деятелей русско-еврейской эмиграции, также немало сделавших в своей области. Они достойны того, чтобы их имена вышли из тени. И благодаря этому изданию мы теперь знаем об А. Ветлугине и Гизелле Лахман. Обращаясь же к именам великим и общеизвестным, составитель очень уместно приводит то, что может быть наиболее интересным – архивные материалы, такие, например, как опубликованная в сборнике переписка А. Гольденвейзера с семьей Набоковых. Есть, правда, досадные промахи – так, несколько выпадает из сборника заметка о ныне здравствующих Сае Фрумкине и Виталии Маргулисе. При всем уважении к этим людям, мне кажется, что в условиях ограниченности печатного пространства целесообразным было бы вспомнить в первую очередь тех, кто уже ушел. Не очень понятны и мотивы включения в сборник воспоминаний Иосифа Фукса – уж очень они типичны.

Но все это не слишком значимо в сравнении с тем объемом интереснейшего чтения, в которое погрузится читатель. Некоторые статьи ломают устойчивые стереотипы: например, миф о поголовной еврейской грамотности, о чем пишет в своей статье

«Феномен двуязычия среди еврейской иммиграции» Иосиф Богуславский. Многих удивит и сообщение о том, что Гершвин сочинил «Порги и Бесс» под руководством другого еврея – И. Шиллингера. О, сколько нам открытий чудных готовят составители очередных сборников о русском зарубежье...

Рѡѣ Ѡѡѡѣ

МУЗЕИ ВМЕСТО ЕВРЕЕВ

יְעֹאֲבֵד יָאֵלִיאִי

Это называлось гордо: Второй Международный фестиваль искусств «Традиции и современность». Два десятка государственных флагов. Гипсовая скульптура генерала Скобелева, отличимая от бронзового Жукова лишь наклоном конского хвоста. Имитация искусства в имитации Манежа. Разгул салонного китча, словно сейчас с Арбата. В общем, вот они, наши традиции и такая же современность.

Но слева от входа – островок подлинности: небольшая выставка экспонатов из коллекции Российского еврейского музея (Музея толерантности). Перевязи для свитков Торы XVIII века, верхняя часть Арон Кодеш, ханукии, бсамим (сосуды для субботних благовоний), парохет (занавес для Арон Кодеш) и синагогальные подсвечники века XIX-го, несколько картин А. Лаховского, А. Марковича, Мане-Каца и ксилографии С. Юдовина XX столетия... Всего двадцать предметов. Об этой выставке уже рассказывал в прошлом номере журнала ее организатор и создатель коллекции музея Григорий Казовский.

Еврейские музеи давно стали неотъемлемой частью мирового культурного ландшафта: к настоящему времени они есть во множестве крупных и не очень крупных городов Европы, Америки, не говоря уж об Израиле. В России же судьба этих музеев столь же прихотлива, сколь и судьба страны. В 1916–1929 годах в Петербурге-Петрограде-Ленинграде, на 5-й линии Васильевского острова, находился Музей еврейского историко-этнографического общества (МЕИЭО), созданный на основе выставки, работавшей с 1913 года. Основу экспозиции составляли материалы, собранные на Украине в 1912–1914 годах этнографическими экспедициями под руководством

общественного деятеля, писателя, «отца еврейской этнографии» С.А. Ан-ского. Коллекция музея, содержащая больше тысячи экспонатов, была уникальна именно своим этнографическим характером. Она превосходно представляла быт, культуру и искусство штетлов черты оседлости. После расформирования музея в рамках борьбы с «еврейскими буржуазными структурами» значительная часть коллекции оказалась в Музее этнографии. Долгое время этот музей был единственной организацией, проводившей выставки на еврейские темы. До Великой Отечественной войны там существовал еврейский сектор, который в 1939–1941 годах умудрился организовать большую выставку «Евреи в царской России и в СССР».

А. Лаховский. На утреннюю молитву. Еврейский квартал Люблина. 1900-е годы.

После падения советской власти попытки организовать еврейские музеи в России возобновились. В Петербурге эти инициативы носят светский характер и осуществляются под эгидой Центра «Петербургская иудаика». Он располагает своими обширными коллекциями, проводит выставки, ведет активную образовательную, исследовательскую и издательскую деятельность и активно участвует в мировом еврейском музейном движении. Впрочем, и нынешнее время не свободно от политического форс-мажора: недавнее закрытие Европейского университета в Петербурге, с которым тесно сотрудничала «Петербургская иудаика», вызвало бурю протестов, правда, пока безрезультатных.

В Москве инициатива создания еврейского музея исходила от еврейских религиозных организаций и реализовывалась в атмосфере конкуренции. Общины

КЕРООР в 2003 году учредили Общественный совет по созданию музея во главе с раввином А. Шаевичем, но не смогли найти подходящее помещение. К этому времени в распоряжении Марьиноорошинской общины уже находился Бахметьевский гараж – памятник архитектуры русского конструктивизма, построенный в 1926 году Константином Мельниковым и Владимиром Шуховым и переданный общине в 2001 году для организации учебно-воспитательного и спортивно-досугового комплекса. Однако маневренная архитектура гаража идеально соответствует стандартам выставочного зала, да и коллекция уже насчитывает не одну тысячу единиц. К тому же концепция Российского еврейского музея, предложенная ФЕОР, шире концепции Музея истории московского еврейства, выдвинутого КЕРООР.

Ханукия. Белый металл. Моравия, середина XIX века.

Оба проекта – московский и петербургский – получили одобрение высших российских властей. Питерский был поддержан президентом В. Путиным на встрече с тогдашним премьер-министром Израиля А. Шароном в ноябре 2003 года, а московский – на встрече Путина с Берлом Лазаром в июне 2007 года. «Я обещаю, что перечислю в фонд строительства этого музея свою зарплату за один месяц», – заявил президент. У общественности кровь стыла в жилах при одной мысли о том, что семья того, кто называет себя «русским националистом», целый месяц перебивается с хлеба на квас – и все для того, чтобы евреи открыли, наконец, свой музей.

В том, что такой музей, и не один, в обозримом будущем все-таки появится, сомнений нет. Но и радостного в этом, как ни парадоксально, тоже мало.

Да, сама идея еврейского музея появилась еще в середине XIX века, когда Хаскала, еврейское просветительство, встретилась с коллекционерством. Да, первые музеи такого рода возникли на рубеже XIX–XX столетий. И все же полного развития, наивысшего расцвета эта концепция достигла после Холокоста, когда европейское еврейство в том виде, в каком оно существовало веками, практически исчезло. Живых евреев не стало – вместо них возникли еврейские музеи.

А. Маркович. У постели больного раввина. 1920-е годы.

Зловещим символом такой подмены служит судьба одного из самых знаменитых еврейских музеев – Пражского. Он, как известно, был основан в 1906 году. Нацисты закрыли его после оккупации Чехословакии, однако в 1942 году неожиданно открыли вновь. Более того, его коллекции интенсивно пополнялись во время второй мировой войны. По инициативе сотрудников музея немцы свозили в Прагу ценности из собственности уничтоженных на чехословацкой территории еврейских общин. Если в 1939 году в стенах музея размещалось всего около девятисот экспонатов, то в 1945-м их число превышало 213 тыс. Группа музейных сотрудников тщательно описывала коллекцию. Ими была создана целая система сортировки и регистрации всех собранных в Праге экспонатов. В ноябре 1942 года гестапо даже разрешило провести в здании закрытой пражской синагоги выставку еврейских книг и рукописей. А год спустя в другой столичной синагоге прошла выставка, посвященная еврейским религиозным традициям и обычаям.

Чем объяснить политику нацистов? Оказывается, все очень просто: они планировали создать после войны в Праге «Музей истребленной расы», для которого и собирали такое огромное количество экспонатов. Кстати, судьба истребленной расы постигла и сотрудников музея, большинство из которых, составив каталоги, отправилось в концлагеря. Еврейские артефакты нужны – евреи нет.

И это далеко не единственный случай. И дело не только в особом цинизме нацистов. Вот еврейский музей в Амстердаме. Он размещается в самом центре еврейского района в четырех больших ашкеназских синагогах, от которых во время Холокоста остались одни стены. Еврейская община, ослабленная численно и материально, не могла сама привести их в порядок и в 1956 году продала здания муниципальным властям. Те рассудили, что в этих зданиях должен находиться еврейский музей, который и открылся после тридцатилетней реконструкции зданий. Музей есть – а синагог и тех, кто в них молился, уже нет.

Еще двадцать лет назад в тогдашнем Советском Союзе было, по разным оценкам, не меньше полутора миллионов алахических евреев и двух миллионов смешанных. Сейчас на территории России их в три-четыре раза меньше. Да, возрождается национальное и религиозное самосознание, знание языка, культуры, традиций. И тем не менее возникновение еврейского музея – знак того, что здесь были евреи. Когда-то были.

память о дедушке, сколько руководствуясь моделью «Моисея в корзине». Теперь все сердобольные еврейские тетушки называют Мауро «Мойшеле» и стремятся стать ему коллективной египетской принцессой.

Затянувшееся ожидание родителей проходит под щебет соседок и Шломины молитвы и песни в душе (Чирибим-Черобом!), в игре в футбол и подглядывании за женщинами в примерочной кабинке (еврейские мальчики любят это дело не меньше других – вспомните «Однажды в Америке»), на чем предприимчивая Хана, владеющая доступом к заветным дырочкам, делает немалый гешефт. И главное событие сезона – Кубок мира по футболу, который смотрят все: и дети, и студенты-коммунисты, и даже раввин, – общегражданская страсть смыкает этноконфессиональные различия. В своих барах за бразильскую команду наверняка болеют и полицейские, что, впрочем, не мешает им устраивать зачистки – и студенты-коммунисты пропадают с нашего экрана (а кое-кому помогает заступничество раввина – представьте себе, такая вот особенность национальной диктатуры в оный период!).

В концовке у нас 1/2 happy end'a: возвращается одна мать, отца так и не выпустили, а «отпуск» свой они, вероятно, провели в тюрьме – ни бежать, ни лечь на дно не удалось. И мальчик с мамой уезжают из еврейско-итальянского квартала Сан-Паулу, из этого мира типовых пятиэтажек, шумной синагоги, веселых баров и футбола, конечно же футбола. Хорошая картина про 70-е. Она могла бы быть тогда же и снята. Впрочем, кто сказал, что «ренессанс» – это что-то новое?

ХУЖЕ ТАЛИБОВ И ФАРАОНА

Ааааа Аааа

В последнюю неделю февраля в Москве прошел фестиваль документального кино «Кинотеатр.doc». Это уже трехлетний проект, представляющий в России так называемое действительное кино или «кино истины» (cinema-verité, direct cinema), чей девиз – независимость и взаимодействие с реальной жизнью.

В конкурсную программу фестиваля попали два фильма о постсоветских иммигрантах в Тель-Авиве («Лукоморье» и «Толя»), а в рамках международной программы показывали куда более экзотическую картину – про двух последних евреев Кабула, среди прочих наград снискавшую Гран-при «Большой золотой Нанук» Международного кинофестиваля «Флаэртиана-2007».

Название фильма почему-то переведено «В кабале в Кабуле», хотя – что бы мы ни думали про Афганистан – никого там пока не закабалили, а Cabale а Kaboul может означать либо «Каббала в Кабуле», либо «интриги» в том же самом месте; ни в каббале, ни в интригах недостатка, действительно, нет.

Двух последних евреев Кабула зовут мулла Исаак Леви и Завулон Симантов. Они оба живут в заброшенной синагоге, в нескольких метрах друг от друга каждую неделю производят кидуш, в одном и том же дворике зарезают кур и люто ненавидят друг друга. Мулла Исаак живет на первом этаже, Завулон – на втором, и они стараются никогда не встречаться. Мулла Исаак – каббалист, он продает амулеты и заговоры, прописывает магические обряды – во имя Аллаха и в сторону Мекки. Завулон делает вино, месит волосатой рукой бурю массу в красном пластмассовом ведре и патетически обещает превратить эту грязь в лунный свет. Оба бизнеса незаконны, и оба еврея уверены, что сосед стучит. Впрочем, это далеко не единственный его, соседа, грех. Исаак сутенер и шпион талибов. И Завулон шпион талибов, а к тому же он украл из синагоги второй свиток Торы (первый забрали талибы). Будь он проклят! Чтоб мне помочиться ему на бороду! Завулон украл шофар. Исаак нанял людей, чтобы разрыть надгробия на еврейском кладбище и посадить там свои репу и бобы. Завулон обрезал провода, чтобы лишиться Исаака электричества. «Шпион талибов!» – «Шпион талибов!» У Завулона есть лицензия шохета – он учился шхите в Ташкенте, а Исаак режет кур незаконно, не имея на это права. А Завулон украл у Исаака двадцать четыре коврика и часы времен царя Николая. А Исаак предатель, предал веру отцов и принял ислам, а потом предал и ислам, и теперь его все презирают. Нет, это талибы объявили его израильским шпионом и заставили принять ислам, избив так, что он до сих пор еле ходит. А Завулон – он хуже талибов! Хуже арабов и индусов! Хуже фараона!

Этот фильм – в некотором роде иллюстрация классического анекдота про еврея, попавшего на необитаемый остров и выстроившего две синагоги – в одну ходить, а в другую не ходить. Двум евреям и подавно нужны две синагоги, а лучше – три, но вот беда – в Кабуле осталась лишь одна, и Исааку с Завулоном приходится делить ее протекающий кров и жить рядом с обидчиком, доносчиком, сплетником и отравителем.

Этот фильм – про Кабул, про его шумные и тесные улицы и базары, про мужской мир без единого женского лица, пусть даже в хиджабе, про неживописную грязь и бедность – раскошующую землю, пыль, резиновые шлепанцы, пластмассовые мусорные баки, шланги, ведра, тряпки. Ландшафты и интерьеры, глядя на которые надо удерживаться от впадения в непрофессиональную бытовую брезгливость, напоминать себе про антропологический интерес к другим культурам (NB: на экране не просто грязь и нищета, а культура), ну или про то, что все люди братья, например.

Этот фильм – про модель коммуникации, в которой не то что нет эмпатии – собеседника просто не слушают и уж точно не стараются уразуметь. Главное – высказаться самому. Все остальное можно проигнорировать, демонстративно не понять и истолковать как глупость, вранье, ну или шпионаж в пользу талибов. Модель коммуникации, знакомая нам по арабскому рынку или по пьесе «Вишневый сад» – как угодно.

Сценарист, режиссер и оператор фильма Дэн Алекс, бельгиец румынского происхождения, журналист, специально выучил фарси и трижды ездил в Кабул снимать Исаака и Завулону. После первого раза у него украли сумку со всей аппаратурой и результаты работы пропали. Во второй раз он снял большую часть фильма. А в третий раз он приехал в Кабул, когда старшего обитателя синагоги уже не стало и его тело отправили хоронить в Израиль, к семье, бежавшей из Афганистана пятнадцать лет назад и с тех пор вспоминавшей его с целями исключительно корыстными. «Исаак ел такую дрянь, – продолжает в прежнем духе Завулону, – он жалел денег на еду, вот он и умер, но он же был уже очень стар, ему было лет 80, хотя тебе он, наверно, говорил, что ему всего 60».

Вот, собственно, и все.

СЕМЕЙНЫЙ СЕРИАЛ КАК УЧЕБНИК ИСТОРИИ

Àëàéñ Ðàéíííðð

Режиссер Антон Барщевский

Тяжелый песок

Россия, 2007.

Показ телевизионного сериала по роману Анатолия Рыбакова «Тяжелый песок» запланирован «Первым каналом» на апрель. Шестнадцатисерийный фильм снят киностудией компании «Риск» (авторы «Московской саги» по прозе В. Аксенова), режиссер-постановщик Антон Барщевский, сценаристы Наталья Виолина и Леонид Зорин, оператор Красимир Костов, музыку к фильму написал Александр Журбин. Съемки проходили в г. Щорсе (Украина), в Москве и в Базеле (Швейцария).

Семейная сага, история рода на фоне истории страны – излюбленная тема для большого сериала. Эта золотая жила разрабатывается давно, можно припомнить и английскую «Сагу о Форсайтах», и советские «Тени исчезают в полдень». Когда в кинороман включены сюжеты из жизни нескольких поколений, зритель соотносит биографии своих близких с перипетиями экранных персонажей, и если обнаруживаются точки совпадения, возникает эффект подлинности: «так было». Если посмотреть на тематику современных отечественных сериалов, то можно заметить, что растет доля семейных историй, рассказов о больших кланах, где протянута нить из прошлого в настоящее, и где настоящее в большой степени обусловлено прошлым. В отличие от документального кино, историческое событие, изложенное в художественном фильме, переживается на эмоциональном уровне, уже в таком виде попадает в коллективную

память, становится частью истории народа. И наоборот: если событие зафиксировано документально, но не отражено искусством, не прочувствовано обществом, то его как бы и не было, в коллективной памяти оно отсутствует. Роль телевидения здесь велика.

Анатолий Рыбаков писал роман в те времена, когда тема Холокоста в СССР отнюдь не приветствовалась. Он назвал его «Рахиль», по имени главной героини, но под таким названием опубликовать книгу не удалось. В основу сюжета положена история персонажей, имена которых совпадают с библейскими: Яков – немец, родившийся в Швейцарии, Рахиль – украинская еврейка; испытания, выпавшие им и их детям в XX веке пострашнее ветхозаветных.

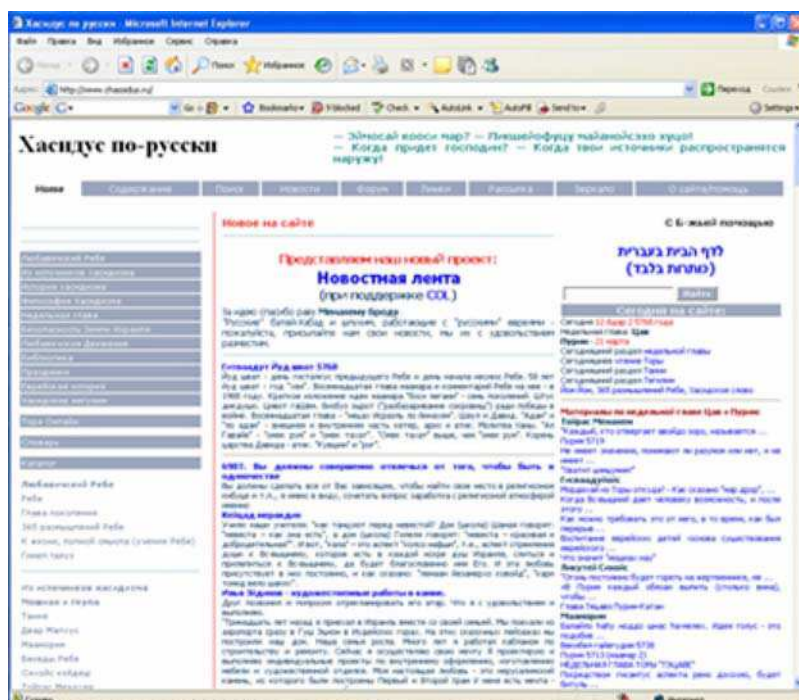
Фильмы о Холокосте широко представлены в западном кинематографе, в России же тема долгое время была «нелегитимной», назвать можно разве что «Дамского портного» по пьесе А. Борщаговского и «Из ада в ад» Д. Астрахана. В семидесятых годах, когда создавался роман, многое еще не было известно, ситуацию на оккупированных территориях писателю приходилось отчасти домысливать. Из-за этого и некоторые фактические несообразности, из романа перекочевавшие в сериал. Сценаристы развили драматургию, заложенную, иногда лишь намеченную в прозе Рыбакова, дописали некоторые сюжетные линии. Сейчас нет смысла останавливаться на неточностях, наверняка после показа сериал подвергнется подробному обсуждению зрителями и телекритиками, как это произошло недавно с «Ликвидацией» С. Урсуляка. Хочется отметить другое: «Тяжелый песок» захватывает эмоционально и заставляет сопереживать. Бесспорно, он – художественное событие. Те несколько часов, когда в Еврейском культурном центре на Никитской демонстрировался предпремьерный дайджест фильма, зал сидел не шелохнувшись и остался потом на обсуждение с членами киногруппы. Люди охотно высказывались и заполняли анкеты с вопросами об увиденном материале. Временной отрезок, на котором разворачивается действие, составляет первую половину XX века. По вовлеченности зрителей видно было, что создателям сериала удалось убедительно реконструировать прошлое.

В фильме задействовано замечательное созвездие актеров: Ольга Будина, Лариса Удовиченко, Ирина Бразговка, Марина Швыдкая, Эммануил Виторган, Андрей Смирнов, Юрий Соломин, Михаил Ефремов, Александр Лазарев-мл., Вадим Жук, Юрий Чурило, Александр Резалин и многие другие. В роли Рахили – Ирина Лачина, Яков – Александр Арсентьев, дочь Рахили – Нелли Уварова. «Тяжелый песок» снят при поддержке Правительства России, Правительства Москвы и Федерального агентства по культуре и кинематографии. Хочется верить, что телесериал с участием ведущих российских актеров, показанный в прайм-тайм на федеральном канале, сможет развеять предубеждения, накопившиеся вокруг еврейской темы за годы вынужденного умолчания.

ЮСТАС АЛЕКСУ

Аאָדע-ױ ןײַעוּ עאיִ װײַעײַ

Шалом, или, как говорят в Интернете, «превед». Как-то влекомая шестеркой откормленных лошадей карета ребе Ружинского встретила со скромной повозкой рабби Меира из Перемышлян, которую даже не влекла – тащила одна-единственная лошадь, такая невзрачная, что ею не заинтересовался бы последний живодер. Цадики встретились взглядами, и Ружинскому ребе вдруг стало неудобно перед другом. Он попытался оправдаться: «Ты видишь, какая грязь кругом. Что ты хочешь – осень. Если карета застрянет – ее не вытянуть и без шестерки лошадей не обойтись». «Да, – согласился рабби Меир, – кругом такая грязь, что если заедешь, то не выберешься. Поэтому мне нужно быть очень осторожным, чтобы, не дай Б-г, не забраться в грязь». Интернет сравнивают с безбрежным морем. Морем информации. Другие говорят о гигантской помойке, вобравшей в себя пороки и грязь мира. Кто куда ходит... Но, как в старом анекдоте, и те и другие правы. И нам нужно быть осторожными, ведь, несмотря на безлимитный Интернет, мы правим одной-единственной лошадью... И не дай Б-г ей там застрять. Поэтому давайте тронемся в путь. Осторожно, не торопясь. Будем осматривать интересные места и постараемся избежать тех, откуда нас придется выволакивать шестеркой лошадей...

Один видный большевик и, не побоимся этих слов, вождь мирового пролетариата советовал: «Учиться, учиться и еще раз учиться». Будучи золотым медалистом и сыном инспектора народных училищ, он в учебе толк знал, и если бы ею только и ограничивался, не пытаясь залезть на броневик или прокатиться в пломбированном вагоне, многое в этом мире было бы иным. В частности, и этот абзац. Мысль у «вождя» и золотого медалиста была хорошая, поэтому давайте ей последуем и займемся изучением – нет, не «военного дела настоящим образом», – а, например, изучением хасидизма. По правде говоря, если учить хасидизм (он же хасидут, или, если уж совсем по-взрословски – «хсидус») по-настоящему, придется это делать на еврейских языках, но пока ограничимся «великим и могучим», правдивым и свободным (это я о

хасидуте), изложенном на том же самом (на сей раз имеется в виду язык). Гарри Поттеру было легче – взмахнул волшебной палочкой, и на экране возник нужный сайт. Нам придется потрудиться ручками, набирая нужный адрес: <http://www.chassidus.ru>. Кстати, этот адрес можно сразу же поместить в «Закладки» (то же, что «Избранное») вашего браузера и приступить к знакомству с сайтом «Хасидус по-русски».

«По-русски» – сказано с изрядной долей преувеличения, потому что, пожалуй, основным недостатком этого сайта является его язык. Буквы-то там кириллические, знакомые по учебникам и заборам, но вот слова, складывающиеся из них на заборе, точно не увидишь. Переводчики оставили множество специфических терминов на языке оригинала. Их можно понять: каждый из этих терминов включает в себя столько смыслов и уровней понимания, что толкование займет минимум страницу убористого текста. В результате типичный отрывок выглядит примерно так: «все Анаш, которые приехали из России <...> должны получать свою парнасу напрямую посредством занятия ешивой». Каково?! Можно использовать в качестве шифровки Юстаса Алексу: враги ни в жисть не догадаются. Друзья, впрочем, тоже. Но не пугайтесь – обзаведитесь справочником в виде хасида (можно раздобыть в ближайшей к вам синагоге Хабада) и приступайте к чтению. Через несколько занятий вы будете без содрогания читать: «Поскольку так или иначе гашпаа притягивается к ним в заслугу ешивы, но посредством того, что они упорствовали в том, чтобы облачить свою парнасу обязательно в материальные оболочки, и заниматься бизнесом на рынках и улицах, с ужасающим пизур нефеш, соответственно, добавляются еще несколько гааломойс и гестейрим, поскольку гашпаа должна опуститься еще на несколько ступеней, и еще – что добавляется также псойлес...» Поверьте, это правильная и интересная мысль, нужно только уметь ее перевести.

Оставим эти тексты на будущее, а пока взглянем внимательнее в левый столбец главной страницы. Структуру сайта «Хасидус по-русски» (часто его называют «Хасидус-ру») нельзя назвать образцом упорядоченности и логической безупречности, но богатство содержания перекрывает недостатки. Сайт этот – кладезь всего связанного с еврейскими традициями, историей, культурой и философией, и, хотя система тамошних внутренних ссылок способна запутать кого угодно, нам с вами есть смысл сразу ринуться в раздел «Библиотека» (или мы не народ книги?!) и там тихо офигеть от свалившегося богатства. Только посмотрите: «Галаха», «Для детей», «История», «Иудаизм в общем», «Катастрофа», «Мидраш», «Мишна», «Мусар», «Педагогика», «Праздники и традиции», «Тора и классические комментарии», «Тшува», «Учебники», «Философия», «Хасидизм», «Эрец-Исраэль». И это всего лишь названия подразделов. А представляете, что внутри? А внутри – замечательные книги Эзры Ховкина «Ребе», «Свеча на снегу», «Непокорившийся», «Семейный альбом», рассказы Эли Визеля о хасидских цадиках «Рассыпанные искры», книги по еврейской истории и традициям. Короче – читать, читать и еще раз читать!

А в разделе «Нигуним» собрана замечательная подборка хасидских мелодий-нигунов. В общем, устраивайтесь поудобнее, взмахивайте волшебной палочкой и отправляйтесь на «Хасидус-ру».

ХАЦИЛИМ МИ А-ТАНУР,

ИЛИ БАКЛАЖАНЫ ИЗ ПЕЧИ ПО-МАРОККАНСКИ

Âîñëëë Âîëæáîñëë

*«Áëááð, çîáî áíëòúë èì ìáðàòîð Ááëë, áîáë íáíææáú áááíðáñëþ è ìæáíòíëþ. Íëëòí íá
 ì íáíáëòë ìðë:ëíó ááðí íá
 íáñòðíáí ëý öáðý, ìðææáá áñááá æëçíáðááíñòí íá è ááýðæëú íá. Áá èì ìáðëý ìðíóááðáëá, áá
 íá íñæááëë áðáë - íë áíáóíëá,
 íë áíóððáííëá. Í íáááííúá íáçááëíëí í
 íò ëáñò è ááðíëñí íáááíáëë, ëðáëëë áá.
 Í í:áí óæá èì íáëáááëá òíñëá?
 Í áëííáó ìðë:ëíá ì æáíòíëë áúëá íáíáððæáíá. Í íá çáëëþ:áëáñíí á íëúá, ëíòíðþ áë óáðí
 <...> Áëááð ìðëçááë áëááí íá ì íááðà è ìðëëáçáë áí ó:òíáú ì áíþ
 ëáë ì íæíí ñëíðáá ëçí áíëëë. Í ðëëáç áúë ëñííëíáí.
 Í íááð:òí áñòúñëëú íáíðýáñáíë è íçæ è íáëííáó ðáëëë, :òí áññòíëííë
 çáí áííë ì ýñò ì íáò ñòáòú ááëëáæáí ú.
 Í í ááëæ áññòááëòúíá èóóíþ ìíëíúá ëíðçëíú ááëëáæáí íá ñáí úó íòáíðí úó è ñáæëá. Áí ó
 ááëíñí ìðëáòíáëòúíëç íëó:áòíë
 (ñáí), ñáëáò, ñáí, ëíòëáòú, ñáááëíá, ááðíëð - áñí áëðáá òíëíëí ëç ááëëáæáí íá Áëááðó í:áí ú
 ìííðááëëëñí ëóóáí úý.
 Í í ìðááíçí íñë ì íááðà áí í áááá».

 Ñàòúý Ñáë Áááá
 «Притчи и истории»*

Удивительно, но при слове «баклажан» я сразу оказываюсь в детстве. И не где-нибудь, а на Центральном рынке, на Цветном. И осень, и свет сквозь «фонарь» крыши, и исполинского размера пирамиды всяких овощей-фруктов. Зелень охапками, мед трехлитровыми банками и – предательски вызывающие воспоминания о несъеденном тощем обедике в школьной столовой – запахи всевозможных солений. И баклажаны!

Попадал я на рынок не семейных забот ради и даже не удовольствия для, приходил я туда с другом, для которого все тут было и роднее, и проще, поскольку бабушка его работала стоматологом в «Кремлевке» и доходы ее имели реальную «рыночную стоимость». Мамина же зарплата такой ценности не имела, семья наша была не «рыночной», а «магазинной», и даже часто «магазинно-кулинарной». В общем, обычная семья матери-одиночки с инженерным уклоном.

В нашей «ценовой категории» баклажаны могли быть только из магазина «Овощи-Фрукты». Землистые, требующие хорошей промывки, мало соответствующие ГОСТу.

Синенькие – так их называла более пронырливая часть очереди, побойчее и поголосистее, с южными следами говора; баклажаны – вариант менее ушлых и производивших сочувственное впечатление интеллигентов.

Исполинские нагромождения лилово-фиолетовых снарядов, с полированными боками туго натянутой кожуры.

– Синенькие берем? – спрашивает тетка и протягивает нам едва ли не килограммовый баклажан.

...Синенькие!..

Во мне все протестовало от такой фамильярности. Синенькие – те замухрышки из магазина, а это... Ну какие же это синенькие?! Такой баклажан я бы даже не смог резать ножом. Рука бы не поднялась.

И хотелось побыстрее уйти из чужого мира немагазинной честности запахов, не маминой зарплатой цен.

Петр говорит не останавливаясь, и я едва успеваю следить за движениями его рук.

– Пока баклажаны готовятся, расскажи, откуда это блюдо в твоём меню.

– Это традиционный израильский рецепт. Похожее блюдо также встречается в Венгрии, Румынии, Греции. Ты, наверное, слышал – мусака. Это же – двоюродный брат мусаки. И происхождение у блюда марокканское.

«Марокканское?! – думаю я. – Ну что ж, тогда есть смысл задать пару вопросов Сэми Бар-Он из Амстердама, уже знакомому нам по прошлому номеру журнала. Уж он-то про марокканскую кухню должен знать все».

Воспользовавшись очередной поездкой в Амстердам, я решил непременно заглянуть к Сэми. И вот я снова побрякиваю цепью, треножу моего выдавшего вида двухколесного коня за углом ресторана «Кармель». И как в прошлый раз мне навстречу выходит и тепло улыбается хозяин.

– Ты спрашивал про «Хацилим ми а-танур», – говорит Сэми, закуривая и жестом предлагая садиться.

– Да, это блюдо с твоей родины. Кстати, как это переводится с иврита?

– «Баклажаны из печки».

Сэми не употребляет тюркское «баклажан». Он произносит франко-маррокканский вариант «aubergine» – обирджин, одно из бесчисленных его названий.

– Обирджин, – вкусно повторяет Сэми и затягивается, – у нас простые названия.

А я, глядя на огонек его сигареты в полумраке ресторанный зала, думаю о том, когда и где родилось это блюдо. Где скитальческие пути евреев и этого овоща с удивительно похожей судьбой переплелись и накрепко соединились?

И искры из очага летят над утекающим в темноту песком, гонимым жарким ветром Шерги вдоль тесных улиц еврейского квартала Милла в Марракеше, где в каком-нибудь XII веке хозяйка ловко рубит баклажанные кругляки.

И в Танжере, где другая хозяйка – уже в XIX веке – начинает их бараньим мясом для праздничной трапезы «Пурим де лас бомбас».

– Я это блюдо делаю с бараниной, – возвращает меня к действительности Сэми.

– С бараниной?

– Да. В Марокко у евреев издревле птица – обычное мясо. Для торжественных случаев всегда использовали баранину. Так что я использую фарш из баранины. И добавляю кое-что еще...

Вариант фарша от Сэми:

1 ēā āādaī ēī ū ī dī ī ōēāī ÷ āāç ī ūm dōāēō āī āāāēyāī 1 yēōī, 1 nō. ēīāēō ī ī dī ōēā ī āī dēēē, 1 nō. ēīāēō ēī dēāī āāī, 1 nō. ēīāēō ēō dēī ī ā āōēūī ā ī āāāī, ī āēēī ī āāāī ī ūē ēōē. Yī āāāē ÷ ī ī āāāī āōē āāī.

Остальное аналогично варианту Петра.

На гарнир, конечно, тоже картофельное пюре.

Теперь у вас есть два варианта этого древнего сефардского блюда.

Ресторан «Йона», Москва:

2-й Вышеславцев пер., д. 5а

Тел.: +7(495) 231-2777

Ресторан «Кармель», Амстердам:

Restaurant Ha'Carmel O.R.T.

Amstelveenseweg 224,

1075 XT Amsterdam

Tel.: 020-675-76-36

<http://www.hacarmel.nl/>

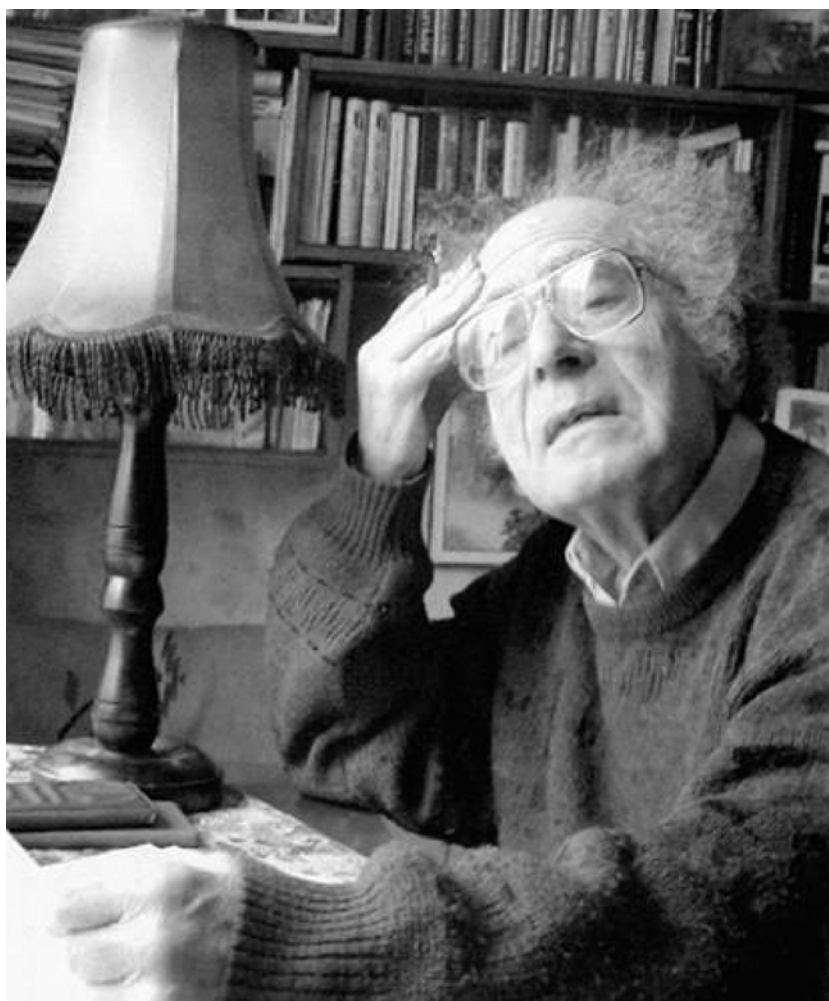

ОСТАВАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ

К 90-летию Григория Померанца

י אדם באדם וחייה

Когда видишь Григория Соломоновича Померанца, слушаешь его тихую точную речь, не так просто себе представить, что этот узкоплечий, небольшого роста, на вид слабый человек провел на фронте всю войну, водил в атаку солдат, был ранен, а после войны прошел через сталинские лагеря, участвовал в правозащитном движении, не раз переживал угрозу нового ареста. И все годы этих нелегких испытаний были отмечены напряженным духовным поиском, плодотворной творческой работой.

О своей жизни Померанц сам немало рассказывает в своих книгах и многочисленных публикациях. Он родился 13 марта 1918 года в тогдашнем Вильно. Его мама была актрисой еврейского театра, отец, по профессии бухгалтер, одно время был больше известен как активный деятель Бунда. Высланный за эту деятельность из Варшавы, он попал в Вильно, где и встретился со своей будущей женой.

Первым и долгое время основным языком Померанца был еврейский; русский занял его место, лишь когда он в семь лет переехал вместе с родителями в Москву и начал

ходить там в школу. «Любимым писателем моего еврейского виленского детства, – вспоминал впоследствии Григорий Соломонович, – был Ицхак-Лейбуш Перец». Перечитав его уже много лет спустя по-русски, Померанц с трудом мог понять, что нашел мальчик 6–7 лет в этих хасидах, искавших Б-га в посте и молитве, почему любимым писателем стал тогда он, а не Шолом-Алейхем, которого почитали в его атеистической семье.

«В Москве 1925 года очень быстро забылся еврейский язык», – писал Померанц. Семейные связи рано распались. В 1930 году матери пришлось уехать в Киев, она получила там работу в еврейском театре. Сын остался с отцом, но его он почти не видел, и особой близости с ним не было. «С 12 лет я учился жить, опираясь только на самого себя... Я сам решал, что хорошо и что плохо. Это было не по силам моему слабому духу, но в конце концов он окреп. Я вырос человеком воздуха – без почвы, традиций и без тоски по ним».

Он не раз называл себя «человеком воздуха» и любил повторять строки Осипа Мандельштама: «Свое родство и скучное соседство мы презирать заведомо вольны». У меня сохранилась запись, сделанная на вечере, который был устроен в честь 60-летия Померанца на одной частной квартире. Григорий Соломонович прочел там доклад «О поисках ближнего через дальнего», где объяснял, почему он ищет почву не вблизи (например, в еврейском мире), а на Востоке. (Он уже тогда проявил себя как серьезный востоковед, его статьи по буддистской философии, по индийской и другим религиям и культурам получили известность не только в стране, но и за рубежом.)

– Почва для меня внутри, она не может быть ничем внешним, – говорил он. – В чужой культуре и в чужом языке можно найти недостающие слова и понятия для того, что туманно ощущает душа, что существует в мире – потому что культура не всю себя сознает.

Эту мысль я встречал потом во многих работах Померанца. «Я не боюсь потеряться, переступив через рамки вероисповеданий, национальных пристрастий, – писал он в книге “Записки гадкого утенка”. – Я остаюсь самим собой, о чем бы ни писал». И в подтверждение своей позиции приводил слова хасидского цадика Зуси: «Б-г не хочет, чтобы я был Моисеем. Он хочет, чтобы я был Зусей».

Померанц не принадлежал ни к одной конфессии, не придерживался никаких ритуалов, но я не знаю человека более религиозного, чем он. Религиозно все его мироощущение, само отношение к жизни. Рассуждая о разных вероисповеданиях, он мне как-то сказал:

– Окна у людей могут быть разной формы, квадратные, прямоугольные, круглые. Но свет, который в них льется, для всех один.

Г. Померанц в костюме «юнгштурм», модном в 1920-х годах.

* * *

О том, что он все-таки еврей, Померанцу, конечно же, напоминали не раз. В его «Записках» можно встретить эпизоды всем известного бытового антисемитизма. Но по-настоящему заставил его коснуться этой темы роман Солженицына «В круге первом». В некоторых эпизодах романа он почувствовал что-то недостоверное, как будто затаенную неприязнь к евреям. За ними угадывалась не вполне осознанная детская травма, комплекс обиды. Он написал по этому поводу Солженицыну письмо.

«У меня самого была куча комплексов, от которых я освободился. И я пытался убедить Солженицына проанализировать свои комплексы и не продолжать свои распри». Отклик Солженицына оказался неожиданно резким. Это стало началом полемики, которая длилась не один год и получила широкую известность.

«Александр Исаевич Солженицын разбудил во мне еврея (это целую четверть века не удавалось отечественной истории...), – написал впоследствии Померанц. – Но, получив толчок, – продолжал он, – я тут же почувствовал, что не способен быть только евреем. Во всех отношениях – и в национальном тоже – я не такой, как надо».

Размышления на национальную тему привели Померанца к проблеме диаспоры. По поводу слов Н. Трубецкого (русского философа, убитого гитлеровцами в Австрии) о том, что сложившаяся после революции русская диаспора приобрела типично «еврейские», то есть общие для всей диаспоры, черты, Григорий Соломонович заметил:

«Но евреи – старейший народ диаспоры, веками лишенный национального ядра. Поэтому вопрос о диаспоре – это вопрос о евреях и вместе с тем не только о евреях».

Для Померанца все это были не просто теоретические, философские темы. В тех же «Записках гадкого утенка» он рассказывает, как два года колебался, уезжать ли ему вслед за многими близкими друзьями в Израиль. И решил остаться. Одну из причин он объяснил так: «Я не мог представить себя в другом языковом облике. А если за мною всюду потащится русский язык, то зачем без крайней нужды уезжать из России?»

Решение для каждого индивидуально, говорил он. «Б-гу безразлично, в какой угол человек забьется. Важно, чтобы это был его угол, чтобы человек нашел свой дом». И в письме, отправленном мне 25.1.2004 года, он по-иному выразился о том же: «Что больше вредит человеку, приспособление к трудной жизни в диаспоре или по-иному трудной в Палестине? Одно и то же вино, говорит Талмуд, иного делает львом, а иного – свиньей».

С супругой Зинаидой в Норвегии. 1999 год.

* * *

Связь с русским языком, русской культурой, русской литературой была для Померанца жизненно важной. Особенно много значил для него Достоевский. Еще во время учебы в Институте философии и литературы (ИФЛИ) он занялся изучением его творчества и углублялся в него всю жизнь. Статьи Померанца на разные темы получали широкое хождение в тогдашнем самиздате, имя его было у всех на слуху.

Впервые мы встретились с ним в мае 1972 года у нашего общего друга, замечательного востоковеда Евгении Владимировны Завадской. Она показала Померанцу мою статью об иронии у Томаса Манна, только что опубликованную в журнале «Вопросы философии». Григорию Соломоновичу статья понравилась.

– Но ирония все-таки ограничивает, – заметил он. – На уровне религиозном проблемы иронии снимаются. Прорыв на этот уровень давался иногда Достоевскому. Томас Манн оставался больше в области культуры.

Среди прочего его заинтересовала в статье мысль о том, что человек, ввязавшийся в политику, поневоле вынужден бывает расстаться с иронической позицией. Для творческого человека благо – разделавшись с политикой, вновь вернуться к иронии.

В 70-х годах, когда я с ним сблизился, Померанц отошел от активной диссидентской деятельности. Отчасти потому, что многое в этом движении оказалось ему чуждо, отчасти потому, что не чувствовал себя Дон Кихотом. «Политическая безнадежность освободила меня от политических задач, – писал он. – Свобода от практической цели сделала семидесятые годы самыми плодотворными в моей жизни. Я писал “Сны земли”, писал о Достоевском и попытался довести до печатного станка теоретические наброски, начатые в 60-х годах с целью создать альтернативу официальной концепции всемирной истории».

Я стал часто бывать у него, в небольшой двухкомнатной квартире на улице Новаторов, где они с женой Зинаидой Александровной Миркиной живут и сейчас. О том, что значила всю жизнь для Григория Соломоновича эта женщина, мне вряд ли написать лучше самого Померанца. Ее стихи воспроизводятся во многих его статьях и книгах, не просто подтверждая его мысли – у них общее мироощущение. Впрочем, то, что объединяет этих людей, можно назвать проще: любовь.

– Мы с Гришей живем уже много лет, и наша любовь не только не слабеет, но становится сильнее, – сказала мне однажды Зина (мы все трое с первых же дней знакомства стали называть друг друга по имени). – Те, кто сам этого не испытал, не поверят, что такое возможно.

Однажды я обнаружил, что телефонный аппарат они уносят в другую комнату и прячут там в ящик для белья.

– Вот почему я вечерами не мог к вам дозвониться, – сказал я.

– Да, вечерами мы слушаем музыку, – ответил Гриша. Утром они оба работали, днем ходили гулять в ближний лес.

Совсем «уйти из истории», как выразился Померанц, ему, однако, не удалось. Новые события вынуждали его откликаться, его статьи сразу становились известны, печатались за рубежом, передавались по радио. Однажды его вызвали в КГБ, предложили подписать стандартное предупреждение (я тоже такое подписывал) об ответственности «за продолжение антисоветской деятельности». Подпись Померанц поставил, но добавил, что, отказываясь от политических заявлений, не будет препятствовать публикации за рубежом своих статей и книг литературно-исторического и философского характера. Как ни странно, власти предпочли это терпеть и не трогать слишком известного человека.

Григорий Соломонович к тому времени уже не один год работал библиографом в Фундаментальной библиотеке Института общественных наук. Он реферировал поступавшие в библиотеку книги и статьи на разных языках, писал на них аннотации. Эта малопrestижная работа открывала ему, однако, возможность знакомиться с мировой мыслью, наращивая незаурядную эрудицию. Как-то я увидел на его столе письмо, пришедшее из Италии; адресовано оно было «профессору Померанцу». Никто за рубежом представить не мог, что обращаются они к рядовому библиографу без всякой ученой степени, не защитившему даже диссертацию. В свое время Померанц написал их даже две: одну, еще незаконченную, изъяли при аресте и сожгли, другую защитить не дали. Так

он до сих пор без степени и обходится. (Не знаю, удосужился ли какой-нибудь университет хотя бы сейчас присвоить ему ее honoris causa?)

«Я... в социальной структуре никто», – писал Григорий Соломонович. Кем вообще назвать его? Литературоведом, эссеистом, публицистом, философом, культурологом? Быть может, точнее всего просто мыслителем, подумал я однажды. Кто, в самом деле, достоин этого определения больше, чем он?

Помнится, как-то один из собеседников полушутя обратился к нему: ребе.

– Что делать, ребе, скажите?

Это было в пору, когда то и дело начинались разговоры о близящейся катастрофе. Померанц их не поддерживал.

– У меня есть чутье на большие расстояния. Конца в одной отдельно взятой стране не будет. Россия как-то выпутается. Проблема в том, что будет с человечеством в целом.

Он не принимал и утверждений, будто в наше время происходит разрушение личности.

– Личность разрушается всегда, – сказал он мне однажды, – она сохраняется и развивается, только если противостоять потоку. Даже в сравнительно спокойные времена она разрушается, если человек идет по течению.

Может быть, именно эта внутренняя напряженность, готовность идти против течения, преодолевая внешние обстоятельства, позволила этому человеку, отнюдь не блиставшему здоровьем, дожить до своего возраста.

«Я не хочу, чтобы моим друзьям непрерывно везло, – писал Померанц в “Записках гадкого утенка”. – Дерево, выросшее под ветром и дождем, лучше оранжерейной пальмы. В нем больше внутреннего напряжения, жизни, красоты».

Свойство, которое при всех испытаниях помогало ему держаться, я бы назвал способностью к счастью – способностью, которая дается подлинно религиозным мироощущением.

«Сам Б-г не сумел сотворить мир так, чтобы в нем не было страдания, – читаем мы в “Записках гадкого утенка”. – Закончив день, он говорил: тов (хорошо!)». И людям, которые спрашивали Его, зачем же в этом мире столько страданий, Он отвечал: «Я страдаю вместе с вами». Но «снова, как в первые дни говорю: тов – хорошо! Йом тов! – хороший день, праздник!»

И в другом месте Померанц развивает близкую мысль, ссылаясь на собственный опыт:

«Я был счастлив по дороге на фронт, с плечами и боками, отбитыми снаряжением, и с одним сухарем в желудке, потому что светило февральское солнце и сосны пахли смолой. Счастлив шагать поверх страха в бою. Счастлив в лагере, когда раскрывались белые ночи. И сейчас, в старости, я счастливей, чем в юности. Хотя хватает

болезней и бед. Я счастлив с пером в руках, счастлив, глядя на дерево, и счастлив в любви».

В Норвегии тремя годами позже.

* * *

До самого последнего времени Померанц ездил на велосипеде за продуктами в дачный магазин. Однажды, собираясь приехать ко мне и уточняя по телефону адрес, он спросил, можно ли от метро не ехать ко мне на автобусе, а идти пешком. Я был тронут: ему исполнилось в тот год 67 лет, и он поехал на другой конец города, чтобы продолжить начатый по телефону разговор о моем только что законченном романе «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича». Гриша был первым читателем этого романа, который тогда существовал только в рукописи, перепечатать рукопись взялся его сосед. Меня ободрил добрый отзыв Померанца, но запомнились и его оговорки. Ни один мой герой, по его словам, не нашел пути к «высокой жизни», которая возможна даже в наших условиях, даже в провинции. Он подтверждал это рассказами о своих многочисленных корреспондентах из разных городов и даже прочел мне большое, очень умное письмо одной несчастной и незаурядной женщины, которая в духовном одиночестве напряженно ищет чего-то, к чему-то пробивается.

Для него с Зиной очень много значило общение с разными людьми. Оба вели обширную переписку, много выступали. Однажды знакомая библиотечка попросила меня помочь: у нее сорвалось чье-то назначенное выступление перед читателями. Я позвонил Померанцу – он с готовностью согласился выступить.

– Вы не любите публичные выступления? – спросил он меня. – А для меня они очень важны.

Как-то Померанц принимал участие в популярной телевизионной передаче, по ходу дела упомянул, что у него через день выступление. И слушать его пришла толпа народа, на улице, рассказывал он мне потом, топталось человек триста, не могли войти, зал на такое количество не был рассчитан.

– Телевидения, нам, конечно, не хватает, – сказал он.

С годами вокруг него и Зины сложилась своего рода община поклонников, слушателей, читателей, просто людей, которым нужны их совет, слово, поддержка. Их выступления записываются, записи эти, включая ответы на вопросы, издаются на деньги, собранные почитателями, на такие же пожертвования издавались и другие их книги. Тиражи бывали небольшие, и аудиторию у них, что говорить, не сравнить было с той, что иные собирали на стадионах.

Что может значить существование такого крохотного меньшинства для общества, невосприимчивого порой даже к самым очевидным истинам, для судеб страны, культуры? – не раз задавался я вопросом. Гриша однажды мне на это ответил:

– Будда сказал: мое Я иллюзорно. Но личность может оказывать огромное влияние на развитие людей.

Вечер в честь 85-летнего юбилея Померанца был устроен в малом зале ЦДЛ, вмещающем человек сто – при нормальном оповещении он, несомненно, мог бы собрать и большой зал, человек пятьсот. Я сам узнал о вечере только потому, что позвонил ему. Слушали его с любовью, говорили о нем восторженно. Мне запомнился рассказ одного из выступавших про то, как Померанц летел на конгресс, кажется, русской интеллигенции в Уфу. У самолета что-то случилось с шасси, он стал кружить над аэродромом, вырабатывая горючее на случай аварийной посадки. И рассказчик услышал от совершенно спокойного Померанца:

– Жизнь представляется мне скрипучей пластинкой. Некоторые слышат скрип сквозь музыку, другие сквозь скрип слышат музыку.

Как это, право, прекрасно! И какой мир приносит в души людей!

Последние годы Померанц довольно много выступает за рубежом, его приглашают на конференции в разные страны. Мы между тем стали встречаться все реже, общение становилось больше эпистолярным. Его письма порой оказывались небольшими приватными лекциями на темы богословия, литературы, истории. «Редкая дружеская привилегия», – поблагодарил я его однажды. Я писал ему, что он и Зина постоянно присутствуют в моей жизни, даже если мы не встречаемся.

На последнее мое поздравление, с 89-летием, Померанц ответил: «Я чувствую себя обязанным прожить еще несколько лет, чтобы ободрить тех, кто значительно моложе: сколько еще лет впереди!»

Что можно пожелать этому удивительному человеку, жизнь которого так много значит для других? Мазл тов!

НЕМЕСТНЫЕ

Àí àíò àíèÿ Èèòò àí ò èè

Однажды режиссеру Итану Коэну приснилось, что его брат Джоэл Коэн снимает какое-то кино по комиксам о супергерое, на шее у Джоэла золотая цепь, и он говорит Итану: «Ну а что, каждый выживает, как может».

Это был всего лишь кошмарный сон. В реальности братья Коэн выживают иначе: без золотых цепей и супергероев, делая только то, что хотят делать. Получая в конце февраля 2008 года оscarовскую статуэтку за фильм «Старикам тут не место», Джоэл Коэн поблагодарил собравшихся: «За то, что нам с братом столько лет позволяют играть в нашем углу песочницы». Лучший, по мнению критиков, фильм Коэнов «Старикам тут не место» – жесткая криминальная драма, в которой охотник внезапно оказывается жертвой, а inferнальный киллер, считая себя орудием судьбы, играет с простыми людьми в «орла или решку».

Но, скорее, этот «Оскар» – премия не просто за фильм, а за то, что братья Коэны вообще существуют. Без них современное кино было бы другим: они расцвели жанр криминального триллера убийственной иронией, не превращая его в комедию, а классической комедии придали оттенок интеллектуального идиотизма. Когда-то они считались «независимыми», сейчас кино подстроилось под них, и «двухголовый режиссер», как часто называют Коэнов, стал самым что ни на есть «мейнстримом».

Из их жизни нельзя сделать хороший фильм, получится тоскливая голливудщина. Родились в еврейской профессорской семье. Джоэл в детстве косил газоны соседей, чтобы накопить на покупку видеокамеры. Итан учился в Принстоне и писал диплом по Витгенштейну, Джоэл учился в Нью-Йоркском университете, а потом пошел работать ассистентом к Сэму Рэйми на фильм «Зловещие мертвецы». Два умных еврейских мальчика на пути к славе – и первый же их совместный фильм, «Просто кровь», стал классикой криминального жанра.

Лучшие их картины получаются при смешении невыносимой жестокости и бесконечной растерянности, черного юмора – последнего прибежища лузеров – и ощущения «неместности», выпадения из реальности, непонимания происходящего. Это ощущение – основа атмосферы коэновских фильмов. Дурачок из «И.О. Хадсакера», пришедший руководить огромной фирмой. Неудачливый драматург, нью-йоркский еврей-интеллектуал из «Бартона Финка», оказывающийся в голливудском аду (и слово «ад» можно читать буквально). Герой «Фарго», влезший в игру, которая ему не по силам. Чувак Лебовски, которого спутали с другим Лебовски. И апофеоз этих «неместных» – все герои триллера «Старикам тут не место», от убийцы до шерифа. Им тут всем «не место», они все не справляются со своим делом, потому что всегда находится кто-то, кто сильнее и страшнее их: если не наемный убийца, то нелепый случай.

У братьев были и провалы – некоторые их комедии не нашли поклонников: «Невыносимая жестокость» с Джорджем Клуни и Кэтрин Зетой-Джонс и «Игры джентльменов» с Томом Хэнксом заставили критиков говорить, что «Коэны спеклись». В «Человеке, которого не было» нуар-атмосфера оказалась настолько искусственной, что зрители не знали, что и думать. Но главное достоинство братьев в том, что они не оглядываются ни на зрителей, ни на критиков, ни на какие бы то ни было правила. Они просто играют в своем углу песочницы.

То, чем они занимаются, больше всего похоже на подробное, очень личное путешествие по кинематографу: то братья пускаются в поход по американским комедиям 30-х и 40-х, то с маниакальностью археологов восстанавливают фильм-нуар. Они признают, что делают кино под влиянием литературы – Чендлера, Хэммета, даже Гомера с его «Одиссеей» (по Гомеру они поставили мюзикл «О где же ты, брат»).

В братьях Коэн очень хочется найти какую-нибудь странность, что-то, что объяснило бы их стиль, полный черного юмора и светлого идиотизма, их веру в слепую судьбу, смеющуюся над каждым из нас. Но они абсолютно нормальны. Живут в Нью-Йорке, с семьями (Джоэл женат на актрисе Фрэнсис Макдорманд, они познакомились на съемках «Просто крови»). Терпеть не могут кинокурсы и семинары, посвященные «творчеству братьев Коэн». Собираются экранизировать «Союз еврейских полицейских» Майкла Чабона – то, что может получиться, в блогах уже обозвали «идиш-нуаром». И на вопрос: «Есть ли у вас какая-то философия режиссуры?» – много лет отвечают словами: «Не. Никакой. Даже не знаем, что вам сказать. Вообще ничего не приходит в голову».

СЫН ПО СТОПАМ ОТЦА

Î àdè Çàé:èé

Двадцать восемь лет назад двадцатидвухлетний центральный защитник футбольной команды «Маккаби» (Тель-Авив) и сборной Израиля Ави Коэн подписал рабочий контракт с чемпионом Англии «Ливерпулем». Это было шумное и красочное мероприятие, похожее на фестиваль. Оно сопровождалось приездом английского клуба в Израиль, многочисленными интервью игроков и менеджеров команды, товарищеской встречей клубов – Коэн был ярко одарен, очень хорош собой, умен, знал себе цену. В нем как бы все удачно соединилось, в него были влюблены очень многие девушки, как Израиля, так и Англии. Играл он блистательно, ухитряясь успевать и в атаке, и в обороне. Очень многим напоминал молодого Кайзера – несравненного Франца Беккенбауэра, германского чемпиона мира 1974 года. У Коэна была так же поднята голова над полем и мячом, он все видел вокруг, был элегантен, смел и неутомим.

Тамир Коэн (справа).

Руководители «Ливерпуля», в частности знаменитый президент клуба Боб Фейзли, намекнули во время переговоров о контракте, что было бы желательно, чтобы Ави до приезда в Ливерпуль женился и приехал в Англию уже с семьей.

Старший товарищ Коэна по команде «Маккаби» и сборной страны – усатый, скуластый форвард Вики Перец бросил вскользь, что у его жены есть младшая сестра – красавица, умница, скромница. «Познакомься, что ты теряешь», – предложил Вики рослому центральному защитнику Аврааму Коэну. Жена его пригласила на обед сестру. Ее звали Доррит, или Дора, если кому так легче. Встреча состоялась, любовь вспыхнула с первого взгляда. Все это было неизбежно, потому что было послано с неба. Сыграли свадьбу. Коэн уехал играть в футбол, в Англию, женатым и счастливым молодым человеком. Приняли его в Ливерпуле хорошо. Он стал частью великой команды вместе с такими замечательными игроками, как Кени Далглиш, Грэм Сунесс, Джон Барнс, Ален Хансен, и другими. Ави был первым израильтянином в английской премьер-лиге. После

«Ливерпуля» Коэн играл в шотландском клубе «Глазго Рейнджерс». А потом опять в «Маккаби».

Ныне же двадцатитрехлетний сын Ави Коэна Тамир подписал контракт с командой «Болтон» из премьер-лиги и уехал играть в Великобританию. Родители молодого человека гордятся им. Справедливо гордятся, потому как мало что говорило о счастливой футбольной судьбе сына.

Тамиру трудно было вырасти в большого игрока, так как все помнили и сравнивали его с отцом, одаренным сверх всякой меры футболистом. Попробуй стань самостоятельным дарованием, когда тебя все время сравнивают со старшими, попробуй перешагни через это. Звезда Тамира, опорного полузащитника по футбольной профессии, вошла не неожиданно, путь его в футболе был сложным. В «Маккаби», родном для семьи Коэн клубе, после неплохого старта игра у него не пошла, не сложилось. У парня начались проблемы со спортивным режимом: посчитал, что жизнь удалась, можно стричь купоны.

По словам бессменного врача сборной Марка Росновского, Тамир, как игрок, поплотнее, жестче, мышечная масса у него больше, чем у папы. Знаменитый отец был в свое время пластичным, умеющим вовремя расслабляться футболистом, что делало его более ярким игроком, чем выступавшие рядом коллеги.

Невозможно забыть эпизод игры тридцатилетней давности, который по существу сделал карьеру Ави Коэна, проложил ему путь наверх. По ТВ иногда на футбольные праздники прокручивают этот эпизод. Черно-белое изображение с плохой резкостью, но разобрать можно. В тот день с утра много часов шел дождь и поле было тяжелым, вязким, малопроезжим. Соперник «сидел» на воротах «Маккаби», пытаясь забить важный для себя гол. Команда оборонялась изо всех сил, все держалось на центральном защитнике Ави Коэне, который успевал страховать всех. В какой-то момент Коэн перехватил мяч перед штрафной и автоматически, не глядя, переправил его на левый фланг, по которому несся лобастый полузащитник Мошик Швайцер, сын тренера сборной страны Довида Швайцера, которого шепотом все называли «акулой». Моше Швайцер сделал несколько шагов с мячом и, подняв голову, увидел, что Коэн врывается в штрафную площадь соперника, совершив рывок через все поле. Швайцер тут же сделал длинную диагональную передачу метров на шестьдесят. Коэн, не останавливаясь, влетел в штрафную площадь и, находясь в воздухе, ударил по воротам, исполнив так называемые «ножницы», – он как бы встал на шпагат параллельно земле. Нет нужды говорить, что это был гол. Вот этот-то гол и сделал Коэна известным в Европе игроком. До сих пор вижу испачканное, измученное и счастливое его лицо. Вот он в грязной футболке под почти скрывшимся от черных пятен номером «5» после исполнения шедевра...

Тамир Коэн в возрасте двадцати лет заболел звездной болезнью. Никого не видел в упор, не держал режим, перестал трудиться на тренировках. Из «Маккаби» его отпустили без проблем, он уже не подходил в состав. Спорт дело жесткое. Тамир перешел в «Маккаби» из Нетаньи, команду в то время уровня более низкого, чем тель-авивская «Маккаби». Отец вызвал его на разговор и сказал так: «Вообще, тебе стоит заканчивать с футболом, сын. При таком отношении к делу ты продержишься на уровне высшей лиги максимум три месяца. А после этого все, то есть ничего, все в прошлом. Короче, ты уходишь из футбола сейчас, лучше так, чем позорить имя».

Трудно поверить, но парень взялся за ум. Все-таки ему было двадцать лет, а еще отец, который прошел английскую премьер-лигу, обожающая мать, верные болельщики, да и голова на плечах. Все тащили его наверх. Он закончил свои отношения

с пабами, алкоголем, зазнайством. Понял, что есть еще секреты в футболе, к которым он даже не приблизился. И приблизится ли к ним когда-нибудь, неизвестно.

«Парень пашет на тренировках так, как я уже давно не видел, просто трудно поверить.. Помяни мое слово, из Тамира Коэна будет толк, не может не быть толка при таком отношении к делу, не средиземноморское явно отношение», – рассказывал мне полтора года назад знакомый спортивный журналист, освещающий клубный футбол Израиля.

И самое интересное, что Тамир Коэн начал играть. Ведь не только в силе футбольное дело. Тренер Реувен Атар, бывший блистательный полузащитник сборной страны, забивавший французам на «Парк де Франс», был терпелив. Через некоторое время Тамир Коэн получил приглашение в национальную сборную страны от самого Дрора Каштана, который, как известно, редко ошибается в перспективах молодых игроков.

На самом деле специалисты предсказывали Коэну хорошую футбольную карьеру, но не больше того. «Хорошая наследственность, и все же он лишь крепкий середняк, до отца ему далеко», – говорили про Тамира Коэна знающие люди. В Тамире не заметно было того блистательного таланта, который был у отца. Или это есть, или нет, другого не дано, и ничем здесь не помочь.

Но молодой Коэн опроверг всех. Довольно быстро он приобрел уверенность и жесткость опытного футболиста с большим стажем. Футбол его стал страстным и точным, уверенным и классным. Он вынослив, силен, отлично видит поле. К тому же Тамир обладает отменным пасом и резким ударом, по-хорошему задирист и по-спортивному нагловат. Кажется, все это появилось у футболиста чуть ли не по волшебству. А на самом деле: работа, работа, еще раз работа и – взросление... Ему несколько не хватает скорости, но он компенсирует этот недостаток активностью на поле, сообразительностью, жесткостью...

И потом счастье, важный аргумент в жизни каждого человека. У Тамира есть двоюродный брат, Омер Перец, сын того самого Вики Переца, который познакомил родителей, Ави и Доррит. У этого Омера есть все, что нужно для большой карьеры, к тому же он скромн, трудолюбив, уживчив. Что еще надо? Оказывается, нужно счастье – без него не получится ничего, никакой талант не поможет. Не вовремя полученные травмы, сложные отношения в команде (все та же «Маккаби») – и нате вам, возникают вопросы о будущем одаренного форварда двадцати одного года. Будем надеяться, что Омер справится со всеми испытаниями, как это сделал его брат. Некий болельщик подарил Омеру камео от знаменитого иерусалимского раввина, который прожил сто два года и был известен своей святостью. «Должна помочь», – сказал он футболисту. Уже на завтра после этого Омер против всех врачебных прогнозов снял повязки с травмированной ноги и начал тренироваться.

В начале февраля этого года Тамир Коэн приехал в Израиль впервые после отъезда в Англию, по приглашению национального тренера Дрора Каштана на контрольный матч с сильной румынской сборной.

За полтора месяца в премьер-лиге стали заметны изменения, произошедшие с игрой этого красивого, уверенного и ставшего молчаливым молодого человека. «Болтон» пошел ему явно на пользу. Тамир Коэн был лучшим на поле, успевая на позиции опорного полузащитника и разрушать атаки соперника, и создавать свое наступление, как это и должно быть. Центральная фигура сборной, в которой и без Тамира, напомним, хватает

больших игроков – Йоси Бен Аюн, Таль Бен Хаим, Дуду Ават – все футболисты ведущих европейских клубов. Никаких компромиссов в борьбе за мяч Тамир Коэн не допускал, каждый эпизод отрабатывался им до конца, он успевал и в обороне и в атаке.

Этот игрок был лучшим на поле в том матче, который закончился со счетом 1:0 в пользу израильтян. Запомните это имя – Тамир Коэн, сын Ави Коэна и Дорит.

Каштан, человек суровый и сдержанный, не склонный к преувеличениям, сказал после игры с румынами, что Тамир Коэн и еще два-три человека из молодых составят костяк новой национальной сборной, которую он готовит к отборочным играм чемпионата мира 2020 года.

Из грязи в князи, скажете вы. Позвольте не согласиться. Сформулируем так: из сына князя сам в князя.

АПРЕЛЬ

Аיִדען באַײַטאָ

15.IV.1933

75 лет назад в Ленинграде родился писатель-фантаст Борис Натанович Стругацкий, питерский представитель знаменитого московско-ленинградского «фантастического» дуэта братьев Стругацких (старший брат – Аркадий Натанович Стругацкий), авторов исполненных глубоких раздумий, социальной проблематики и острой иронии романов-вымыслов, признанных подлинными «жемчужинами» отечественной и мировой научной фантастики. К высшим творческим достижениям братьев Стругацких относятся такие романы, как «Трудно быть богом», «Понедельник начинается в субботу», «Повесть-сказка для научных работников младшего возраста», «Улитка на склоне», «Пикник на обочине» (сюжетная основа кинофильма Андрея Тарковского «Сталкер») и др. В марте 1966 года на рассмотрение ЦК КПСС отделом пропаганды и агитации была представлена аналитическая записка «О серьезных недостатках в издании научно-фантастической литературы», уделявшая основное внимание идеологическому разному творчества братьев Стругацких. Примечательно, что документ подписал будущий «архитектор перестройки», а в те времена заместитель заведующего Агитпропа ЦК Александр Николаевич Яковлев. Последним совместным произведением Стругацких стала пьеса «Жиды города Питера, или Невеселые беседы при свечах» (1990) – своеобразное предостережение против излишне радужных надежд новейшего времени. После смерти в 1991 году старшего брата Борис Стругацкий, по его собственным словам, продолжил «пилить толстое дерево двуручной пилой, но без напарника». Сочинения Стругацких переведены на 42 языка и выходили в 33 странах, суммарное число их изданий перевалило за полтысячи.

16.IV.1888

120 лет назад, разорившись, повесился шестидесятисемилетний Антон Моисеевич Варшавский, богатейший банкир и железнодорожный магнат, строитель Московско-Брестской (ныне Белорусской) железной дороги, разбогатевший в начале 1860-х годов на государственных подрядах и получивший скандальную известность во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, когда, будучи комиссионером, присваивал себе до 10% стоимости поставки «почти безо всякого контроля цен и доставляемого количества». Ходили слухи, что Варшавский решил свести счеты с жизнью, когда его собственный сын, женатый на дочери немислимо богатого «железнодорожного короля» Самуила Соломоновича Полякова, «отказался снабдить его деньгами на уплату срочного векселя». А спустя три дня последний в возрасте всего лишь пятидесяти одного года ушел из жизни от инсульта, случившегося с ним на похоронах Варшавского. Самуил Поляков был средним из трех происходивших из полунищей семьи кустарей местечка близ Орши (Могилевская губ.) и прославившихся на всю Россию братьев-миллионеров Поляковых (старший – Яков, самый младший – Лазарь), возведенных в дворянство и удостоенных чина тайного советника (гражданский эквивалент генеральского звания). Финансист, «железнодорожный король» и щедрый филантроп, Самуил Поляков фантастически разбогател в 1860–1870-х годах за счет государственных подрядов на строительство железных дорог, а также благодаря феноменальной оборотистости, энергии и... продажности ряда высших правительственных

чиновников, в частности, министра почт и телеграфов графа Ивана Матвеевича Толстого и министра народного просвещения графа Дмитрия Андреевича Толстого. И тем не менее для России им было построено 2500 верст железнодорожных путей, за быстроту прокладки которых и высочайшее качество он в 1867 году был удостоен золотой медали Всемирной парижской выставки. Он оставил неимоверное состояние, оценивавшееся в 16 млн рублей. О прошедших в Петербурге через шесть дней после погребения Варшавского грандиозных похоронах Полякова очевидец писал: «Могу свидетельствовать только, что, кроме царских похорон, мне никогда не случалось видеть такой массы народу, как на похоронах Полякова. Все пространство от моего дома (у здания Адмиралтейства. – Б. Я.) через Сенатскую площадь до моих окон было заполнено народом, а при выносе тела присутствовали самые высокопоставленные лица и аристократическая публика».

18.IV.1928

80 лет назад в Тель-Авиве в общинном здании «Бейт а-ам», зрительный зал которого вмещал более 2000 зрителей, открылся сатирический театр «Мататэ» («Метла»). Актерский коллектив состоял из артистов, покинувших труппу основанного годом ранее тель-авивского театра-кабаре «Кумкум» («Чайник») ввиду несогласия с авторитарным стилем руководства, практиковавшегося его создателем Авигдором Хамеири, поэтом-символистом, журналистом, переводчиком, обладателем премий им. Макса Нордау и Хаима-Нахмана Бялика, прибывшим в Эрец-Исраэль по приглашению «отца» современного разговорного иврита Элиэзера Бен-Йеуды. И если «Чайник» прокипел всего лишь пару лет, то «Метла» мела вплоть до августа 1954 года. Спектакли «Мататэ» пришлись по вкусу широкой публике, поскольку деликатно и осторожно касались важных жизненных проблем еврейского ишува. Острые сатиры были направлены прежде всего против британских властей мандатного управления Палестины, причем преследовались цели не разрушения, а скорее созидания, и спектакли ставились не в форме агиток, а скорее как «домашние концерты». Всего театр показал около 120 постановок, особым успехом пользовались такие спектакли, как «Страна улыбок», «Любовь! Любовь!», «Холод и жара», «Наша страна в будущем», «Шерлок Холмс в Тель-Авиве» и др. С конца 1940-х годов к работе в театре привлекались многие маститые израильские литераторы, в частности Леа Гольдберг, Натан Альтерман, Авраам Шлионский. И все же нельзя не согласиться с мнением о том, что весьма популярные сатирические театры вроде «Кумкум» и «Мататэ» в исторической перспективе выступали в качестве своего рода фона для центральных «персонажей» еврейской сцены – «Габима» и «Охэл», изначально созданных как серьезные драматические театры.

19.IV.1943

65 лет назад в Варшавском гетто вспыхнуло массовое восстание. Для его подавления гитлеровцы использовали танки, авиацию и артиллерию. Отчаянное сопротивление было подавлено лишь к концу мая, хотя отдельные группы еврейских повстанцев продолжали ожесточенно сражаться вплоть до июля. Боевой организацией

гетто командовал беспримерно отважный двадцатитрехлетний Мордехай Анилевич, погибший 8 мая во время немецкой атаки на штаб повстанцев. В боях погибли около 7 тыс. еврейских повстанцев, порядка 6 тыс. обитателей гетто сгорели, приблизительно 15 тыс. евреев были вывезены в концлагеря (в основном в Трешлинку), нацисты потеряли свыше тысячи отборных эсэсовских головорезов. Когда 17 января 1945 года в Варшаву вошли советские войска, в живых оставались лишь около 200 евреев, скрывавшихся в подземных укрытиях и в развалинах. До начала второй мировой войны в Варшаве проживало 300 тыс. евреев. Именем Мордехая Анилевича названы кибуц «Яд Мордехай» (на юго-западе Израиля, между Ашкелоном и Газой), улицы многих других израильских городов и улица в Варшаве. Также в Варшаве на одной из площадей, носящей название Героев Гетто, 19 апреля 1948 года, в пятую годовщину восстания, был установлен монумент Бойцам Гетто. Восстание в Варшавском гетто стало самым крупным (если не считать партизанских боев в Югославии) до 1943 года вооруженным выступлением против германских войск в оккупированной Европе.

22.IV.1993

В этот день в Вашингтоне состоялась торжественная церемония открытия Американского мемориального музея Холокоста, на которой выступили президент США Билл Клинтон, президент Израиля Хаим Герцог, председатель Американского мемориального Совета Холокоста Харви Мейерхофф и всемирно известный еврейский прозаик, переживший нацистские лагеря смерти и много писавший о Холокосте, лауреат Нобелевской премии мира 1986 года Эли Визель. Для публики музей официально открылся спустя четыре дня, и первым его посетителем стал далай-лама. Первый камень в фундамент музейного здания был заложен в октябре 1988 году тогдашним президентом США Рональдом Рейганом, а 15-ю улицу, к которой обращен фасад главного входа в музей, переименовали в улицу Рауля Валленберга. К настоящему времени в музей побывало около 20 млн человек, и, согласно статистике, он является самым посещаемым из музеев мира. Свою главную задачу музей видит в том, чтобы накапливать и распространять знания о беспрецедентной трагедии Холокоста, содействовать сохранению памяти о его жертвах, способствовать размышлению над нравственным измерением проблем, порожденных Холокостом. Экспозиция музея размещена на трех этажах здания впечатляющей архитектуры, построенного по проекту одного из ведущих американских зодчих – Джеймса Инго Фрида. В ней собраны и представлены в хронологическом порядке подлинные вещественные экспонаты, фотографии, документы, свидетельствующие о массовом истреблении нацистами евреев. На многих десятках телеэкранов демонстрируются разнообразные документальные киносюжеты о том, как работала тоталитарная нацистская машина. Здесь можно видеть горы кожаной обуви, очков, ножниц, отобранных у тех, кого нацисты косили пулеметами во рвах или посылали в газовые камеры. В одном из залов выставлен подлинный железнодорожный вагон-теплушка, из тех, в которых людей доставляли в концлагеря. Тут же можно увидеть и потрогать двухколесную тачку для перевозки трупов...

28.IV.1908

100 лет назад в австро-венгерском городке Цвитау (ныне Свитава, Чехия) в католической семье судетских немцев родился Оскар Шиндлер, бизнесмен средней руки, с 1939 года член нацистской партии, во время войны спасший от гитлеровских лагерей смерти около 1200 восточноевропейских евреев. Ступивший по окончании школы на предпринимательскую стезю, Шиндлер вел жизнь праздного бонвивана, пока во времена экономического кризиса начала 1930-х годов не разорился и не был завербован абвером. Вскоре разоблаченный, он, будучи тогда гражданином Чехословакии, был отправлен за

решетку, откуда его в конце 1938 года вызволил Мюнхенский сговор Запада с Гитлером. На следующий год, после вторжения немцев в Польшу, Шиндлер стал хозяином крупного – на 1000 рабочих – краковского завода по производству эмалированной посуды, реквизированного оккупантами у прежнего владельца-еврея. Скорее всего, то была естественная человеческая реакция на творимые немцами зверства в отношении краковских евреев, побудившая Шиндлера с 1942 года методично вызволять несчастных, уже оформленных на отправку в концлагеря, выторговывая их у высокопоставленного нацистского начальства в качестве рабочих и специалистов, «остро необходимых» его предприятию. Эту деятельность он продолжал чуть ли не до окончания войны, пустив все свои деньги на взятки чиновникам. В 1967 году Шиндлер стал единственным членом нацистской партии, в честь которого в Аллее Праведников в иерусалимском мемориале «Яд ва-Шем» было высажено вечнозеленое именованное дерево. Он умер в 1974 году спившимся бедняком в больнице Хильдесхайма, земля Нижняя Саксония (ФРГ), куда его поместили за муниципальный счет, и был похоронен на иерусалимском кладбище на горе Сион. В 1982 году австралийский писатель Томас Кенилли по воспоминаниям пережившего Холокост польского еврея Польдека Пфедферберга написал книгу «Ковчег Шиндлера», по которой в 1993 году американский кинорежиссер Стивен Спилберг снял культовую черно-белую психологическую драму «Список Шиндлера», получившую девять «Оскаров», в том числе в номинации «Лучший фильм». Так многомиллионные массы впервые узнали о шиндлеровской эпопее. В последние годы появились книги и статьи, в которых утверждается, что на самом деле Шиндлер был далеко не такой светлой личностью, как о нем принято думать, а, напротив, довольно неприятным типом – разгульным кутилой, бессовестным бабником и крайне нечистым на руку дельцом. Но даже если все это так, то, что Шиндлер, рискуя собственной жизнью, спас 1200 обреченных (этим списком располагает «Яд ва-Шем»), остается непреложным фактом, и благодарная память о нем всегда будет жива.

30.IV.1963

45 лет назад по личной инициативе тогдашнего мэра Хайфы Аба Хуши был основан Хайфский университет, в наши дни являющийся ведущим академическим центром в области гуманитарных и общественных наук и искусства на севере Израиля. Университет активно взаимодействует с кибуцным движением, а также играет значительную роль в области высшего образования арабов и друзов. Гордостью университета, в котором в настоящее время насчитывается свыше 13 тыс. студентов, является его факультет гуманитарных наук, где изучают европейские и арабский языки, иврит, литературу на этих языках, сравнительную филологию, историю еврейского народа и Ближнего Востока, историю искусств, музыковедение и ряд прочих культурологических дисциплин. Первоначально университет ютился в случайных помещениях и только в 1966 году был введен в строй первый из его кампусов, построенный по проекту всемирно известного бразильского архитектора еврейского происхождения Оскара Нимейера на высоте 438 м над уровнем Средиземного моря на плато, венчающем гору Тлалим (часть

горного массива Кармель, в 6 км от центра Хайфы). В 1987 году было завершено строительство главной достопримечательности Хайфского университета – башни Эшколь, тридцатиэтажного небоскреба, на верхнем этаже которого размещены небольшой актовый зал, университетский музей и смотровая галерея, откуда открывается захватывающий вид на Галилею, гору Хермон и побережье Средиземного моря – 40 км на юг и на север. Длина узкой стены небоскреба составляет всего около 12 м, так что высокая, но очень «тонкая» башня производит впечатление вонзенного в небо клинка. На крыше башни смонтированы армейская и научно-исследовательская радиолокационные установки.

АВТОРЫ НОМЕРА

Марк Амусин (р. 1948) – литературовед, критик. Автор книг «Братья Стругацкие. Очерк творчества» и «Город, обрамленный словом». Печатается в российских журналах и русскоязычной периодике Израиля.

Лев Бердников (р. 1956) – филолог, журналист (монографии «Счастливый Феникс: Очерки о русском сонете и книжной культуре XVIII – начала XIX века» [1997], «Пантеон российских писателей XVIII века» [2002]).

Юлия Винер – писатель и поэт, переводчик, сценарист, работала в документальном кино. Печатается в литературных журналах России («Новый мир», «Дружба народов») и Израиля («22», «Зеркало»).

Симон Джекобсон (р. 1956) – основатель «Центра жизни, полной смысла», автор книг «К жизни, полной смысла» и «60 дней: духовное руководство к праздникам». Тесно сотрудничал с Любавичским Ребе Менахемом-Мендлом Шнеерсоном, ныне координирует публикацию его бесед. Возглавлял группу исследователей Сефер а-Ликутим – энциклопедии хасидской мысли (26 томов, 1977–1982).

Василий Должанский (р. 1964) – фотограф, журналист («Проект Россия», «Архитектурный вестник», «Квартирный ответ», Casabella, Abitare и др.).

Осип Дымов (Перельман, 1878–1959) – драматург и прозаик (пьесы «Слушай, Израиль!», «Вечный странник» и др.).

Марк Зайчик (р. 1947) – прозаик («Феномен» [1985], «Сделано в СССР» [1988], «Иерусалимские рассказы» [1996]). Печатался в журналах «Континент», «Эхо», «22», «Звезда».

Илья Карпенко (р. 1961) – филолог, литературовед, журналист.

Леонид Кацис (р. 1958) – филолог (Владимир Маяковский: поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000, 2004; Осип Манделштам: мускус иудейства. М., 2002; Кровавый навет и русская мысль. Историко-теологическое исследование дела Бейлиса. М., 2006 и др.). Профессор Учебно-научного центра библеистики и иудаики РГГУ.

Джеймс Кугел (р. 1945) – ученый-библеист, писатель, переводчик библейских текстов, профессор Бар-Иланского университета (Израиль). Директор Института истории Еврейской Библии. Автор 11 книг.

Аркадий Львов (р. 1927) – писатель («Двор», сб. рассказов). В 1976 году эмигрировал в США.

Афанасий Мамедов (р. 1960) – прозаик, журналист. Автор романов «Хазарский ветер» и «Фрау Шрам». Лауреат премии им. Казакова (2007).

Норман (Кингсли) Мейлер (1923–2007) – прозаик, эссеист, критик, публицист. Первый же его роман – «Нагие и мертвые» (1948, русский перевод 1973) – принес ему мировую известность.

Нелли Портнова – историк, литературовед, доктор философии. Автор-составитель хрестоматии «Быть евреем в России».

Леонид Радзиховский (р. 1953) – журналист («Российская газета», «Еврейское слово», интернет-издание «ЕЖ»), радиостанции «Эхо Москвы» и «Маяк»).

Александр Рапопорт (р. 1960) – поэт (сборники «Образ жизни», «Имя и число») и журналист (газета «Культура»).

Нохум-Зеэв Рапопорт (р. 1955) – раввин, переводчик, преподаватель иерусалимской шивы.

Юрий Табак (р. 1955) – историк, переводчик, религиовед («Православие и католичество», учебник «История религий», «Сумерки шовинизма» [сб. статей], «Основные догматические обрядовые расхождения»).

Михаил Туваль (р. 1971) – историк-религиовед, специалист по истории евреев в эпоху второго Храма.

Владимир Хазан (р. 1952) – филолог, профессор Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг и публикаций, посвященных различным аспектам русско-еврейских культурных связей.

Марк Харитонов (р. 1937) – прозаик, эссеист, поэт, переводчик. Первый лауреат русской Букеровской премии (1992), французской премии за лучшую эссеистическую книгу года (1997).

Гилель Цейтлин (1871–1942) – писатель, журналист, публицист и общественный деятель. Одна из выдающихся личностей в еврействе XX века: родившись в хасидской семье, последовательно прошел через все «измы» своего времени, вернулся к ортодоксальному иудаизму и приобрел обширные познания в каббале. Погиб смертью мученика в Варшавском гетто.

Адин Эвен-Израэль (Штейнзальц) (р. 1937) – раввин, педагог, ученый, почетный доктор ряда университетов Израиля и США. Основатель новаторских учебных заведений и просветительских организаций в Израиле и СНГ, в том числе Института изучения иудаизма (1990). В 1988 году удостоен высшей награды еврейского государства – Премии Израиля.

Михаил Эдельштейн (р. 1972) – филолог, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели».

Асар Эппель (р. 1935) – прозаик («Травяная улица», «Шампиньон моей жизни»), переводчик (Б. Брехт, Б. Шульц). Награжден офицерским крестом ордена Заслуги (Польша, 2000). Лауреат премии им. Казакова (2003).

Борис Явелов (р. 1940) – автор научных и научно-исторических статей и книг.